

БИБЛИОТЕКА НАШЕГО ЮНОШЕСТВА.

Выпускъ VI.

№ $\frac{7}{383}$

А 26
1824

ПУТЕШЕСТВІЕ Ч. ДАРВИНА

Кругомъ свѣта и по Южной Америкѣ.

ВЪ ПЕРЕДѢЛКѢ

М. А. Лялиной.

с 50 рисунками въ текстъ.

6079-0

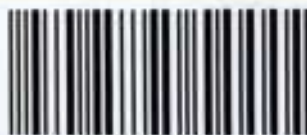

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание М. М. Ледерле и К°.

1895.

Типография П. П. Соляникова, Стремянная, 12.

2007084299

Введеніе.

Для мыслителя очень интересно путешествіе по Южной Америкѣ; онъ здѣсь воочию видитъ, такъ сказать, осязаетъ то вліяніе, которое имѣетъ на жизнь человѣка географія: насколько его культура, привычки, міровоззрѣніе, манера не только жить, но даже и мыслить зависятъ отъ условія теченія рѣкъ, направленія горъ, отъ формы растительности, отъ количества влаги и жары. Всѣ эти основныя начала забываются среди нашей, все уравнивающей, цивилизаціи, забываются до такой степени, что даже совсѣмъ исчезаютъ изъ политическихъ и научныхъ соображеній, а между тѣмъ начала эти живутъ, и играютъ въ нашемъ существованіи значительную роль. Сколько фатальныхъ бѣдъ и несчастій, сколь-

ко болѣзней и смуть приносятъ намъ эта все уравнивающая цивилизація, не желающая принимать во вниманіе естественныхъ условій, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ. Дарвинъ, только послѣ путешествія по Южной Америкѣ, понялъ значеніе этихъ началъ, и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ создалъ свою систему въ которой естественныя условія играютъ такую видную роль.

Юнгъ, «По Южной Америкѣ».

Глава I.

Кругосвѣтное путешествіе Дарвина на корабль Бигль.

Отъ береговъ Англіи отплылъ, 27-го декабря 1831 года, десятипушечный бригъ, подъ командою капитана Фицъ-Роя, которому поручено было осмотрѣть берега Патагоніи, Чили, Перу, Огненной земли и нѣкоторые острова Тихаго океана. Все это были страны неизслѣдованныя и въ то время мало извѣстныя.

Января 6-го бригъ достигъ Teneriffe, но жители, опасаясь, чтобы англичане не завезли имъ холеры, не пустили ихъ въ гавань. Экипажъ могъ только издали полюбоваться teneriffскимъ пикомъ, окруженнымъ сіяніемъ зари. «Это была заря многихъ прелестныхъ дней, которыхъ я никогда не забуду», восклицаетъ Дарвинъ въ поэтическомъ экстазѣ.

Января 16-го бригъ бросилъ якорь въ гавани Порто-Прайя на Сантъ-Яго, главномъ островѣ архипелага Зеленаго мыса.

Съ моря, окрестности Порто-Прайя не представляли ничего интереснаго; вулканическія изверженія и жгучее солнце сдѣлали почву безплодною. Дожди здѣсь бываютъ только разъ въ годъ и то на самое короткое время. Но и этотъ скудный запасъ влаги дѣлаетъ чудеса; вездѣ, гдѣ только есть клочекъ земли, прорывается могучая зелень. Прекратятся дожди, солнце войдетъ въ свои права и зелень засохнетъ. Но и въ сухомъ видѣ она цѣлый годъ доставляетъ мѣстнымъ животнымъ подножный кормъ. Подходя къ острову, моряки видѣли стада на голыхъ скалахъ и не могли понять, что они тамъ дѣлаютъ; издали, поблекшая зелень была незамѣтна. Только позднѣе явленіе это объяснилось.

Соотвѣтственно растительности бѣдна тамъ и животная жизнь. Вѣсть смертью отъ этихъ каменистыхъ равнинъ. Кое гдѣ, на кустѣ клещевины, мелькнетъ ярко-перистый зимородокъ. Онъ сидитъ не двигаясь и вамъ кажется, что онъ спитъ; а между тѣмъ онъ зорко выглядываетъ кузнечика, или ящерицу, любимую свою пищу. Увидѣвъ добычу, онъ стремительно срывается съ мѣста и налетаетъ на нее.

Морякамъ очень пріятно было узнать, что внутренность страны далеко не такъ безплодна, какъ ея окраины. Собравъ свѣ-

денія о мѣстечкѣ Рибейро-Гранде въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Порто-Прайя, партія офицеровъ и Дарвинъ задумали сдѣлать туда экскурсію.

Сначала дорога шла по безплодной, каменной равнинѣ и вдругъ, какъ то сразу, привела къ обѣтованной землѣ. На берегахъ, какимъ то чудомъ ущѣлѣвшаго ручейка, развилась роскошная растительность. Среди зе-

Берегъ Teneriffa.

лени видѣлись живописныя развалины палатки и собора, а въ немъ памятники похороненныхъ здѣсь въ XVI вѣкѣ губернаторовъ и военныхъ правителей архипелага. По справкамъ оказалось, что здѣсь былъ прежде городъ и гавань, перенесенная потомъ въ Порто-Прайя.

Толпа мушинъ, женщинъ и дѣтей, черныхъ какъ уголь, сбѣжалась посмотрѣть на иностранцевъ. Даже присутствіе патера, такого же чернаго, какъ и его паства, не сму-

тило любопытныхъ. Одинъ человекъ довелъ свою безперемонность до того, что похлопавъ патера по головѣ съострилъ, что у него только кожа черная, а душа бѣла какъ морской песокъ. Очевидно, этотъ дикарь не видалъ ничего бѣлѣе морского песка.

На слѣдующій день путешественники отправились въ селеніе Санъ-Доминго, внутри острова. Селеніе расположено въ котловинѣ, окруженной высокими зубчатыми стѣнами наслонившейся лавы, похожими на крѣпостныя стѣны. Дикъ и мраченъ былъ видъ этой мѣстности, вполне лишенной растительности. Сквозь одну изъ расщелинъ, путешественники прошли на равнину, орошаемую небольшимъ ручьемъ. Кой гдѣ, по берегу, виднѣлись чахлая акація, верхушки которыхъ подъ вліяніемъ пассатнаго вѣтра, получили странную форму. Однѣ были согнуты въ дугу, другія представляли прямой уголъ. Направленіе вѣтвей было какъ разъ по вѣтру.

По дорогѣ, путешественники спугнули стаю псарокъ, штукъ въ 50 — 60. Увидавъ людей, курочки сперва побѣжали, поднявъ голову вверхъ, какъ куролатки въ дождливый сентябрьскій день, но потомъ, испугавшись преслѣдованія, прибѣгли къ помощи крыльевъ.

На возвратномъ пути, моряки обогнали толпу черныхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлоснѣжныя рубашки съ яркими платками на головахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ небрежно накинуты были шали, другія — несли свои шали перекинутыми на рукѣ. Увидавъ всад-

никовъ, дѣвушки остановились и, сбросивъ шали, постлали ихъ на дорогу, подъ ноги лошадямъ. За эту любезность онѣ награждены были горстью мелкихъ монетъ. Подбирая монеты, дѣвушки громко кричали и приплясывали, ударяя въ тактъ руками. Картина была своеобразна и живописна.

Негритяскій пасторъ.

Здѣсь въ воздухѣ — постоянная мгла, по причинѣ тончайшей пыли, нагоняемой вѣтромъ. Эта пыль уносится на большое разстояніе и покрываетъ корабли находящіеся миль за 1000 отъ берега. Иногда она такъ компактна, что производитъ впечатлѣніе тумана и благодаря ей корабли нерѣдко садятся на

мель. Дарвинъ собралъ нѣсколько пакетиковъ этой пыли на корабль, въ 300 миляхъ отъ берега, и, изслѣдовавъ ее, увидалъ, что она состоитъ изъ мельчайшихъ панцирныхъ инфузорій и изъ частицъ этихъ панцирей.

Во время стоянки на якорѣ, Дарвинъ наблюдалъ нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ и, между прочимъ, каракатицу, или спрута. Хотя въ лужахъ, остающихся на отмеляхъ послѣ отлива, эти животныя попадаются часто, но поймать ихъ очень трудно. Съ помощью длинныхъ ногъ и присосковъ, онѣ могутъ втискивать свое тѣло въ чрезвычайно узкія щели и нужна большая сила, чтобы вытащить ихъ оттуда. Иногда онѣ стремительно бросаются изъ одной лужи въ другую, окрашивая воду темно-коричневою жидкостью. Эти животныя одарены способностью подобно хамелеону, измѣнять цвѣтъ, сообразуясь съ свойствами почвы, надъ которой проходятъ. Въ глубокой водѣ ихъ оттѣнокъ красновато-коричневый, а въ мелкой—желтовато-зеленый.

Наблюдая внимательно, Дарвинъ замѣтилъ, что измѣненіе цвѣта каракатицъ идетъ волнообразно, подъ ихъ прозрачной кожей. Подъ вліяніемъ слабаго гальваническаго тока, пропущеннаго сквозь какую нибудь часть тѣла спрута, эта часть дѣлалась совершенно черною. Тоже явленіе, но въ меньшей степени, замѣчалось отъ царапанья кожи иглою. Эти измѣненія цвѣтовъ, похожія на игру краски въ лицѣ, происходятъ, какъ

говорятъ, отъ поперебѣннаго расширенія и сокращенія маленькихъ пузырьковъ, заключающихъ въ себѣ окрашивающую жидкость.

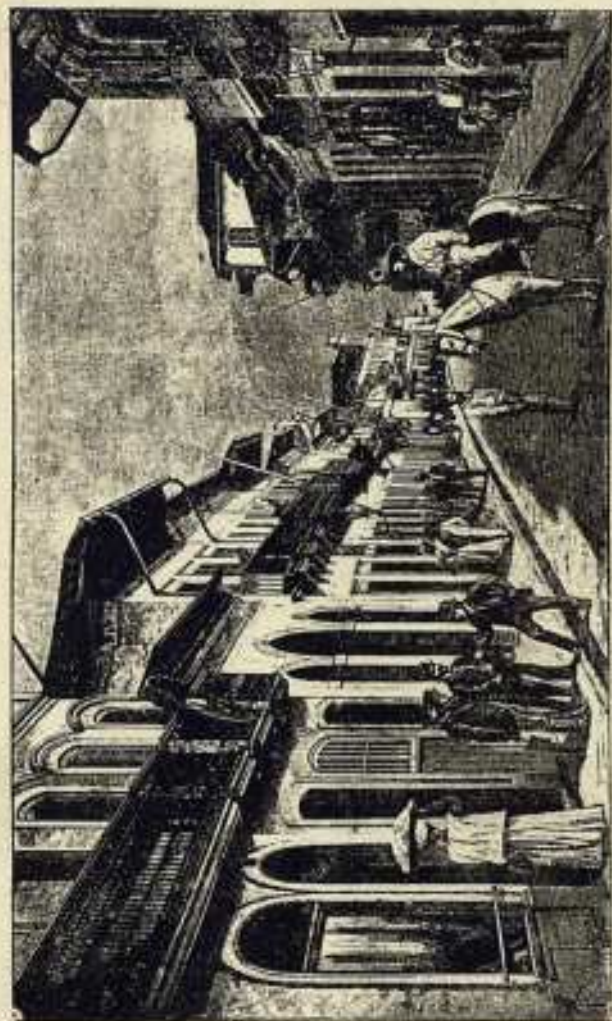
«Меня очень занимали, рассказываетъ Дарвинъ, различныя уловки, къ которымъ прибѣгалъ одинъ изъ спрутовъ, чтобы укрыться отъ меня. Онъ, казалось, вполне понималъ, что я за нимъ наблюдаю. Нѣкоторое время онъ оставался неподвижнымъ, потомъ крадучись, точно кошка за мышью, подвигался на дюймъ или на два. По временамъ, онъ измѣнялъ свой цвѣтъ и продолжалъ поступать такимъ образомъ, пока не добрался до болѣе глубокаго мѣста. Тогда онъ внезапно рванулся впередъ, оставляя за собой густую струю чернилъ, чтобы скрыть нору, въ которую спрятался.

«Однажды, когда я, наблюдая морскихъ животныхъ со скалистаго берега, нагнулся фута на два, меня обдала снизу бьющая струя воды и послышался шорохъ. Сначала я не могъ понять что это такое,—но потомъ догадался, что каракатица, которая спряталась отъ меня въ норку, пустила эту струю въ видѣ самозащиты. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти животные владѣютъ способностью выбрасывать изъ себя воду, и мнѣ казалось даже, что онѣ могутъ довольно вѣрно прицѣливаться, направляя сифонъ снизу вверхъ. Каракатица, которую я держалъ въ каютѣ, издавала въ темнотѣ легкій фосфорическій блескъ».

Утромъ 16-го февраля Бигль легъ въ

дрейфъ противъ острова Св. Павла. Этотъ островъ, круто поднимающійся изъ глубины океана, не представляетъ ничего интереснаго, кромѣ развѣ толстаго слоя гуано, накопившагося здѣсь вѣками. Отъ брызговъ морскихъ волнъ, слои гуано покрылись налетомъ морской соли и до того отвердѣли, что царапають стекло. Островъ совершенно безплоденъ; на немъ нѣтъ даже лишайниковъ; но, несмотря на это, тутъ водится много насѣкомыхъ и пауковъ. Изъ птицъ Дарвинъ видѣлъ только глупыша и крачку или морскую ласточку. Птички, не напуганныя человекомъ, были такъ доверчивы, что позволяли брать себя руками. Глупышъ кладетъ яйца на голыя скалы, крачка вьетъ гнѣзда изъ водорослей у подошвы утесовъ. У одного такого гнѣзда Дарвинъ видѣлъ принесенную рыбку и наблюдать какъ краббъ выползъ изъ своей норы и стащилъ эту рыбку. Говорятъ, краббы таскають даже птенцовъ глупышей.

Февраля 29-го, Бигль достигъ Бразильскихъ береговъ. «Нѣтъ выражений достаточно сильныхъ, говоритъ Дарвинъ, чтобы описать впечатлѣнія человека, попавшаго въ первый разъ въ эту благодатную страну. Роскошь растительности и богатство органической жизни—изумительны. Насѣкомыя гудятъ такъ сильно, что гулъ ихъ слышенъ съ корабля, стоящаго довольно далеко отъ берега. Прогулка по Бразильскому лѣсу, для естествоиспытателя, чистое наслажденіе.

Улицы въ Рио де-Жанейро.

Бразилія, подобно многимъ другимъ землямъ была открыта Европейцами совершенно случайно. Въ 1500 году португальцы снаряжали экспедицію въ восточную Индію и знаменитый мореплаватель Васко-де-Гама, посоветовалъ командиру эскадры, Кабралю, вмѣсто того чтобы плыть на югъ, взять на юго-западъ, чтобы воспользоваться пассатными вѣтрами и потомъ уже, встрѣтивъ вѣтры дующіе на юго-востокъ, повернуть въ этомъ направленіи.

Кабраль въ точности исполнилъ инструкцію и нечаянно наткнулся на Бразилію въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь городъ Сантосъ. Воздрузивъ на новооткрытой землѣ крестъ, Кабраль отрядилъ корабль къ дону Эммануилу, королю португальскому, съ извѣстіемъ объ открытіи. Король объявилъ, что беретъ эту землю въ свою собственность, и она была названа «Terra de Santa Cruz» т. е. Земля Св. Креста. Но это названіе не удержалось и новооткрытый край переименованъ былъ въ Бразилію.

Полагаютъ, что это названіе произошло отъ дерева *baobrasil*, поразившее европейцевъ своимъ страннымъ видомъ: кора у него бѣлая, а внутренность красная. Изъ этого дерева индѣйцы дѣлали яркую краску, походившую на пламя, по испански *brazgo*. Очень можетъ быть что это и такъ, но доподлинно ничего не извѣстно.

Вслѣдъ за Кабралемъ въ Бразилію поѣхали испанцы и французы. Они заняли много

пунктовъ на берегу и завели сношенія съ индѣйцами *).

Разсчитывая посѣтить этотъ чудный уголокъ на возвратномъ пути, Фишъ-Рой оставался здѣсь не долго, и снявшись съ якоря, поплылъ далѣе. Во время плаванія, за бортъ выбрасывалась сѣтка, доставлявшая богатый матеріалъ для изученія. Между многими сортами рыбъ попался иглотѣлъ, одаренный способностью раздуваться въ шаръ. Если вынуть его изъ воды и погрузить снова, то онъ быстро поглощаетъ огромное количество воды и воздуха и, вслѣдствіе большой растяжимости кожи, вздувается.

Пробывъ въ такомъ состояніи нѣкоторое время, рыба, обыкновенно, сильнымъ движеньемъ выпускаетъ изъ себя воду и воздухъ и принимаетъ обыкновенные размѣры. Игло-тѣлъ, попавшій на корабль, отстаивалъ себя очень энергично; онъ выбрасывалъ изо рта воду на значительное разстояніе и очень больно кусался, причемъ движеніе его челюстей производило престранный звукъ. При раздуваніи, ворсинки, покрывавшія тѣло, напрягались и дѣлались колючими. Положивъ эту рыбу на руку, Дарвинъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что изъ кожи живота выдѣлилось волокнистое вещество карминнаго цвѣта. Слоновая кость и бумага, окрашенные этимъ веществомъ, сохранили свой цвѣтъ и впоследствии. Естественный испытатель, Форрестъ на-

*) Заимствовано изъ книги Говинга по Южной Америкѣ.

ходили иглотѣловъ въ желудкѣ акулы. Онъ утверждаетъ, что эта рыбка нерѣдко освобождается изъ своей темницы, прогрызая брюхо акулы, отчего послѣдняя издыхаетъ.

Не подалеку отъ острововъ Аброльосъ, мимо которыхъ Бигль проходилъ 18-го марта, вода оказалась красновато-бураго цвѣта. Вся поверхность ея была покрыта какъ бы обрывками сѣна съ зазубренными кончиками. То были крошечныя нитчатки, собранныя въ связки или пучечки, отъ 20—60 штукъ въ каждой связкѣ. Корабль проходилъ черезъ нѣсколько такихъ скопищъ, изъ которыхъ одно занимало въ ширину около 25-ти футовъ, а въ длину тянулось, по крайней мѣрѣ, на $2\frac{1}{2}$ мили. Это тотъ же самый видъ, которымъ покрыты огромныя пространства въ водахъ Краснаго моря, вслѣдствіе чего оно и получило это названіе.

Бываютъ еще и другія причины окрашиванія морской воды. Около береговъ Огненной Земли плаваютъ скопища крошечныхъ, ярко-красныхъ раковъ, которыми любятъ лакомиться тюлени и киты. Въ иныхъ мѣстахъ попадаются, темножелтыя извилистыя полосы икры. Кромѣ того окрашиванію воды способствуютъ водоросли и безчисленное количество инфузорій, изъ которыхъ многія издаютъ фосфорическій свѣтъ.

Глава II.

Ріо-Жанейро.

Бигль пришелъ въ Ріо-Жанейро 4-го Апрѣля. Бухта Ріо-Жанейро одна изъ величайшихъ въ мірѣ бухтъ. Она окружена горами самыхъ причудливыхъ формъ и очертаній. Всѣ эти горы, снизу до верху покрыты роскошною растительностью. Трудно описать словами и даже передать красками разнообразіе тѣней и тоновъ этой могучей растительности. Но передать впечатлѣніе, которое подобная природа производитъ на душу сѣвернаго жителя—совсѣмъ невозможно.

Спустя нѣсколько дней по прибытіи въ Ріо-Жанейро, Дарвинъ познакомился съ однимъ англичаниномъ, который отправлялся въ свое имѣніе, находившееся болѣе чѣмъ въ ста миляхъ отъ столицы. Англичанинъ предложилъ ученому натуралисту сопрово-

Бухта Пио-де-Жанейро.

вать ему, что дало возможность послѣднему ознакомиться со страной и ея природою.

Рано утромъ компанія, состоявшая изъ семи человѣкъ, двинулась на сѣверъ, по направленію мыса Фріо. Сначала ѣхали воздѣланными полями, окруженными великолѣпной рамкой горъ съ одной стороны и голубыми водами залива—съ другой. Зеленъ и цвѣты, ярко окрашенные, сливались незаметно съ синѣющею далью, теряясь въ дымкѣ раскаленного южнаго воздуха. Около полудня въѣхали въ лѣсъ, пернатое населеніе котораго предавалось полуденному отдохновенію; только великолѣпныя бабочки гигантскихъ размѣровъ перелетали съ мѣста на мѣсто.

Въ лѣсу путники были застигнуты тропическою грозою. Они пробовали было укрыться подъ деревомъ, крона котораго была такъ густа, что обыкновенный дождь не пробилъ бы листву; но здѣсь, минуты черезъ двѣ, по стволу уже текли потоки. Этой-то силѣ дождя бразильскій лѣсъ и обязанъ своей могучей растительностью. Еслибъ здѣшніе ливни походили на дожди умѣренныхъ странъ, большая часть капель успѣла бы испариться, не достигнувъ земли, какъ это и бываетъ въ азіатскихъ пустыняхъ.

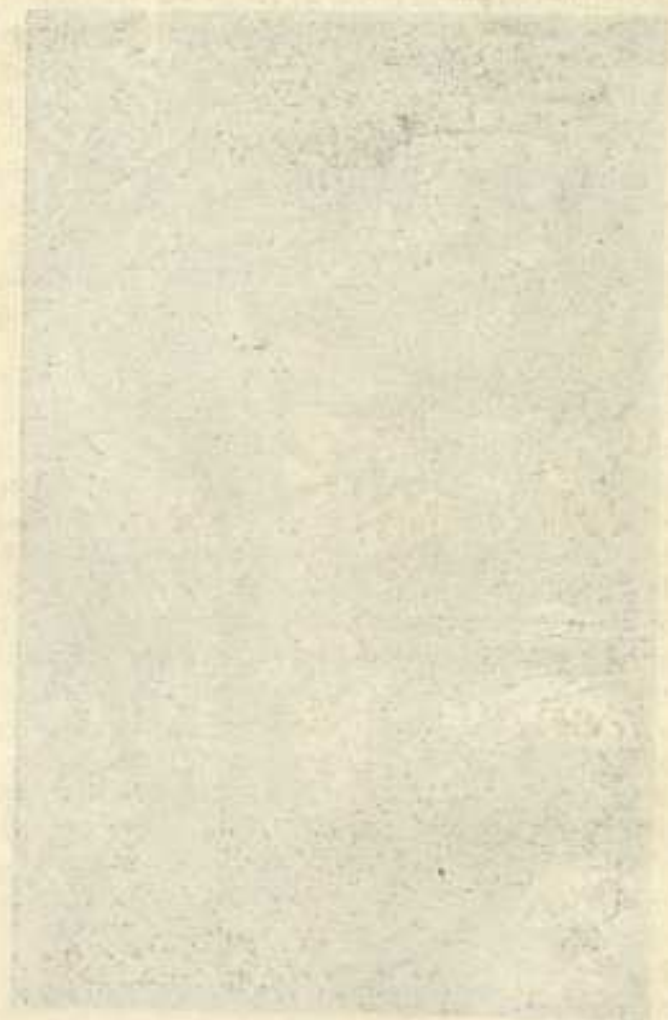
Миновавъ лѣсъ, путники достигли долины Итокайо и глазамъ ихъ представилась картина, прямо выхваченная изъ романа г-жи Бичеръ-Стоу: «Хижина дяди Тома». По равнинѣ раскинулась плантація, а въ центрѣ находилась вила владѣльца, окруженная хижи-

нами негровъ. Тутъ же, какъ памятникъ минувшаго, возвышалась скала, пользовавшаяся печальной извѣстностью; за нею укрывались во время мятежа, бѣглецы негры. Отрядъ солдатъ переловилъ ихъ всѣхъ, кромѣ одной старухи, которая, не пожелавъ отдаться въ руки враговъ, бросилась со скалы и разбилась до смерти. Еслибъ такой подвигъ совершила римская Матрона, ее воспѣли бы поэты; но со стороны бѣдной негритянки онъ показался бессмысленнымъ упрямствомъ.

Жаръ спалъ и взошла луна. Путники ѣхали теперь по каменистой равнинѣ, съ разбросанными по ней лагунами, блестящими какъ звѣзды на темномъ небѣ. Растительности почти не было, если не считать нѣсколькихъ тощихъ деревьевъ, обвитыхъ чужезадными растеніями. За то какія тутъ были орхидеи! съ какими чудными душистыми цвѣтами! Въ общемъ, дорога была довольно монотонна, а главное утомительна и путники очень обрадовались, доѣхавъ наконецъ до гостинницы, въ которой должны были провести ночь. Но къ сожалѣнію радость ихъ была преждевременна. Гостинница оказалась просто баракомъ, выстроеннымъ изъ бревенъ, поставленныхъ стоймя и переплетенныхъ вѣтвями; стѣны внутри и снаружи обмазаны были глиною, которая мѣстами растрескалась и давала доступъ паукамъ и другимъ насекомымъ. Во всю длину тянулась веранда со столами и стульями. Въ комнатахъ, окна были безъ стеколъ и двери... безъ дверей. Кроватей

Бразиліа атт.

не полагалось, а вмѣсто нихъ — скамьи и соломённые маты; располагайся, какъ знаешь. Въ утѣшеніе, Дарвину сообщили, что всѣ гостиницы въ краю такого же типа.

Не лучше онѣ оказались и по части продовольствія.

— Что у васъ можно поѣсть? — спрашиваютъ путешественники.

— Все, что вамъ угодно; — любезно отвѣчаетъ хозяинъ.

— Рыба есть?

— Нѣтъ.

— Какойнибудь супъ?

— О, нѣтъ; какой-же теперь супъ!

— Ну хлѣбъ, мясо.

— О, нѣтъ, нѣтъ!

Стоитъ путешественнику заявить претензію и онѣ не замедлятъ услышать грубость. «Кому-де здѣсь не нравится тотъ можетъ убираться, откуда пришелъ».

«Не рѣдко случалось, говоритъ Дарвинъ, намъ самимъ заботиться о провизіи: покупать чтонибудь у поселянъ, или просто ловить на улицахъ куръ и утокъ. Но и тогда терпѣнію нашему еще предстоялъ искусь. Приготовление кушанья напоминало Танталово мученіе, и на вопросъ: скоро-ли оно будетъ готово, невозмутимо отвѣчали: а когда поспѣетъ, тогда и будетъ готово *)».

На слѣдующій день путники долго ѣхали

*) Многія мѣстности, по которымъ путешествовалъ Дарвинъ первобытнымъ способомъ, теперь обстроены хорошими гостиницами и соединены жел. дор. со столицей.

лѣсомъ. Хотя густая листва и защищала ихъ отъ лучей солнца, падающихъ вертикально, но палящій зной и въ лѣсу былъ ощутителенъ. За лѣсомъ пошли пастбища, на которыхъ разбросаны были коническія возвышенія футовъ въ 12 вышины. Это было ничто иное, какъ гигантскіе муравейники.

Послѣ трехдневной утомительной ѣзды верхомъ, путешественники добрались до помѣстья съ обширной кофейной плантаціей, окруженной дѣвственнымъ лѣсомъ. На небольшомъ холмѣ, въ центрѣ хозяйственныхъ построекъ, стоялъ домъ владѣльца дона-Фигуэрадо, одного изъ спутниковъ Дарвина. Домъ этотъ походилъ на вышеописанную гостиницу безъ стеколъ и дверей, но за то въ пріемной стояла золотая мебель, вовсе не подходившая къ окружающей обстановкѣ. На дворѣ сушились груды кофе.

Кромѣ кофе, въ этой мѣстности разводится еще маниокъ, всѣ части котораго идутъ въ дѣло. Стволъ и листья употребляются на кормъ лошадямъ, а изъ корней варятъ кашу, любимое кушанье бразильцевъ. Замѣчательно, что сокъ этого полезнаго растенія ядовитъ и потому, передъ приготовленіемъ каши, корень измельчаютъ, толкутъ, и выжимаютъ сокъ. Зеленые части растенія даютъ скоту высушенными.

Плодородіе почвы здѣсь замѣчательное. По словамъ дона-Фигуэрадо, у него уродились, въ предыдущемъ году, бобовъ самъ 80, а рису самъ 320.

Если эти шифры и преувеличены, то все таки уголья здѣсь богатая. Тучныя пастбища даютъ возможность держать много скота, а лѣса изобилуютъ крупной и мелкой дичью. При такихъ условіяхъ донъ-Фигуэрадо могъ исполнѣь вознаграждать своихъ гостей за голодовку въ попутныхъ гостинницахъ. Столы ломились отъ яствъ и гости непременно должны были всего попробовать. Когда они уже насытились и возблагодарили Господа, на столѣ появились новыя яства; жареные индѣйка и поросенокъ. До нихъ, однакоже, не смотря на упрасиваніе хозяевъ, никто не дотронулся.

Обѣдъ бразильцевъ состоитъ обыкновенно изъ множества блюдъ, но кушанья не подаются присутствующимъ, какъ у насъ, а всякій беретъ, что ему нравится. При обиліи дичи и необычайномъ разнообразіи плодовъ и овощей, бразильская кухня могла бы быть единственною въ мірѣ. Можетъ быть она такова и есть на вкусъ туземца, но европейцу долго нужно привыкать, чтобы освоиться съ ней. Очень мало кушаній подается въ натуральномъ видѣ; большая часть искрошена, смѣшана и испорчена соусомъ съ примѣсью противнаго пальмоваго масла.

Домашнія птицы и дичь здѣсь очень вкусны, но нельзя того же сказать о рыбахъ. Рыбы Европейскихъ бассейновъ гораздо нѣжнѣе: овощи въ Бразиліи не особенно разнообразны; самыя употребительныя во всѣхъ слояхъ общества—это бобы красныя,

желтые, бѣлые и черные. Послѣдніе, когда варятся, то вода отъ нихъ дѣлается черна какъ чернила, но это не мѣшаетъ имъ быть очень вкусными. Относительно плодовъ можно было бы написать цѣлые томы; до того разнообразны ихъ породы. Но европейцу все таки надо къ нимъ привыкнуть, чтобы находить наслажденіе. Самый доступный европейскому вкусу плодъ это—ананасъ, который здѣсь чрезвычайно соченъ и прекрасно утоляетъ жажду. Такой же освѣжительный плодъ — маракужа, внутренность котораго ѣдятъ ложкой.

Изъ европейскихъ плодовъ привились здѣсь персикъ и апельсинъ; этихъ деревьевъ можно встрѣтить въ Бразиліи цѣлыя рощи. Но апельсинъ совершенно переродился; кора его темно коричневая, или грубо-зеленоватая, но плодъ сохранилъ свой вкусъ; онъ очень крупенъ и сладокъ.

Вкусъ, величина и сочность плодовъ замѣчательно измѣняются, смотря по мѣстности, въ которой растутъ. То, что сочно и мягко и можетъ быть съѣдено сырымъ на югѣ, на сѣверѣ употребляется въ пищу только варенымъ, и наоборотъ. Но едва ли не самое поразительное разнообразіе представляютъ бананы. Ихъ, говорятъ, болѣе трехсотъ породъ различныхъ величинъ и цвѣтовъ. Одни употребляются какъ фрукты, другіе какъ овощи.

Въ помѣстьѣ дона Фигуэрадо Дарвину удалось познакомиться съ чисто бразильской

кухней. Въ гостинницѣ Рио-Жанейро она имѣла все таки смѣшанный характеръ. Много типичнаго встрѣтилъ онъ и въ обстановкѣ. Тарелки, напр., на бразильскихъ обѣдахъ почти никогда не мѣняются. Поѣлъ бразилецъ курицы подъ бѣлымъ соусомъ, густо посыпавъ ее мукой, на ту же тарелку кладетъ бобы, тоже подъ соусомъ и съ мукой. За бобами слѣдуетъ рыба съ ѣдкимъ соусомъ изъ кайенскаго перца и такъ далѣе.

Забавно было смотрѣть, какъ слуги, прислуживавшіе за столомъ, безпрестанно выгоняли изъ столовой собакъ и черныхъ ребятшекъ, которые несмотря ни на что, опять туда вползали.

Еслибы рабство не возмущало нравственнаго чувства, въ окружающей обстановкѣ много можно-бы подмѣтить симпатичнаго. Это былъ чисто патріархальный бытъ, гдѣ хозяева и рабы составляли какъ бы одну семью. И гостепріимство здѣсь патріархальное. Какъ только путешественникъ, столь рѣдкій въ этихъ краяхъ, появится на горизонтѣ, тотчасъ-же начинаютъ звонить въ колокола и даже стрѣлять изъ пушекъ тамъ, гдѣ онъ есть. Послѣ тяжелаго пути по каменистымъ равнинамъ и дѣвственнымъ лѣсамъ, путешественнику кажется, что онъ попалъ въ обѣтованную землю. Жизнь кипитъ какъ въ муравейникѣ. Еще до зари встаютъ негры-работники и начинаютъ дневной трудъ пѣніемъ гимна. Хоръ тысячи голосовъ, нарушая торжественную тишину ночи, произ-

водитъ сильное впечатлѣніе. Субботу и воскресенье негры работаютъ на себя и не смотря на дешевизну труда, имѣютъ возможность порядочно зарабатывать.

Отдохнувъ, туристы поѣхали далѣе. Въ одномъ мѣстѣ дорогу до того заплели лианы, что лошади путались. Пришлось послать впередъ служителя съ топоромъ. Ве-

Негра.

черомъ пошелъ проливной дождь. При высокой температурѣ испаренія были такъ сильны, что горы утопали въ туманѣ. Этотъ же туманъ столбами поднимался надъ лѣсомъ; непривычному глазу могло показаться, что лѣсъ горитъ.

14-го апрѣля туристы прибыли въ другое помѣстье на Ріо Макаэ, послѣдній участокъ обработанной земли въ этой странѣ. Имѣніе это такъ обширно, что владѣлецъ и самъ

забылъ, какъ далеко оно простиралось. Въ этомъ помѣстьѣ путешественникамъ пришлось ознакомиться съ системою, нынѣ уже немыслимою, обращенія съ неграми. Вслѣдствіе какой-то ссоры, владѣлецъ хотѣлъ отобрать у своихъ невольниковъ женъ и дѣтей и отдѣльно продать ихъ съ молотка. Этого намѣренія онъ не привелъ въ исполненіе вовсе не изъ чувства человѣколюбія, а изъ разсчета. Всякое возмущеніе, хотя и усмирненное, наноситъ ущербъ хозяйству. Во что обходилось это усмирненіе несчастнымъ неграмъ, никто не спрашивалъ. Одинъ простой случай указалъ Дарвину, до какой степени былъ забитъ этотъ несчастный народъ. Переѣзжая на паромѣ рѣку, онъ оступился, и, чтобы сохранить равновѣсіе, взмахнулъ руками. Перевозившій его негръ вообразивъ, вѣроятно, что иностранецъ хочетъ его ударить, мгновенно закрылъ глаза, опустил руки и замеръ, безмолвно ожидая удара. «Никогда не забуду я, пишетъ Дарвинъ, этой картины. Чувство неизмѣримой жалости охватило меня при видѣ этого мощнаго чловека, который, подобно животному, готовъ былъ принять ударъ, не защищаясь».

На возвратномъ пути, Дарвинъ снова захватилъ къ донъ-Фигуэрадо и провелъ тамъ еще два дня, гуляя по лѣсу и собирая насѣкомыхъ. Не рѣдко онъ, забывая научныя цѣли, останавливался въ нѣмомъ восторгѣ передъ величіемъ природы. «Трудно описать все то, что я видѣлъ, говоритъ онъ, но еще труд-

нѣе выразить охватившія меня чувства, при созерцаніи этой дивной природы. Душа моя, проникнутая умиленіемъ, возносилась къ Богу въ нѣмой молитвѣ».

«Сила растительности въ Бразиліи изумительна. Вы видите дерево, стволъ котораго

такъ толстъ, что изъ него можно сдѣлать лодку, и между тѣмъ, оно кажется вдвое, втрое толще отъ опутывающихъ его лианъ, которыя добравшись до вѣтвей, унижаютъ ихъ причудливыми фестонами. На ряду съ этимъ гигантомъ вы видите пальму, не толще руки, возносящую къ небу свою граціозную

крону. По землѣ стелется ярко зеленая мимоза и по мѣрѣ того какъ вы ступаете, листочки ея сжимаются и за вами остается на время блѣдно-зеленый слѣдъ.

Ничто не можетъ сравниться по красотѣ пейзажа съ заливами Бразильскаго берега. Горы самыхъ причудливыхъ очертаній, сверху до низу одѣты зеленою разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ. Вдругъ изъ этого моря зелени, выдвигается темно-красная скала и, отвѣсно спускаясь въ море, даетъ водѣ темно-красный оттѣнокъ. Въ иныхъ мѣстахъ горы расходятся, открывая живописныя долины съ разбросанными по нимъ домиками. Кой-гдѣ виднѣются холмы, увѣнчанные стройными пальмами. Пальмы здѣсь также обыкновенны какъ наши ели; онѣ растутъ даже на песчаныхъ косахъ, далеко врѣзывающихся въ море. Роша изъ однихъ пальмъ, безъ примѣси другихъ породъ, имѣетъ очень оригинальный видъ. Кроны возносятся высоко къ небу, а между стволами, какъ сквозь рѣшетчатый заборъ, виднѣются голубыя воды залива.

Обратный путь въ Рио былъ совершенъ, ради разнообразія, по другой дорогѣ. Хотя эта дорога считалась одною изъ главныхъ въ краю, но она была въ такомъ состояніи, что рессорному экипажу ни за что-бы по ней не проѣхать. Всѣ мосты внушали такъ мало довѣрія, что ихъ предпочитали объѣзжать. Наконецъ, экскурсія была кончена и 25-го апрѣля, туристы возвращались въ Рио.

Время до отплытія Дарвинъ посвятилъ изученію безпозвоночныхъ, преимущественно планарій, которыхъ Кювье причисляетъ къ внутреннимъ червямъ. Разрѣзанные, они быстро восстанавливаются, и изъ одной особи такимъ путемъ образуется двѣ.

Погода въ маѣ, по зѣшнему, въ началѣ зимы, стояла великолѣпная. Хотя проливной дождь, шелъ довольно часто, но южный вѣтеръ живо высушивалъ дорогу. Во время зѣшнихъ ливней, непривычному человѣку кажется, что онъ слышитъ шумъ водопада, такъ сильно стучать дождевыя капли о толстую листву тропическаго лѣса.

Вечеромъ, сидя въ саду, интересно было наблюдать свѣтящихся насѣкомыхъ, которыя, перелетая съ мѣста на мѣсто, оставляли за собой на нѣсколько секундъ полосу фосфорическаго свѣта. Поймавъ одинъ видъ, Дарвинъ нашелъ, что при раздраженіи кожи, свѣтъ становится ярче. Мѣста, поцарапанныя иголкой, продолжали свѣтиться мерцающимъ свѣтомъ, когда все тѣло уже потухло. Даже послѣ смерти насѣкомаго, его кольца сохранили свои свѣтящіеся свойства втеченіи сутокъ.

Посѣщая ботаническій садъ, Дарвинъ любовался на камфарныя, перечныя, коричневые и гвоздичныя растенія, издававшія чудный запахъ. Листва хлѣбнаго и манговаго дерева такъ густа, что дерево отбрасываетъ совершенно черную тѣнь. Каждое почти жилище въ зѣшнемъ знойномъ климатѣ, окружено

этими великолѣпными деревьями, такъ превосходно защищающими отъ солнца.

Познакомившись съ однимъ старымъ португальскимъ священникомъ, Дарвинъ получилъ приглашеніе отправиться съ нимъ вмѣстѣ на охоту. Охота состояла въ томъ, чтобъ пустить нѣсколько собакъ въ чащу лѣса, а самимъ терпѣливо ждать, не выбѣжитъ-ли какой-нибудь звѣрь.

Вышли рано утромъ. Воздухъ былъ удивительно свѣжъ и ароматенъ. Капли росы еще блестяли на листьяхъ большихъ лилейныхъ растений, осынявшихъ ручейки. Колибри, напоминавшія европейскихъ бабочекъ, весело щебетали, порхая съ цвѣтка на цвѣтокъ. Дорога шла въ гору по направленію къ лѣсу и видъ внизъ, на разстилавшійся пейзажъ, былъ поистинѣ великолѣпенъ. Яркость красокъ и причудливыя формы напоминали эффектныя декорации большихъ оперныхъ театровъ. Вдругъ снизу поднялся голубоватый туманъ до того прозрачный, что его почти не было видно, только всѣ оттѣнки цвѣтовъ и красокъ сдѣлались какъ будто нѣжнѣе и мягче. Словно природа щадила человѣческій глазъ и хотѣла дать ему отдохнуть. Немного погодя, туманъ разсѣялся и все заблестало съ прежней яркостью.

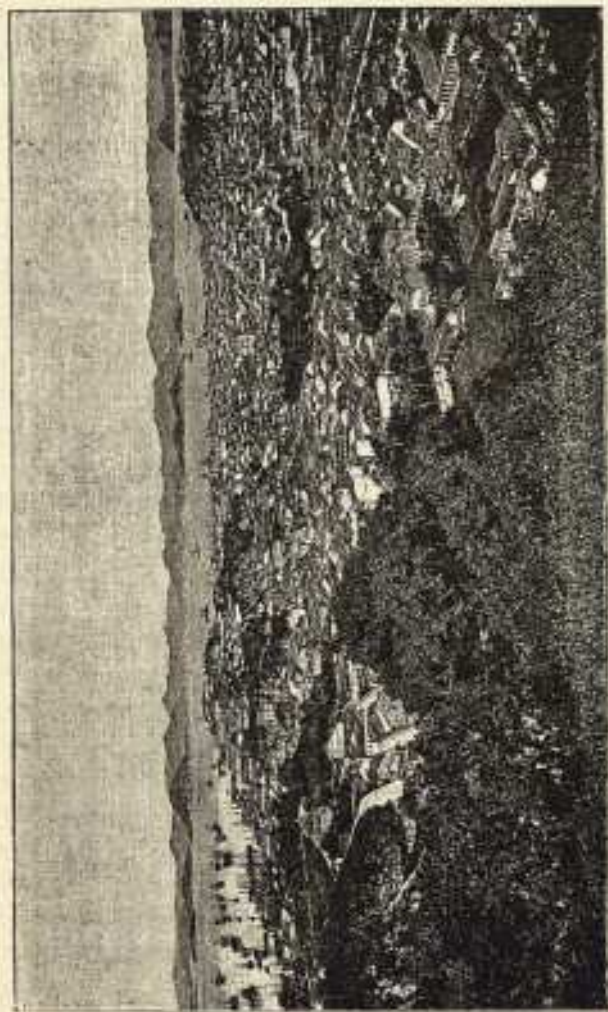
Въ охотѣ принимало участіе еще третье лицо, сынъ сосѣдняго фермера, типичный образчикъ дикаго бразильскаго юношества. Онъ былъ одѣтъ въ оборванную рубашку и панталоны; безъ шапки, съ ружьемъ з

плечами и съ ножемъ за поясомъ. Здѣсь всѣ имѣютъ обыкновеніе носить съ собою ножи, что дѣйствительно необходимо въ лѣсу, гдѣ приходится очищать дорогу отъ ползучихъ растений. Къ несчастію, это полезное оружіе, очень опасно въ рукахъ пылкаго бразильца. Завязалась ссора, сверкнулъ ножъ — вотъ и готово убійство безъ опредѣленнаго намѣренія.

Бразильцы такъ искусно умѣютъ владѣть ножемъ, что бросая его въ цѣль на значительное разстояніе, почти никогда не промахнутся. Въ этомъ искусствѣ они начинаютъ практиковаться еще съ дѣтства. Наканунѣ, сынъ фермера убилъ метаніемъ ножа большую обезьяну, уцѣпившуюся хвостомъ за дерево. Хвостъ этого животного такъ цѣпокъ, что удерживаетъ туловище даже послѣ его смерти. Чтобы достать обезьяну, висѣвшую высоко, надо было срубить дерево. Въ этотъ же день Дарвинъ приобрѣлъ много маленькихъ зеленыхъ попугаевъ и получилъ въ подарокъ отъ патера кожу ягуара.

Человѣка, попавшаго въ первый разъ въ тропическій лѣсъ, поражаетъ работа муравьевъ. Протоптанныя ими дорожки расходятся во всѣхъ направленіяхъ и по нимъ постоянно двигаются цѣлыя арміи, идущія на фуражировку. Одни идутъ впередъ, другіе назадъ, таща на себѣ куски листьевъ, очень часто превышающіе ихъ ростъ.

«Однажды, говоритъ Дарвинъ, я былъ

Видъ Рио-де-Жанейро.

пораженъ страннымъ движеніемъ на землѣ. Казалось, что трава жила и двигалась. Вглядѣвшись, я увидалъ массу пауковъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ, бѣжавшихъ въ страшномъ смятеніи по одному направленію. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ трава казалась черною отъ несмѣтныхъ полчищъ муравьевъ, преслѣдующихъ добычу. Вдругъ муравьи, словно стоворившись, раздѣлились на двѣ колонны и оцѣпили спасающихся насѣкомыхъ. Желая посмотрѣть сколько сообразительности въ этихъ маленькихъ тваряхъ, я положилъ на пути одной изъ колоннъ камешекъ. Колонна мгновенно отступила. Немного погодя пришла другая армія, наткнувшись на препятствіе тоже отступила и вся колонна перемѣнила маршрутъ. Очевидно, крошечные воины не сообразили, что имъ стоило податься въ сторону на одинъ дюймъ, чтобъ обойти препятствіе. Мое вмѣшательство спасло, вѣроятно, изрядное количество маленькихъ жизней.»

Въ окрестностяхъ Рио встрѣчаются насѣкомыя вродѣ осы, которыя строятъ для своихъ личинокъ земляныя гнѣзда по угламъ галлерей и до верху набиваютъ ихъ полуживыми пауками и гусеницами. Если личинка еще не вылупилась, мать-оса жалить свою жертву такъ искусно, что несчастное насѣкомое ужъ не въ состояніи улизнуть, и остается живымъ, пока требуется. Падалью осы не желаютъ кормить свое потомство.

«Мнѣ случилось однажды наблюдать, пи-

шетъ Дарвинъ, борьбу осы съ большимъ паукомъ. Оса бросилась на паука, нанесла ему ударъ и улетѣла. Паукъ былъ, очевидно, раненъ, потому что, стараясь убѣжать, покати́лся внизъ по маленькому склону, но все еще сохранилъ довольно силы, чтобы доползти до кустика травы и спрятаться тамъ. Вскорѣ прилетѣла оса и очень удивилась, не найдя своей жертвы. Тогда она начала поиски не хуже собаки, выслѣживающей лисицу. Послѣ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ, она открыла наконецъ паука, еще разъ ужалила его и почти недвижнаго потащи́ла съ собой. Но тутъ я захватилъ убійцу вмѣстѣ съ ея добычей».

Паукъ-крестовикъ, раскидывающій паутину между листьями агавы, ловить насѣкомыхъ слѣдующимъ образомъ: Запутавшуюся въ его тенетахъ добычу, онъ быстро опутываетъ своими нитями и, ужаливъ, убѣгаетъ, терпѣливо ожидая дѣйствія яда. Черезъ минуту или около того, насѣкомое умираетъ.

Крестовикъ сидитъ обыкновенно около центра своей паутины, головой внизъ. Если его потревожитъ, онъ бросается внизъ, испуская изъ себя нить, на которой держится и по минованіи опасности, по ней же взбирается на свою сѣть. Если же сѣть высоко отъ земли, паукъ употребляетъ очень хитрую уловку. Онъ начинаетъ сильно подергивать нити, прикрѣпленные къ гибкимъ вѣтвямъ, и приводя ихъ въ сильное колебаніе, скрываетъ свою особу.

ГЛАВА III.

Лаплата.

5-го іюля Бигль распростился съ восхитительной столицей Бразиліи и направился къ Лаплатѣ, встрѣчая на пути огромныя стада морскихъ свиней. Совершенно свободно сновали онѣ передъ самымъ носомъ корабля и потомъ быстро исчезали, убѣгая впередъ. Въ одну изъ темныхъ ночей, уже въ устьѣ Лаплаты, тюлени и пингвины подняли такой шумъ, что вахтенному показалось, будто съ берега слышится мычаніе рогатаго скота. Такъ онъ и отрапортовалъ начальству. На другую ночь югъ угостилъ моряковъ неожиданнымъ фейерверкомъ. Верхушка мачты и концы рей засвѣтились огнями св. Эльма, а очертанія флюгера сіяли, точно натертыя фосфоромъ. Море свѣтилось до такой степени, что слѣды пингвиновъ обозначались огненными полосами; въ темныхъ небесахъ по временамъ мелькала ослѣпительная молнія.

Передъ вступленіемъ въ устье Лаплаты, ясно обозначилась струя ея мутной воды. Рѣчная вода, будучи легче морской, текла поверхъ послѣдней, что было особенно замѣтно въ бороздѣ, оставляемой кораблемъ. Здѣсь было ясно видно, какъ чистая, голубая струя маленькими водоворотами смѣшивалась съ притокомъ мутной воды.

Юля 26-го Бигль бросилъ якорь въ Монтевидео, столицѣ Уругвайской республики. Это былъ пунктъ, отъ котораго должно было начаться правильное систематическое изученіе Южно-Американскихъ береговъ. Имѣя въ виду, что Бигль простоятъ въ Монтевидео довольно долго, Дарвинъ отложилъ осмотръ города до другого времени и отправился въ Мальдонадо, чтобы оттуда углубиться внутрь страны.

Во времена владычества испанцевъ, Мальдонадо былъ большимъ и значительнымъ городомъ, но послѣ изгнанія испанскаго правительства онъ заглохъ, а Монтевидео возвысился и сдѣлался столицею.

Человѣка, пріѣхавшаго изъ Бразиліи, чрезвычайно поражаетъ перемѣна пейзажа. Словно онъ очутился въ другой части свѣта, до того эта перемѣна рѣзка. Тамъ — величественныя горы и роскошная растительность; здѣсь — плоское безпредѣльное пространство, покрытое пескомъ или грубой травой пампасовъ, въ которыхъ гуляютъ безчисленныя стада дикаго рогатаго скота и обитаютъ гаучосы, кочующее племя, происшедшее отъ браковъ европейцевъ съ индианками.

Въ Мальдонадо Дарвинъ не нашелъ ничего замѣчательнаго, кромѣ необычайной дешевизны *). За два доллара въ день, онъ нанялъ двухъ проводниковъ съ десятию лошадыми. Проводники были хорошо вооружены, что показалось Дарвину страннымъ, въ этихъ повидимому мирныхъ мѣстахъ. Уже на пути узналъ онъ, что наканунѣ на дорогѣ, былъ зарѣзанъ путешественникъ, и зарѣзанъ у подножія креста, поставленнаго раньше въ память такой же невинной жертвы. Подобные кресты на здѣшнихъ дорогахъ встрѣчаются довольно часто, и проводники считаютъ долгомъ тотчасъ же ознакомить съ ихъ значеніемъ, путешественника, ни мало не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе это произведетъ на его нервы.

Продавщица ананасовъ.

За отсутствіемъ гостиницъ, приходилось останавливаться на отдыхъ и на ночлегъ въ помѣстьяхъ владѣльцевъ и хижинахъ поселянъ. Дарвинъ до-нельзя поражался неужествомя первыхъ, не говоря уже о послѣднихъ. Объ исторіи и географіи никто почти

*) Монтевидео и Мальдонадо соединены теперь желѣзною дорогой, которая идетъ до Рио-Гранде.

не имѣлъ понятія. Многіе воображали, что Америка и Лондонъ сосѣднія страны и считали Лондонъ государствомъ, а Англію его столицею. Необычайный эффектъ произвелъ бывшій съ Дарвинымъ компасъ; всюду его разсматривали и Дарвинъ долженъ былъ объяснять, какимъ образомъ онъ, посредствомъ компаса, находить дорогу. Въ одномъ домѣ хозяйка лежала въ постели, больная. Узнавъ, что прѣзжій показываетъ компасъ, она просила, чтобы и ей онъ показалъ эту занятную штуку.

Многіе выражали удивленіе, узнавъ, что чужеземецъ каждый день умывается. Одинъ владѣлецъ счелъ его даже за турка. Онъ зналъ что Дарвинъ не католикъ, слѣдовательно еретикъ; а еретикъ и турокъ въ его понятіяхъ сливались во едино.

Это былъ впрочемъ единственный случай, когда на Дарвина смотрѣли подозрительно. Вообще же, его познанія возбуждали удивленіе, которое у этихъ дѣтей природы граничило съ благоговѣніемъ. Не мало обаянія его особѣ придавали проводники, рассказывавшіе, что инглець ломаетъ камни, находитъ металлы и способенъ отличить ядовитую змѣю отъ неядовитой.

На равнинахъ, по которымъ приходилось проѣзжать, встрѣчались стада страусовъ, штукъ въ 20—30. Птицы очень близко подпускали всадниковъ, словно не замѣчая ихъ. Потомъ вдругъ онѣ распускали крылья, точно паруса, и бѣжали такъ быстро по вѣтру, что лошади не поспѣвали за ними.

Одну изъ ночей Дарвину пришлось провести въ мѣстной ранчо, или корчмѣ. Здѣсь было много гаучосовъ, пришедшихъ изъ степи попить вина и покурить сигаръ. Съ наступленіемъ ночи, въ степи замелькали огоньки отъ разложенныхъ костровъ, около которыхъ пріютились пастухи и разнаго рода проѣзжающіе на лошадахъ, на быкахъ, впряженныхъ въ арбы, гдѣ, какъ въ маленькихъ домикахъ, помѣщаются цѣлыя семьи. Имъ незачѣмъ идти въ душную ранчо въ тихую звѣздную ночь, и они устраиваются на ночлегъ въ степи. Небо усыпано словно брилліантами, до того ярко сіяютъ звѣзды въ здѣшнемъ прозрачномъ воздухѣ. По этой же причинѣ онѣ кажутся особенно большими; такихъ никогда не увидишь въ сѣверномъ полушаріи.

Въ подобную ночь, жизнь пастуховъ кажется до того заманчивой, что имъ можно позавидовать. Но каково этимъ людямъ днемъ, подъ вертикальными лучами жгучаго южнаго солнца, или во время «памперо», южно-американскаго вѣтра. Сила этого вѣтра превосходитъ всякое воображеніе. Солидный домъ дрожить и скрипитъ, рамы дребезжатъ, словно при землетрясеніи, люди не смѣютъ показаться на улицу. Случается, что внезапный порывъ, схвативъ человѣка, бросаетъ его о стволъ, или объ стѣну и убиваетъ до смерти. Скотъ въ смущеніи бѣжитъ, чтобы гдѣ-нибудь укрыться, или застигнутый врасплохъ, стоитъ, опустивъ голову и растопы-

ривъ ноги, стараясь удержаться на мѣстѣ. Иногда стада охватываетъ паника и они бѣгутъ ошеломленные, опрокидывая все, что попадаетъ на пути. За ними скачутъ гаучо и мчатся собаки. Бѣда путнику встрѣтиться съ такимъ бѣшенымъ стадомъ; если онъ не успѣетъ свернуть съ дороги—онъ погибъ.

Памперо, при громѣ, молніи и страшномъ ливнѣ продолжается обыкновенно три дня; и во все это время гаучо—пастухи почти не сходятъ съ лошади *).

Гаучосы — стройный, красивый народъ съ длинными вьющимися волосами, живописно падающими на плечи. Пестрая одежда, звенящія шпоры, ножи за поясомъ, гордый и надменный видъ, дѣлаютъ ихъ по виду болѣе похожими на театральнхъ разбойниковъ, чѣмъ на мирныхъ поселянъ. Но это только по виду. Въ дѣйствительности

Гаучо.

же, это народъ очень общительный и вѣжливый; ни одинъ не выпьетъ стакана вина, не попросивъ васъ пригубить; но въ то время, когда онъ отвѣшиваетъ вамъ свой низайшій поклонъ, вамъ такъ и кажется, что онъ пырнетъ васъ ножомъ.

*) Юинъ. Ю. Америка.

Не чужды гаучо и рыцарскія чувства. Одному французу, довѣренному богатой фирмы, пришлось проѣзжать съ проводникомъ гаучо черезъ пампу, имѣя при себѣ большой запасъ золота. По пампѣ рыскали индѣйцы. Опасаясь за цѣлость своего капитала, онъ сказалъ гаучо: «Послушай другъ, ты храбрѣе и ловчѣе меня, да и верхомъ ѣдешь лучше; если на насъ нападутъ индѣйцы, я первый попадусь имъ въ лапы. Такъ возьми ты мое золото и спрячь себѣ за поясъ. Если со мной что случится, ты доставишь его моему патрону. Вѣдь тебѣ извѣстно, что честный человѣкъ долженъ оправдать довѣріе, которое ему оказано». Все обошлось благополучно, и французъ получилъ свое золото неприкосновеннымъ.

На фермахъ, гдѣ приходилось останавливаться Дарвину, онъ встрѣчалъ, какъ и въ Бразиліи, радушіе и гостепріимство, но здѣсь необходимо было соблюдать нѣкоторый этикетъ, завезенный сюда испанцами. Подѣхавъ къ дому, слѣдовало сказать громко: «Ave Maria» и не слѣзать съ лошади, пока кто-нибудь не выйдетъ и не попроситъ объ этомъ. Войдя въ домъ, надо было нѣкоторое время под-

Гаучо.

держивать обыкновенный разговоръ, и потомъ уже освѣдомиться, нельзя ли здѣсь переночевать. На эту просьбу всегда отвѣчали согласіемъ. Съ этой минуты гость уже могъ принимать участіе въ семейной трапезѣ и ему отводили комнату, гдѣ ему предоставлялось устраивать себѣ постель, какъ знаетъ. Обыкновенно, чепракъ съ сѣдла служилъ для этой цѣли.

Замѣчательно, что сходныя условія жизни вырабатываютъ сходные обычаи и нравы. На мысѣ Доброй Надежды, въ голландскихъ колоніяхъ, существуетъ повсемѣстно такое же гостепріимство, какъ и здѣсь, и соблюдаются почти такія же формы этикета. Разница между испанцемъ и голландцемъ выражается только въ томъ, что первый никогда не сдѣлаетъ гостю нескромнаго вопроса; тогда какъ добродушный голландецъ спроситъ: куда вы ѣдете, да откуда пріѣхали; есть у васъ братья и сестры, жена, дѣти; словомъ — выпроситъ всю подноготную.

Третью ночь пути Дарвинъ провелъ въ помѣстьѣ богатаго владѣльца донъ-Хуана-Фуэнтесъ. Утромъ, за завтракомъ онъ былъ пораженъ необычайнымъ ревомъ, раздававшимся со двора. Хозяинъ относился, повидимому, равнодушно къ этой музыкѣ, но замѣтивъ удивленіе на лицѣ гостя, попросилъ его выйти на крыльцо.

Въ огороженное пространство, называемое коралемъ, пригнали огромное стадо рогатаго скота съ тѣмъ, чтобы трехъ быковъ

Война быковъ.

выбрать на закланіе. Нѣсколько черныхъ всадниковъ гонялись за быками съ арканомъ въ рукахъ, а бѣдныя животныя, знакомыя съ этимъ орудіемъ, кидались во всѣ стороны, неистово вскидывая задними ногами и задирая хвостъ. Наконецъ три быка были заарканены, стадо по немногу успокоилось и отправилось на пастбище.

Очень интересно описываетъ Юнинъ въ своемъ путешествіи по Южной Америкѣ процессъ выгона скота въ дальній путь, на продажу. Чтобы нѣсколько изнурить животныхъ и сдѣлать ихъ менѣе буйными, быковъ пригоняютъ изъ пампы рано утромъ и оставляютъ на цѣлый день, въ тѣсномъ коралѣ, безъ пищи и безъ питья, подъ жгучими лучами солнца. Подъ вечеръ, пикадоры, т. е. всадники съ длинными пиками, становятся въ два ряда у выхода изъ кораля, а поодаль—гаучосы съ арканами. Внутри ограды пѣшіе погонщики подгоняютъ быковъ къ выходу. Но одни люди не справились бы съ дикимъ стадомъ и потому они дрессируютъ себѣ помощника изъ той же рогатой породы. Избранный быкъ дрессируется въ такомъ совершенствѣ, что онъ становится послушнымъ даже голосу человѣка. Быку этому, чтобы вывести стадо изъ кораля, приказываютъ встать у входа. Какъ только что заграждавшій входъ перекладыны сняты, быкъ мѣрно и тихо идетъ между двумя рядами пикадоровъ, а остальные быки, соблазненные его спокойной и увѣренной походкой, и принимая его за чест-

наго товарища, идуть вслѣдъ за нимъ. Зорко слѣдятъ пикадоры, чтобы какойнибудь быкъ не уклонился въ сторону и не убѣжалъ въ степь. Такіе же дрессированные быки употребляются на бойняхъ, чтобы вводить своихъ дикихъ товарищей въ тотъ роковой узкій проходъ, въ концѣ котораго имъ предстоитъ быть убитыми. Очень характерно названіе этихъ быковъ: «*traditore*» т. е. измѣнникъ. Выполняя эту низкую роль быкъ живетъ до старости и хорошо кушаетъ. Цѣнится онъ вдвое противъ обыкновеннаго быка.

Не смотря на то, что донъ-Фуэнтесъ обладалъ огромными стадами, табунами и массою слугъ, не смотря на то, что онъ слылъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ владѣльцевъ, домъ его также мало походитъ на дворецъ, какъ лягушка на вола: полъ земляной, окна безъ стеколъ и почти полное отсутствіе мебели, если не считать нѣсколькихъ столовъ и скамеекъ грубой работы. Ужинъ, не смотря на присутствіе гостя, состоялъ изъ двухъ огромныхъ кусковъ говядины жареной и вареной и нѣсколькихъ тыквъ; кромѣ тыквъ никакихъ другихъ овощей не было; не было и хлѣба. Для питья стоялъ большой глиняный кувшинъ съ водой.

Вечеръ прошелъ очень пріятно; мушины курили сигары, слушая пѣніе гаучо подъ акомпаниментъ гитары; синьорины сидѣли отдѣльно; они въ разговоръ мушинъ не вмѣшивались и съ ними не ужинали.

О лассо и шарахъ, орудіяхъ туземной

охоты, много было писано, но для тѣхъ, кому не случалось читать объ этомъ, описаніе ихъ не будетъ лишено интереса.

Лассо (арканъ) состоитъ изъ очень крѣпкой, но тонкой тесьмы, сплетенной изъ сыромятныхъ ремней. Одинъ конецъ ея образуетъ большую свободную петлю. Намѣтивъ жертву, гаучо вертитъ лассо надъ головою, выжидая моментъ, когда его можно будетъ накинуть. Покончивъ дѣло, гаучо свертываетъ арканъ и втыкаетъ его позади сѣдла.

Шары (bolas) состоятъ изъ двухъ камней или шаровъ, или пуль соединенныхъ плетенымъ ремнемъ. Передъ употребленіемъ ихъ также вертятъ надъ головой и прицѣпившись, бросаютъ. Сдѣлавъ со свистомъ нѣсколько спиральныхъ круговъ, шары, обвиваются вокругъ намѣченной жертвы и сваливаютъ ее съ ногъ.

Величина и вѣсъ шаровъ измѣняются, смотря по обстоятельствамъ. Если они каменные и величиною съ яблоко, то могутъ сломать ногу лошади. Съ помощью деревянныхъ шаровъ ловятъ этихъ животныхъ, не причиняя имъ вреда. Желѣзные шары могутъ быть брошены на большое разстояніе. Самое трудное владѣть лассо и шарами всаднику, на скаку; пѣшему это искусство дается скоро. «Я продѣлалъ этотъ фокусъ, пишетъ Дарвинъ, но разумѣется, ничего не вышло. Взмахнувъ на всемъ скаку шарами надъ головою, я нечаянно выпустилъ ихъ. Одинъ конецъ обвился вокругъ куста, а другой—

вокругъ ногъ моей лошади. Къ счастью, конь былъ старый, бывалый. Онъ тотчасъ же понялъ въ чемъ дѣло и остановился. Другая лошадь стала бы лягаться и свалилась бы на землю. Глухо помирали со смѣху и кричали, что имъ случалось ловить на арканъ всякихъ звѣрей, но еще ни разу не приходилось видѣть, чтобы человѣкъ изловилъ самого себя».

Въ теченіи слѣдующихъ двухъ дней Дарвинъ достигъ крайняго предѣла мѣстности, которую желалъ посѣтить. Страна носила все тотъ же луговой характеръ однообразный и скучный. Развлеченіе доставляли куропатки, которыя бросались чуть ли не подъ ноги лошади. Не напуганныя человѣкомъ, онѣ такъ довѣрчивы, что ловля ихъ не можетъ назваться даже охотою. Верховой, объѣзжая ихъ спиральными кругами, можетъ набить палкою сколько угодно. Иногда ихъ ловятъ маленькимъ арканомъ изъ страусоваго пера, прикрѣпленнаго къ палкѣ. Мальчикъ на смирной старой лошади можетъ наловить ихъ штукъ 30—40 въ день. Лучшимъ временемъ для ловли считается полдень; въ этотъ часъ солнце стоитъ высоко и тѣнь отъ охотника короче.

На всемъ пространствѣ, посѣщенномъ Дарвиномъ совсѣмъ, не было лѣса, если не считать тощихъ кустарниковъ по склонамъ холмовъ, и ивъ по берегамъ рѣкъ. Это явленіе свойственно пампасамъ, гдѣ свободно гуляетъ вѣтеръ и сушитъ почву. Впрочемъ, въ окрестностяхъ Буэносъ-Айреса испанцы культиви-

рують и некоторые сорта европейских деревьевъ, изъ которыхъ особенно удачно привился персикъ, дающій не только плоды, но и топливо.

На сколько необходима влажность для произростанія деревьевъ видно изъ того, что въ южной части материка, гдѣ эта влажность приносится пассатами съ Тихаго океана—лѣса изобилуютъ. Тамъ же, гдѣ пассаты теряютъ свою силу, напримѣръ въ Перу, мѣстность пустынна.

Вернувшись въ Мальдонадо, Дарвинъ занялся приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ имъ звѣрей, птицъ и пресмыкающихся. Изъ крупныхъ млекопитающихъ въ дикомъ состояніи остались въ этомъ краю только олени, но за то ихъ много. Замѣчательно, что олень не боится человѣка, когда онъ подползаетъ къ нему. Принимая человѣка, вѣроятно, за особый видъ четвероногаго, звѣрь внимательно разсматриваетъ его. Увидавъ человѣка на ногахъ и особенно на конѣ, онъ признаетъ въ немъ врага и спасается какъ можетъ.

Такъ какъ здѣсь олени почти всегда ловятся при помощи лассо, то они не боятся выстрѣла. Дарвину случилось наблюдать какъ олень очень долго стоялъ и смотрѣлъ, какъ пуля возлѣ него бороздила песокъ; и только, когда, спрятавшійся за возвышенностью охотникъ всталъ на ноги, олень убѣжалъ.

На холмистыхъ зеленыхъ равнинахъ въ окрестностяхъ Мальдонадо, водится особый родъ «скворцовъ-пѣвуновъ». Разсаживаясь

цѣлыми стаями на изгородяхъ и часто на спинахъ крупныхъ животныхъ, они охорашиваются на солнышкѣ и начинаютъ концертъ. По словамъ естествоиспытателя Азары, эта птица, подобно кукушкѣ, кладетъ яйца въ чужія гнѣзда.

Птица «мухоловка» отличается несоразмѣрностью головы и клюва съ остальнымъ туловищемъ. Благодаря этой особенноти, ся полетъ имѣетъ неровный волнообразный характеръ. По вечерамъ мухоловка сидитъ на придорожныхъ кустахъ и издаетъ одинъ и тотъ-же странный звукъ, похожій на членораздѣльную рѣчь. Испанцы увѣряютъ что она выговариваетъ: «bien te veo» — хорошо тебя вижу и зовутъ ее «Бьентевео.» Этихъ птицъ часто держатъ въ клѣткѣ или просто на свободѣ, подрѣзая крылья; онѣ скоро дѣлаются ручными.

«Пересмѣшникъ», называемый туземцами «calandria» очень хорошо поетъ. Это пѣніе есть смѣсь щебетанія съ рѣзкими, иногда очень пріятными нотами. Онъ поетъ только весной. Въ остальное время крикъ его очень рѣзокъ и непріятенъ. Птичка эта очень смѣла; она вьется около домовъ, чтобъ поклевать развѣшанное для просушки мясо. Если другая птичка вздумаетъ принять участіе въ ея трапезѣ «calandria» поспѣшно отгоняетъ ее.

«Чиманго» принадлежитъ къ разряду хищныхъ птицъ. Онъ нападаетъ на раненыхъ и даже на спящихъ животныхъ и заклевываетъ

ихъ. Дарвинъ самъ видѣлъ какъ эти птицы бросились на спавшую собаку, а на охотѣ онъ съ трудомъ отбивалъ ихъ отъ раненыхъ гусей. Во время стоянки корабля въ гавани, онѣ безпрестанно прилетали и надо было зорко слѣдить, чтобы онѣ не сорвали на снастяхъ кожу, или не унесли бы чего нибудь. Одинъ разъ, онѣ утащили за цѣлую милю лакированную матросскую шляпу; а въ другой — цѣнный компасъ въ красномъ кожаномъ футлярѣ. Говорятъ, что мясо этихъ птицъ очень бѣло и очень вкусно.

Въ широкой цѣпи песчаныхъ холмовъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мальдонадо, Дарвинъ нашелъ цѣлую кучу сплавившихся кремнистыхъ трубокъ, образованныхъ ударами молніи въ сыпучій песокъ ¹⁾.

Песчаные холмы Мальдонадо, не защищаемые растительностью, постоянно мѣняють мѣсто. Вслѣдствіе этого, трубки оголяются и высовываются наружу; но такъ какъ онѣ хрупки и при движеніи песковъ ломаются, то измѣрить длину ихъ очень трудно. Дарвину удалось собрать нѣсколько обломковъ и по изломамъ составить цѣлое. Длина трубки оказалась въ 5 футъ 3 дюйма. Эти размѣры, однако, ничтожны въ сравненіи съ трубками, найденными въ Кумберлендѣ, изъ которыхъ одну прослѣдили до глубины 30-ти футовъ.

Внутренняя поверхность трубки, блестящая и гладкая совершенно остеклянилась.

¹⁾ Такія же трубки были найдены, въ Англіи, въ Кумберлендѣ, и описаны въ запискахъ англійскаго геологическаго общества.

Маленькій осколокъ, разсмотрѣнный подъ микроскопомъ, имѣлъ видъ сплава, образованнаго паяльной трубкой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплавъ былъ чернаго цвѣта и имѣлъ металлическій блескъ.

Окрестности Ла-Платы, повидимому, особенно подвержены электрическимъ явленіямъ. Особенно сильныя грозы случаются около устьевъ большихъ рѣкъ. Во время пребыванія Дарвина въ этихъ мѣстахъ, молнія ударила въ корабль, въ двѣ церкви, и въ домъ. Въ домѣ молнія разрушила часть стѣны, отбросивъ обломки такъ сильно, что они образовали впадины въ противоположной стѣнѣ. По сторонамъ проволоки отъ колокольчика обои обуглились на одинъ футъ и электрическія искры прожгли обивку на мебели. Золоченая рамка зеркала почернѣла, а позолота улетучилась, оставивъ слѣды на стеклянномъ флаконѣ, стоявшемъ на каминѣ. Частицы золота пристали къ нему такъ плотно, что невозможно было отскоблить ихъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, надъ Буэнос-Айресомъ разразилась ужасная гроза. Молнія упала въ 37 мѣстахъ, разрушила много зданій и убила 19 человѣкъ.

Глава IV.

Аргентинская республика.

Изъ Мальдонадо Бигль пошелъ на югъ къ берегамъ Аргентины и, недѣлю спустя, бросилъ якорь въ устьѣ рѣки Ріо-Негро.

Ріо-Негро одна изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ между Лаплатой и Магеллановымъ проливомъ. Отсюда до устья Лаплаты болѣе 300 миль.

Узнавъ что въ 12 верстахъ отъ берега, вверхъ по рѣкѣ, находится испанская колонія, Дарвинъ отправился туда.

По дорогѣ попадалось много фермъ, въ недавнее время разрушенныхъ индѣйцами. Дарвинъ передаетъ дословно рассказъ одного изъ очевидцевъ подобнаго происшествія.

«Жители были предупреждены о нападеніи и успѣли загнать скотъ въ ограду, окруженную частоколомъ изъ толстыхъ бревенъ. Ин-

индейцы, племени арауканцевъ, которое кочуетъ на границѣ Чили, явились въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ вполне дисциплинированныхъ воиновъ. Сначала они показались двумя отрядами на соседнемъ холмѣ; потомъ сошли съ лошадей, и, сбросивъ мѣховые плащи, совершенно нагѣ пошли въ атаку. Единственнымъ оружіемъ ихъ было копьѣ—чучо, — которое они метали съ удивительной ловкостью.

Когда индейцы подошли совсѣмъ близко; ихъ кашикъ—предводитель,—закричалъ осажденнымъ, чтобы они сдавались; иначе онъ ихъ всѣхъ перерѣжетъ. Отвѣтомъ былъ залпъ изъ ружей. Индейцы не дрогнули. Бросившись на частоколъ, они начали, было, рубить скрѣпы, которыя, обыкновенно, бываютъ кожаныя. Скрѣпы оказались желѣзными и это спасло жизнь осажденныхъ. Много раненыхъ индейцевъ было уже унесено товарищами, наконецъ, когда, одинъ изъ начальниковъ тоже былъ раненъ, нападающіе протрубили отступление. Вернувшись къ своимъ лошадямъ, они, повидимому, держали военный совѣтъ. Это была мучительная минута для осажденныхъ, у которыхъ почти всѣ боевые снаряды были истрачены. Вдругъ индейцы вскочили на лошадей и ускакали.

Другое нападеніе, благодаря имѣвшей пушкѣ, было отражено еще быстрѣе. Когда индейцы подошли совсѣмъ близко, пушка брызнула на нихъ картечью и сразу положила 39 человекъ. Разумѣется, остальные тотчасъ обратились въ бѣгство.

Колонія Эль-Карменъ или Патагонесъ довольно удачно расположена на берегу рѣки, которая здѣсь широка и изобилуетъ лѣсистыми островами, что придаетъ мѣстности красивый видъ. Въ предмѣстьяхъ живетъ много чистокровныхъ индѣйцевъ, которые хотя и не выказываютъ кровожадныхъ наклонностей, но цивилизации поддаются туго. Мѣстное начальство снабжаетъ ихъ провизією, въ видѣ старыхъ, негодныхъ лошадей, изъ шкуры которыхъ они выдѣлываютъ сбрую и продаютъ ее. Дѣти природы съ трудомъ привыкаютъ къ работѣ, но за то въ ловкости и силѣ у нихъ нѣтъ соперниковъ. Эти индѣйцы не утратили способности своего племени красиво одѣваться. Свои лохмотья они задрапировываютъ такъ изящно, что хотъ сейчасъ на сцену.

Главный промыселъ жителей Патагонеса состоитъ въ добываніи соли изъ мѣстныхъ озеръ. Время работъ на соляныхъ озерахъ для туземцевъ имѣетъ такое же значеніе, какъ время жатвы для европейцевъ. Почти все населеніе перебирается на берега озеръ. Одни выгружаютъ соль, другіе нагружаютъ ее на арбы, запряженные буйволами, и доставляютъ на рѣку для сплава. Добываніе соли производится лѣтомъ, когда озера сухи; во время зимы они покрыты водою.

Замѣчательно, что соляныя озера Южной Америки и Сибири имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Въ обѣихъ странахъ эти озера занимаютъ мелкія углубленія на равнинахъ,

въ обѣихъ — грязь у береговъ черная и вонючая; подъ слоемъ обыкновенной соли въ обѣихъ — встрѣчается сѣрно-кислый натръ и магнезія совершенно окристаллизованныя. Въ соляныхъ озерахъ Сибири также встрѣчаются маленькіе раки, и красные гуси гуляютъ по ихъ берегамъ. Такая тождественность въ странахъ такъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга объясняется натуралистами тѣмъ, что обѣ онѣ одновременно поднялись изъ нѣдръ океана.

Между Ріо Негро и отстоящимъ отъ него на 500 миль Буэносъ-Айресомъ находится колонія Багіа-Бланка. Такъ какъ бригу предстояло зайти туда, то Дарвинъ рѣшилъ опередить его сухимъ путемъ, хотя отъ этой поѣздки его сильно отговаривали. Кочующіе племена конныхъ индѣйцевъ, населяющихъ эту мѣстность, сильно тревожили фермеровъ; но начальство Буэносъ-Айреса снарядило отрядъ для обузданія ихъ и по всему пути, въ различныхъ пунктахъ, разставило пикеты. Эта мѣра конечно, ограничивала опасность, но не устраняла ее; нападеніе могло быть сдѣлано между пикетами.

Для натуръ сильныхъ въ опасности есть притягательная сила и естествоиспытатель, рассчитывавшій собрать богатый матеріалъ, не устоялъ противъ искушенія.

На половинѣ дороги путешественники увидѣли знаменитое дерево, которое индѣйцы чтутъ какъ алтарь божества Уаллиха. Оно стоитъ на возвышенномъ пунктѣ равнины и

видно издалека. Какъ только индѣйцы за-
видятъ священное дерево, они начинаютъ
привѣтствовать его громкими криками. Дерево
низко, вѣтвисто и усыяно иглами какъ тер-
новникъ. Такъ какъ въ данное время года была
зима, то приношенія, висѣвшія на оголенныхъ
вѣткахъ, были хорошо видны. Висѣли куски
хлѣба, мяса, сигары и т. п. Бѣднѣйшіе ин-
дѣйцы, за неимѣніемъ лучшаго, выдергиваютъ
нитку изъ своихъ передниковъ и вѣшаютъ
ее на дерево. Болѣе зажиточные лѣютъ въ
дупло водку и закуривъ сигару пускаютъ
дымъ вверхъ, полагая доставить этимъ своему
божеству величайшее наслажденіе.

Подъ деревомъ вся земля усыяна костями
лошадей, принесенныхъ въ жертву. Индѣйцы
твердо увѣрены, что послѣ жертвоприноше-
нія ихъ лошади не будутъ уставать, а ихъ пред-
пріятія будутъ сопровождаться постояннымъ
успѣхомъ.

Дарвинъ не согласенъ съ мнѣніемъ ту-
земцевъ, будто индѣйцы поклоняются самому
дереву; дерево для нихъ не болѣе какъ сим-
волъ. Одинокое дерево на большомъ про-
странствѣ обозначаетъ извѣстную часть пути
и его привѣтствуютъ какъ указателя, что
этотъ путь благополучно пройденъ. Одинъ
путешественникъ рассказываетъ, что сопро-
вождавшій его индѣецъ, увидавъ вдали горы,
громко вскрикнулъ и приложилъ руку къ
головѣ точно такъ, какъ дѣлаютъ его со-
браты, замѣтивъ священное дерево. На вопросъ:
зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, индѣецъ отвѣчалъ

ломанымъ испанскимъ языкомъ: «завидѣлъ Сиерру» *).

Въ 6-ти миляхъ отъ священнаго дерева путешественники остановились на ночлегъ. Рысьи глаза гаучосовъ выслѣдили какую-то несчастную корову, и въ ту же минуту пара всадниковъ поскакала за нею и накинула на нее арканъ.

Корова ревѣла и билась, упираясь задомъ и стараясь пересилить всадника. Другой гаучо взмахнулъ шарами, пустилъ ихъ и они со свистомъ обвились вокругъ ногъ животного. Корова свалилась и одинъ изъ гаучосовъ, не долго думая, пырнулъ ее ножомъ. Кровь брызнула фонтаномъ на убійцу, а онъ, нисколько не смутившись, началъ разрѣзать шкуру и сдирать ее съ животного, которое еще билось въ предсмертныхъ судорогахъ. Дарвинъ отвернулся; нервы цивилизованнаго человѣка не выносили этой картины. Радостные крики гаучосовъ заставили его снова оглянуться. Кожа была снята, животное распластано и гаучо вырѣзали себѣ, каждый, кусокъ по вкусу. На ихъ лицахъ сіяла блаженная улыбка. Немного погодя, всѣ усѣлись у костра и принялись жарить свои кусочки, воткнувъ ихъ на пики, или просто на деревянные палочки. Для почетнаго европейца былъ зажаренъ кусокъ прямо въ шкурѣ. Дарвинъ увѣряетъ, что онъ никогда не ѣлъ такого вкуснаго мяса. Оно вполне пропи-

*) Sierra—гора.

талось сокомъ и жиромъ и было необыкновенно мягко и сочно. Не смотря на страшную дешевизну мяса въ этихъ мѣстахъ, подобный способъ практикуется рѣдко, потому что шкура дорога. Есть еще способъ жарить мясо въ шкурѣ: выпотрошенное животное зарываютъ въ землю и надъ нимъ разводятъ костеръ. Но подобный пріемъ требуетъ много времени и его практикуютъ рѣдко.

Первая ночь, проведенная Дарвиномъ подъ открытымъ небомъ, съ сѣдломъ вмѣсто подушки, вблизи костра, окруженного группами живописныхъ гаучосовъ, оставила по себѣ неизгладимое воспоминаніе. Въ эту ночь онъ постигъ жгучую привязанность, которую питаютъ индѣйцы къ своей независимой жизни въ пампасахъ и почти позавидовать имъ.

По мѣрѣ приближенія къ Колорадо характеръ мѣстности сталъ измѣняться. Появились равнины, покрытыя роскошнымъ цвѣточнымъ ковромъ, по которому пробѣгали одинъ за другимъ, по прямой линіи, агуты, звѣрьки немного больше зайцевъ.

При переправѣ черезъ рѣку Колорадо, лодка едва не была опрокинута огромнымъ табуномъ лошадей, плывшимъ за отрядомъ солдатъ. Здѣсь табуны всегда сопровождаютъ войско, доставляя готовую смѣну и въ тоже время продовольствіе. Употребленіе конины здѣсь очень распространено.

На берегу былъ раскинутъ лагерь генерала Розаса, завѣдывавшаго охраною страны.

Люди, составлявшіе его отрядъ, гораздо болѣе походили на разбойниковъ, чѣмъ на воиновъ. Но самъ генераль оказался очень любезнымъ человѣкомъ и общалъ путешественнику свое содѣйствіе.

Дарвинъ со спутниками расположился въ хижинѣ стараго индѣйца, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ ходилъ въ Россію съ Наполеономъ. Хижина была чѣмъ то вродѣ лавочки, куда приходили за покупками индѣйцы союзники Розаса. Что это былъ за статный и красивый народъ, особенно женщины. Ихъ черные, хотя и жесткіе, но блестящіе волосы были тщательно причесаны и въ видѣ двухъ косъ, падали до пояса. Румяный цвѣтъ лица, живые глаза, маленькія, изящной формы руки и ноги довершали очарованіе. У наиболѣе франтоватыхъ руки и ноги были украшены браслетами изъ голубыхъ бусъ. Франтовство мушинъ состояло въ се-

Индѣйца.

ребряной насѣчкѣ на сбруѣ. Нѣтъ индѣйца, который не мечталъ бы о пріобрѣтеніи подобной сбруи.

Индѣйцы пріѣзжаютъ обыкновенно верхомъ, какъ мужчины такъ и женщины. Красивые, статные, въ яркихъ костюмахъ, они составляли группы, достойныя кисти живописца.

У индѣйцевъ, какъ у всѣхъ дикарей вообще, женщина исполняетъ всю домашнюю работу; а мушина воюетъ, охотится, или, сидя на карточкахъ, поколачиваетъ одинъ камень о другой, чтобъ округлить его для шаровъ. Гоняясь за животнымъ, индѣецъ старается метнуть шары такъ, чтобы запутались ноги. Если шары обовьются вокругъ шей или туловища, животного, оно, иногда убѣгаетъ. Въ сраженіи поступаютъ точно также. Когда шары свалить съ ногъ лошадь, всадника прикалываютъ копьемъ.

Во время двухдневной стоянки на берегу Колорадо, Дарвинъ вдоволь наслушался рассказовъ о ловкости, храбрости и богатствѣ генерала Розаса. Онъ былъ идоломъ своего войска, что не мало способствовало его обаянію среди индѣйцевъ. Въ этой странѣ само войско выбираетъ себѣ военачальника и руководствуется не только нравственными качествами претендента, но и его физическими свойствами. Прежде всего претендентъ долженъ быть отличнымъ наѣзникомъ. Ему производятъ особаго рода испытаніе. Въ ограду загоняютъ табунъ невыѣзжанныхъ лошадей и потомъ выпускаютъ ихъ въ калитку, по одиночкѣ. Въ то время какъ лошадь стремительно выбѣгаетъ въ калитку, кандидатъ въ генералы долженъ съ перекладыны вскочить на нее, проѣхать безъ сѣдла и узды и привести обратно къ калиткѣ.

Благодаря своему удальству, а также умѣнью польстить вкусамъ гаучосовъ, гене-

ралъ Розасъ приобрѣлъ надъ ними безграничную власть. «Гаучо способенъ убить всякаго, кто посмѣетъ непочтительно отзываться объ его обожаемомъ генералѣ» говоритъ Дарвинъ.

Не смотря на почти диктаторскую власть, генералъ Розасъ первый подастъ примѣръ уваженія къ законамъ страны. Былъ случай, что за какое то ничтожное упущеніе, генералъ посадилъ самъ себя подъ арестъ.

Отъ лагеря Розаса до Багіа Бланка оставалось еще два дня пути. Маленькая экспедиція ѣхала все время равниною вдоль рѣки, имѣвшей все тотъ же степной характеръ.

Изрѣдка попадались поселенія индѣйцевъ, состоявшія изъ нѣсколькихъ хижинъ, круглыхъ какъ улей и покрытыхъ кожею.

По пути встрѣтилась мѣстность довольно оригинальная: цѣлый рядъ песчаныхъ холмовъ и между ними прудки прѣсной воды. Бугры эти лежатъ на глинистой почвѣ, которая не пропускаетъ влагу и вода, скопившаяся въ періодъ дождей, образуетъ резервуары, имѣющіе огромную цѣну въ этомъ сухомъ климатѣ.

Проѣхавъ бугры, путешественники добрались до станціи, гдѣ и остановились на ночлегъ.

Станціонный домъ, прислоненный къ пригорку, оказался, противъ обыкновенія, опрятнымъ, съ чистенькими комнатами для прѣзжающихъ. Тутъ стоялъ пикетъ изъ четырехъ человѣкъ, подъ командою офицера негра, очень милаго и предупредительнаго чело-

вѣка. Не смотря на свой чинъ, онъ такъ свыкъся съ приниженностью своей расы, что ни за что не соглашался сѣсть въ присутствіи европейскаго путешественника. Станція была окопана валомъ для защиты отъ индѣйцевъ, но такая мѣра годна была только развѣ для успокоенія умовъ. Черный офицеръ отлично понималъ это и говорилъ Дарвину, что если бы индѣйцы только замѣтили пріютившійся у скалы домикъ, то не слобровать бы ни офицеру, ни солдатамъ, ни путешественникамъ.

Рано утромъ путешественники двинулись дальше. Дорога шла по болотистой мѣстности и была очень грязна. Въ одномъ мѣстѣ лошадь Дарвина упала и онъ выпачкался съ ногъ до головы, что было очень неприятно, такъ какъ съ нимъ не было другой смѣны. За нѣсколько миль до Багіа Бланка встрѣтился челоуѣкъ, сообщившій, что изъ форта стрѣляютъ; это означало, что индѣйцы близко. Путники свернули съ дороги и поѣхали цѣлиной. Пріѣхавъ въ фортъ они узнали, что тревога была фальшивая. Показавшіеся на горизонтѣ индѣйцы были союзники, ѣхавшіе, чтобъ присоединиться къ войску генерала Розаса.

Багіа Бланка едва заслуживала названіе города. Гавань, въ которой Бигль долженъ былъ бросить якорь, отстояла отъ нея на 25-ть миль и Дарвинъ направился туда. Проводникъ его все время пугливо озирался и на вопросъ что съ нимъ? отвѣчалъ, что здѣсь

не безопасно. Начальство Буэнос-Айреса вмѣсто того, чтобъ послѣдовать примѣру испанскихъ вице-королей, скупавшихъ землю отъ индѣйцевъ, отняло ее силою и тѣмъ возстановило противъ себя населеніе. Проводникъ рассказывалъ, что два мѣсяца тому назадъ, онъ едва выбрался живой отсюда. Отправившись съ двумя товарищами на охоту, онъ скоро остался одинъ; встрѣтившійся отрядъ индѣйцевъ убилъ его товарищей. Ноги его собственной лошади тоже были опутаны шарами, но ему удалось соскочить и перерѣзать ремни. Въ эту минуту индѣйцы направили на него свои копья и только благодаря прикрытію лошади, онъ не былъ проколотъ насквозь, получивъ, однакоже, двѣ тяжелыя раны. Улучивъ минуту, онъ вскочилъ на лошадь, принимая разные аллюры, чтобъ уклониться отъ направленныхъ на него «чузо» (копій) и наконецъ усккалъ. До самаго форта гнались за нимъ индѣйцы. Съ тѣхъ поръ отданъ былъ приказъ, чтобы никто не отлучался далеко отъ укрѣпленія.

Узнавъ въ гавани, что Бигль еще не пришелъ, Дарвинъ, отправился обратно въ Багіа-Бланка, но уже другой дорогой. На равнинахъ встрѣчались лани, агути, броненосцы. Одна лань обратила на себя особое вниманіе проводника; она бѣжала какъ ошалѣвшая; словно кто ее спугнулъ. Путники насторожили глаза и уши, но подозрительнаго ничего не замѣтили. Поймали броненосца и, зажаривъ его въ бронѣ, получили вкусное

жаркое. Въ другой разъ поймали козленка и тоже зажарили и съѣли. Вкусная пища имѣла и невыгодныя стороны; она возбуждала жажду, а воды нигдѣ не было. Пробыть 20 час. безъ воды Дарвину казалось очень мучительно, а проводникъ надъ нимъ подсмѣивался и говорилъ, что одни сутки безъ воды не могутъ истомить человѣка; онъ самъ могъ не пить 2—3 дня и не чувствовать жажды.

Отдохнувъ два дня въ Багіа Бланка, Дарвинъ опять поѣхалъ въ гавань съ тѣмъ же самымъ проводникомъ.

Немного не доѣзжая до цѣли, проводникъ сдѣлалъ Дарвину многозначительный знакъ и Дарвинъ, взглянувъ по направленію глазъ проводника, увидалъ трехъ всадниковъ, занимавшихся охотой.

„Дѣло не ладно, шепнулъ проводникъ. Изъ форта никто не смѣетъ выйти; а потомъ, у нихъ посадка не христіанская“.

Всадники были довольно далеко, но мѣстность въ ихъ сторону повышалась и потому за ихъ дѣйствіями легко было слѣдить. Они спѣшились и какъ будто совѣщались. Потомъ, одинъ вскочилъ въ сѣдло и ускорилъ.

„Вѣрно поѣхалъ предупредить свою шайку“, подумалъ Дарвинъ. Тоже, вѣроятно, подумалъ и проводникъ, такъ какъ онъ крикнулъ: „Скорѣй заряжайте пистолеть“, и самъ сталъ осматривать свою саблю.

— Намъ бы лучше поскорѣй ѣхать, чтобы удрать отъ нихъ, сказалъ Дарвинъ. А то мы стоимъ и даромъ теряемъ время.

— Нельзя; надо чтобъ лошади набрались силъ. Когда нехристи погонятся за нами, мы поскачемъ.

Между тѣмъ индѣйцы не показывались и путешественники не знали въ какую сторону имъ ѣхать. Всякій холмикъ могъ скрывать засаду. Надо было сдѣлать рекогносцировку того холма, за которымъ скрылись всалники. Доѣхавъ до него, путники спѣшились. Проводникъ далъ Дарвину поддержать свою лошадь, велѣлъ собакамъ лечь, а самъ на четверинкахъ поползъ на рекогносцировку. Въ этомъ положеніи онъ находился нѣкоторое время какъ вдругъ, разразившись хохотомъ, вскрикнулъ: «Mugeres!» т. е. женщины. Въмѣсто индѣйцевъ оказались три дамы, жена и свояченицы майора, которыя охотились за страусовыми яйцами.

Увидавъ свою ошибку, проводникъ сталъ подшучивать надъ собою. По его словамъ онъ сразу же долженъ былъ понять по такимъ то и такимъ то признакамъ, что это не индѣйцы. Но у страха глаза велики и въ минуту воображаемой опасности онъ позабылъ о всѣхъ этихъ признакахъ.

Не далеко отъ гавани, путникамъ попались два скунса, въ просторѣчій—вонючки. Это отвратительное животное безбоязненно разгуливаетъ по равнинѣ, не боясь ни людей, ни собакъ. Его оружіе—вонючая жидкость, которую онъ испускаетъ изъ себя при видѣ непріятеля. Если натравить на скунса собаку, то какъ бы она ни увлек-

лась охотою, пыль ся мгновенно исчезаетъ, какъ только вонючка выпустить нѣсколько капель своей жидкости. Ея запахъ сильно бьетъ въ носъ и производитъ тошноту. Вещь, хоть разъ запачканная этой жидкостью, становится навсегда негодною. Даже на корабль, отстоящій на милю отъ берега, доносится запахъ этой жидкости. Неудивительно, что отъ вонючки бѣгутъ всѣ животныя и добровольно уступаютъ ей мѣсто.

Глава V.

Багіа Бланка и ея окрестности.

Вигль пришелъ 24-го августа и недѣлю спустя отправился къ Ла-Платѣ. Дарвинъ остался, чтобы заняться естественно научными изслѣдованіями и потомъ сухимъ путемъ ѣхать въ Буэносъ-Айресъ.

Лежащій не подалеку мысъ Пунта-Альта оказался чрезвычайно богатымъ костями допотопныхъ животныхъ. Дарвинъ открылъ ихъ девять видовъ, принадлежавшихъ къ разряду мамонтовъ и носороговъ. Изъ нѣкоторыхъ удалось составить полные скелеты.

Въ недавнее время профессоръ Оуэнъ, по устройству зубовъ допотопныхъ, пришелъ къ заключенію, что это были травоядныя животныя. Въ настоящую эпоху, въ южной Африкѣ, странѣ безлѣсной и пусты-

и ой водятся носороги, слоны, жирафы и т. д. На безлѣсномъ плато Тибета въ средней Азіи живутъ великолѣпные яки. Слѣдовательно, крупныя млекопитающія вполне могутъ довольствоваться подножнымъ кормомъ и въ лѣсахъ не нуждаются. Въ роскошныхъ лѣсахъ Бразиліи, почти нѣтъ крупныхъ четвероногихъ.

Приступая къ описанію птицъ, Дарвинъ отводитъ первое мѣсто страусу. Въ общихъ чертахъ нравы страуса извѣстны всякому. Питается онъ преимущественно травой и кореньями, но случается, что на отмеляхъ лакомится оставшеюся рыбою; хотя страусы крайне осторожны и бѣгаютъ очень скоро, но гаучосы и индѣйцы безъ особаго труда ловятъ ихъ шарами. Если охотниковъ нѣсколько, то они образуютъ вокругъ страуса полукругъ и растерявшаяся птица прямо набѣгаетъ на стрѣлку. Спасаясь отъ преслѣдованія, страусъ всегда бѣжитъ противъ вѣтра, распуская крылья какъ паруса. Не всѣмъ кажется извѣстно, что страусъ плаваетъ. Онъ бросается въ воду не только въ минуту опасности, но и по собственной прихоти, переплывая съ острова на островъ иногда на разстояніи 30 сажень. Когда страусъ плыветъ, на поверхности, видна только часть его спины и вытянутая впередъ голова. Движенія его медленны и скорѣй напоминаютъ плывущую лошадь, чѣмъ утку, или гуся. Дарвинъ самъ видѣлъ, какъ небольшое стадо страусовъ переплывало рѣку Санта-Крушъ въ томъ

мѣстѣ, гдѣ теченіе быстро и ширина значительна.

Большую часть яицъ самка растериваетъ на равнинѣ и они пропадаютъ, если ихъ не подберетъ человѣкъ. Въ одинъ день Дарвинъ насбиралъ такихъ яицъ 64 штуки. Въ жаркихъ пескахъ Африки яйца, падая въ песокъ, образуютъ ямки и солнечный зной помогаетъ развиваться зародышу. Что же касается южной Америки, то, по свидѣтельству гаучосовъ, птенцовъ высиживаетъ самецъ; онъ же и водить ихъ первое время. Когда самецъ сидитъ на яйцахъ, онъ очень свирѣпъ и нападаетъ даже на всадника, если тотъ нечаянно наткнется на гнѣздо.

Естествоиспытатель Азара увѣряетъ, что нѣсколько самокъ кладутъ яйца въ одно и тоже гнѣздо, и гаучосы говорятъ что они видѣли какъ 4 или 5 самокъ приходили нести къ одному и тому же гнѣзду. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что самка страуса кладется въ большой промежутокъ времени, дня черезъ три и болѣе. Еслибы ей пришлось устраивать гнѣздо изъ своихъ яицъ, то въ этомъ жаркомъ климатѣ первыя яйца успѣли бы испортиться ранѣе, чѣмъ снесены были бы послѣднія. Очевидно, что для поддержанія рода необходимъ союзъ нѣсколькихъ самокъ, что и устроено природою.

Въ Патагоніи водится еще другая порода страуса, которую туземцы называютъ «petise». Эти птицы ростомъ меньше, цвѣтомъ темнѣе и ноги ихъ оперены ниже: яйца ихъ иной

формы и голубоватаго цвѣта. Видъ этотъ очень рѣдокъ въ равнинахъ, окаймляющихъ Рио-Негро. Однажды такая птица была убита и зажарена въ присутствіи Дарвина и онъ, только по формѣ головы, крыльевъ и перьевъ догадался, что приобрѣлъ на жаркое рѣдкій экземпляръ «petise». Старательно собравъ кости и всѣ остатки, ему удалось составить экземпляръ, который находится теперь въ Лондонскомъ зоологическомъ музеѣ.

Въ этихъ мѣстахъ очень обыкновенна маленькая птичка «тинохоръ», похожая и на бекаса и на перепелку. Тинохоръ любитъ валяться въ пыли и пескѣ и держится всегда въ опредѣленныхъ мѣстахъ, т. е. его легко найти. Увидавъ человѣка, птичка—плотно прилегаетъ къ землѣ и ее трудно замѣтить; ходитъ она очень тихо, растопыривъ ноги, но полетъ ея быстръ, какъ у бекаса.

Интересны еще два вида маленькихъ птичекъ изъ породы «furnarius». Одинъ изъ нихъ, по названію «печникъ» строитъ изъ грязи и сухой травы полукруглая гнѣзда—очень похожія на печи. Спереди—отверстіе и за нимъ перегородка, служащая какъ бы преддверіемъ для входа въ настоящее гнѣздо.

Другой фурнарій «cazarata», т. е. домо-строитель, приводитъ въ отчаяніе хозяевъ, просверливая ихъ тонкія глиняныя стѣны, принимая ихъ, очевидно, за песчаный холмъ. У птички нѣтъ столько сообразительности, чтобы перелетая черезъ стѣну разсчитать ея толщину и она, вѣроятно, бываетъ очень

удивлена, когда, пробуравивъ стѣну, очутится вдругъ на воздухѣ. Въ глинистой почвѣ она пробуравливаетъ такой глубокой ходъ, что ни одному шалуну не достать ее.

Малое количество насѣкомыхъ, сначала, поражало Дарвина, но потомъ онъ вспомнилъ, что находится у антиподовъ, слѣдовательно насѣкомыя переживали зиму. Разрывая почву въ поискахъ костей допотопныхъ животныхъ онъ нашелъ нѣсколько пауковъ и жуковъ въ оцѣпенѣломъ состояніи, что и подтвердило его предположенія.

Въ началѣ сентября стали уже показываться признаки весны, а къ 15-му равнины покрылись цвѣтами розовой кислицы, дикаго гороха, герани и энотеры; пауки и жуки медленно заползали повсюду, ящерицы, обыкновенныя обитательницы песчаного грунта—забѣгали во всѣхъ направленіяхъ. Наступило для естествоиспытателя время обильной жатвы. Между тѣмъ, появились слухи, что индѣйцы снова стали тревожить жителей и что у генерала Розаса было уже съ ними нѣсколько стычекъ. Разсказывали, что отрядъ, стоявшій по дорогѣ въ Буэносъ-Айресъ, вырѣзанъ весь безъ остатка. Вскорѣ, черезъ Багіа-Бланка прошелъ отрядъ союзныхъ индѣйцевъ, которые шли подъ предводительствомъ капитана Миранды усмирять своихъ непокорныхъ братьевъ. Говорили, что дикіе индѣйцы скрылись въ пампасахъ и что слѣдъ ихъ затерянъ, но это нимало не смущало преслѣдователей. Подобно тому какъ сибирскіе ино-

родны въ своихъ снѣжныхъ пустыняхъ умѣютъ, по наслоенію снѣга, находить дорогу, индѣйцы въ пампасахъ узнаютъ ее по признакамъ, неуловимымъ для неопытнаго глаза. Сколько бы ни прошло лошадей, они тотчасъ, по глубинѣ слѣда, опредѣляютъ на всѣхъ ли были всадники; по неровности шага судятъ о степени усталости лошади. Слѣды приваловъ указываютъ имъ спѣшили ли нѣтъ всадники; наконецъ потому, насколько помята трава они узнаютъ давно ли прошелъ отрядъ. Даже то—15 дней спустя эти люди ухитряются распознавать подобные признаки. Въ этотъ разъ капитанъ Миранда проскакалъ съ своимъ дикимъ войскомъ миль 200—300 почти безъ отдыха. Было бы солнце да конина, и больше этому войску ничего не нужно.

По рассказамъ очевидцевъ, сраженія съ индѣйцами—чистая бойня. Солдаты рубятъ и колютъ какъ изступленные, не щадя ни женщинъ ни дѣтей. Послѣднія часто остаются беззащитными, такъ какъ мужское населеніе, прослышавъ о приближеніи отряда, бѣжитъ куда глаза глядятъ. За то попавшіеся въ руки врага, не дешево отдаютъ свою жизнь. Одинъ умирающій схватилъ зубами палецъ непріятеля и позволилъ выдавить себѣ глазъ, но не выпустилъ пальца. Другой, смертельно раненый, притворился мертвымъ, чтобы обмануть врага и пырнуть его ножомъ.

Экспедиція капитана Миранды была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ: попа-

лись три индѣйца, ѣхавшіе послами къ другому племени, вѣроятно затѣмъ, чтобы возбудить его къ возстанію. Все это были высокіе, статные молодцы, писанные красавцы. Ихъ поставили въ рядъ и стали допрашивать по очереди. Первый ничего не отвѣтилъ и его разстрѣляли, со вторымъ поступили точно также. Третій былъ кашикъ, т. е. начальникъ. Вотъ этотъ то и оказался предателемъ; случай рѣдкій между индѣйцами. Онъ выдалъ своихъ соплеменниковъ, которыхъ и ѣхалъ умирять Миранда.

Дарвину рассказывали, какъ во время одной стычки спасся старый кашикъ съ сыномъ. Эта бытовая картинка очень характерна. Увидавъ, что дѣло плохо, старикъ схватилъ маленькаго сына и вскочилъ на первую попавшуюся лошадь. Лошадь была старая, бѣлая, безъ узды и безъ сѣдла. Чтобы укрыться отъ выстрѣловъ, индѣецъ держался на конѣ особымъ способомъ, какъ они обыкновенно дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ: охвативъ одной рукой лошадь за шею и вскинувъ одну ногу ей на спину, онъ всѣмъ туловищемъ повисъ сбоку, закрывая себя туловищемъ лошади какъ брустверомъ. Всѣ видѣли какъ индѣецъ мчался такимъ образомъ, трепля свою лошадь по шеѣ и разговаривая съ ней. Сынишку онъ держалъ подъ мышкой, какъ пакетъ. Цѣлый отрядъ гнался за нимъ, начальникъ перемѣнялъ три раза коня и все таки молодцу удалось ускакать.

Не даромъ генераль Розасъ слылъ за че-

ловѣка рѣшительнаго до жестокости. Индѣйцы раздражали его и онъ поклялся истребить ихъ. Помимо нападенія врасплохъ и уничтоженія цѣлыхъ деревень, употреблялись мѣры чисто-предательскія: съ какимъ нибудь изъ индѣйскихъ племенъ генераль Розасъ заключалъ условіе, по которому за каждаго враждебнаго индѣйца, убитаго посю сторону рѣки, союзники получали известную сумму. Если же они допускали врага переплыть рѣку, то сами рисковали быть вырѣзанными испанцами. Союзные индѣйцы, служившіе въ войскѣ генерала Розаса, не много видѣли радости. Придерживаясь, вѣроятно, мнѣнія лорда Честерфильда, что вчерашніе друзья могутъ, сегодня, сдѣлаться врагами, генераль Розасъ ставилъ ихъ, во время сраженій въ первые ряды, чтобы мало по малу уменьшить ихъ число.

Цѣль, къ которой стремятся завоеватели-европейцы, достигается ими довольно быстро. Ширдель, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ въ 1537 г. рассказываетъ, что во время основанія Буэносъ-Айреса здѣсь были швѣтуція поселенія индѣйцевъ тысячи въ двѣ, три душъ. Теперь же уцѣлѣвшія племена составляютъ кой-гдѣ небольшія поселки; большинство же кочуетъ по пампасамъ, укрываясь отъ преслѣдователей, и не имѣетъ ни домовъ, ни опредѣленныхъ занятій.

ГЛАВА VI.

Отъ Багіа-Бланка до Буэнось-Айреса.

Отъ Багіа-Бланка до Буэнось-Айреса считалось 400 миль и дорога шла по необитаемой мѣстности. Найти проводника оказалось дѣломъ далеко не легкимъ; то отецъ боялся за сына и не отпускалъ его, то вызывался завѣдомый трусъ, про которого говорили, что онъ способенъ страуса принять за индѣйца и дать тягу. Наконецъ желаемый субъектъ былъ найденъ и 8 сентября Дарвинъ могъ отправиться въ путь. Въ виду тревожныхъ слуховъ онъ, на слѣдующемъ посту, взялъ солдата, а еще на слѣдующемъ къ нимъ присоединился лейтенантъ и ѣхать стало веселѣе. Слѣдовало все-таки быть на сторожѣ, что неизбѣжно влекло за собой случаи тревоги, часто не имѣющей никакихъ основаній.

Въ одномъ мѣстѣ по облаку пыли, пут-

ники заключили что на встрѣчу имъ ѣдетъ толпа всадниковъ и приготовились къ оборонѣ. Вскорѣ показался отрядъ индѣйцевъ съ живописно накинутыми на плечи плащами. Черные волосы, падающіе на плечи, были повязаны красной тесьмой и ничѣмъ не покрыты. Оказалось, что этотъ отрядъ былъ изъ мирнаго племени Бернанціо, шедшій къ озерамъ за солью. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что индѣйцы ѣдятъ очень много соли, а дѣти сосутъ ее какъ сахаръ. Въ этомъ отношеніи они вовсе не похожи на гаучосовъ, которые при такомъ же образѣ жизни, совсѣмъ не употребляютъ соли. Одинъ естествоиспытатель говоритъ, что люди, питающіеся преимущественно растительной пищей, большіе охотники до соли. Индѣйцы дружелюбно кивнули путникамъ и проскакали мимо, гоня передъ собой табунъ лошадей; позади нихъ неслись тощія собаки.

Индѣйскій военначальникъ въ полномъ вооруженіи.

Обереганіе табуновъ чрезвычайно затруднительно на равнинѣ, особенно ночью. Стоить приблизиться пумѣ или лисицѣ и лошади разбѣгаются въ разныя стороны. Тоже бываетъ во время грозы. Тутъ то и оказы-

ваютъ услугу вѣрные псы, снова сгоняя лошадей. Но эта мѣра не всегда удается, да и не всегда при отрядѣ имѣются собаки. Нѣсколько времени тому назадъ, одинъ офицеръ велъ изъ Буэносъ-Айреса 50 лошадей, а къ мѣсту назначенія привелъ только 20.

Узнавъ на четвертой станціи, что черезъ два дня придетъ отрядъ солдатъ, направляющихся въ Буэносъ-Айресъ, Дарвинъ счелъ за лучшее подождать на станціи и воспользоваться этимъ конвоемъ.

Находившійся здѣсь пикетъ состоялъ всего изъ пяти человѣкъ, включая сюда лейтенанта. Это была странная смѣсь людей различныхъ типовъ и окраски. Молодой красивый негръ—и рядомъ съ нимъ старый чилійскій рудокопъ цвѣта краснаго дерева; длинноволосый статный индѣецъ—и субъектъ смѣшаннаго типа, вродѣ мулата. Точно нарочно собрались здѣсь эти различные образчики, чтобы показаться иностранцу. Когда эти люди успѣли вечеромъ вокругъ костра и начали играть въ кости, Дарвинъ влѣзъ на выступъ скалы и оттуда сталъ любоваться этой характерной группой. Три свирѣпыхъ фizioноміи съ красными платками на головахъ, придававшими особенно дикій видъ ихъ смуглымъ бороатымъ лицамъ, словно замерли въ игрѣ. Вся душа ихъ ушла въ эти кости, въ эти звенящія серебрянныя монеты, которыя, то и дѣло, выбрасывались изъ за пояса, или прятались за него, загребаемые дрожащими руками. Вокругъ людей лежали собаки,

оружіе, остатки дичи и страусовъ. Длинные копья были воткнуты въ землю. На фонѣ картины, при свѣтѣ костра, видны были осѣдланная лошади на привязи, совсѣмъ готовая на случай опасности. Какъ только тишина пустыни нарушалась лаемъ собаки, одинъ изъ воиновъ немедленно отходилъ отъ огня и, припавъ къ землѣ, слушалъ.

На слѣдующій день разношерстные воины пикета упражнялись въ метаніи шаровъ; двѣ воткнутыя въ землю пики служили цѣлью. Если бросающій шары на разстояніи 15 сажень попадалъ изъ четырехъ разъ одинъ, то и это считалось удачей. Верхомъ, на лошади, задача облегчается и можно будто бы достигъ цѣли на разстояніи 30 сажень.

Черезъ день устроена была охота на страуса. Восемь всадниковъ съ Дарвинымъ включительно слѣдали облаву и загнали только одного страуса. Птица пыталась, было, убѣжать, но шары съ визгомъ обвили въокругъ ея ногъ и она покатила, стараясь высвободиться отъ ремней, которые, при каждомъ движеніи, еще больше опутывали ее.

Для солдатъ, стоящихъ на пикетахъ, охота доставляетъ развлеченіе и пищу. Безъ охоты имъ часто приходилось бы голодать, такъ какъ конина не всегда бываетъ въ наличности. Вообще, жизнь этихъ людей, съ европейской точки зрѣнія, крайне незавидная: маленькій шалашъ, кой какъ покрытый сухой травой не защищаетъ ни отъ дождя, ни отъ вѣтра. Въ случаѣ похода имъ приходится

инной разъ скакать безъ отдыха, подъ палящими лучами солнца, не пить и почти не ѣсть по нѣскольку дней. Въ выносливости эти люди могутъ поспорить съ своими конями и трудно сказать кто кого перешеголяетъ. Если кто нибудь вообразить, что жизнь подъ страхомъ нападенія тяготитъ ихъ, тотъ очень ошибется. Они ждутъ нападенія какъ развлечения, какъ средства проявить свои кровожадные вкусы. Попавшійся врагъ уже не жди пощады отъ этихъ двуногихъ — людей только по названію.

На третій день неожиданно пріѣхали съ слѣдующаго поста 5 солдатъ съ порученіемъ къ лейтенанту. На утро они возвращались обратно и Дарвинъ рѣшилъ, не дожидаясь отряда, примкнуть къ нимъ.

Когда они выѣхали съ поста, надъ головами ихъ вилась цѣлая стая маленькихъ птичекъ, сопровождавшихъ свой полетъ характернымъ крикомъ «теру-теро», по которому онѣ и называются. Эти птички всегда сопровождаютъ всадниковъ и удобны тѣмъ, что крикомъ своимъ предупреждаютъ о приближеніи отряда. За то для тѣхъ, кто желаетъ скрыться, онѣ являются нежелательными спутниками.

По пути подобрали страусовое гнѣздо съ 27-ю еще свѣжими яицами. Если правда, что одно страусовое яйцо равняется десяти куринымъ, то путники пріобрѣли сразу 270 яицъ.

Слѣдующій постъ считался самымъ опа-

снымъ и потому здѣсь былъ гарнизонъ въ 26 человекъ. Недавно индѣйцы сдѣлали на этотъ постъ нападеніе, пятерыхъ солдатъ убили, а офицеру нанесли копьями 18 ранъ. Такъ какъ на посту свѣжихъ лошадей не оказалось, то Дарвину пришлось снова ждать. Эти проводочки были бы очень скучны, еслибъ не изысканная любезность офицеровъ, командовавшихъ постами. Эти господа старались доставить путешественнику всевозможныя удобства и развлечения. Обычное въ этихъ странахъ гостепріимство было тутъ, конечно, главною причиною; но и удовольствіе, съ которымъ бѣдный офицеръ, заброшенный въ эту глушь, встрѣчалъ цивилизованнаго человека играло также не маловажную роль.

На слѣдующемъ посту Дарвинъ засталъ только что вернувшихся съ охоты солдатъ и былъ пораженъ обиліемъ ихъ трофеевъ. Они привезли 7 ланей, 3 страуса, множество броненосцевъ и куропатокъ. Все это было добыто въ одинъ день.

16 сентября путники прибыли на 7-ой постъ и нашли тамъ большія опустошенія, произведенныя градомъ, шедшимъ ночью. Градъ, величиною съ большой орѣхъ, сильно повредилъ постовыя постройки и изломалъ частоколъ. Въ эту бурю много погибло дикихъ животныхъ. Солдаты подобрали 20 мертвыхъ ланей, 15 страусовъ и множество утокъ и куропатокъ. На тѣлѣ животныхъ были черныя пятна какъ бы отъ удара камнемъ. Число убитыхъ маленькихъ птичекъ провѣрить не

было возможности. Солдаты сообщили, что множество страусовъ бѣгаетъ по равнинѣ, словно изступленные. Вѣроятно птицы были оглушены или ослѣплены градомъ. Одинъ изъ солдатъ неосторожно высунулся за дверь и получилъ такую рану въ голову, что долженъ былъ слечь.

Иезуитъ Дорингоферъ описываетъ такую же бурю въ Инди въ 1831 г. Множество дикихъ животныхъ и домашняго скота было побито. Градины тамъ были плоскія дюймовъ 10 въ окружности; иныя вѣсили болѣе двухъ унцій. Онѣ избороздили дорогу какъ картечью и пробили круглыя отверстія въ стеклахъ, не разбивъ ихъ.

Обѣдъ, которымъ угостили Дарвина на посту, весь состоялъ изъ мяса животныхъ, убитыхъ градомъ, что не мѣшало ему быть очень вкуснымъ. Особенно понравилось ему мясо пумы, которое никакъ нельзя было отличить отъ телятины; при этомъ онъ вспомнилъ, что путешественникъ Шау говорилъ тоже самое про львиное мясо. Гаучосы ѣдятъ мясо ягуара, но на счетъ его качества мнѣнія расходятся; дикую же кошку они единодушно признаютъ отличнымъ кушаньемъ.

Послѣ обѣда путники двинулись далѣе и переваливъ черезъ невысокій скалистый хребтъ Тапальгуэнъ, пошли вдоль рѣки того же имени. По пути встрѣчали, или обгоняли много молодыхъ женщинъ индіанокъ, сидѣвшихъ по двѣ и по три на одной лошади; онѣ были также красивы какъ и мушины,

ихъ лица съ правильными чертами дышали здоровьемъ.

Мѣстечко Тапальгуэнъ, важно называемое городомъ, оказалось просто поселеніемъ мирныхъ индѣйцевъ. Испанскихъ домовъ, или «ранчо» было всего три, въ одномъ жилъ комендантъ, въ другихъ были лавки.

Здѣсь можно было купить сухарей, чему Дарвинъ очень обрадовался, такъ какъ исключительно мясная пища начала надоедать ему. Не мало любовался онъ на имѣвшіяся въ лавкахъ издѣлія индіанокъ: попоны, пояса, подвязки. Красота узоровъ и изящество отдѣлки были такъ замѣчательны, что одинъ англійскій купецъ принималъ ихъ за англійскія издѣлія, пока не разглядѣлъ, что кисточки перевязаны сухожиліями.

Близъ 12-го поста путникамъ пришлось проѣзжать мѣстностью, залитою водою. Вода хватала лошадямъ выше колѣнъ и приходилось ѣхать по арабски, поджавъ ноги. Ночевали въ этотъ день на фермѣ генерала Розаса, гдѣ, впервые увидали бѣлыхъ женщинъ. По обилію построекъ Дарвинъ принялъ ферму за городъ. Въ дѣйствительности она походила на цитадель, такъ какъ была хорошо укрѣплена. При фермѣ было большое пространство земли, огромная стада и до 300 рабочихъ.

Переправившись черезъ Ріо-Саладо, Дарвинъ пораженъ былъ переменю въ характерѣ мѣстности. Грубая трава замѣнилась прекраснымъ ярко-зеленымъ дерномъ, испещрен-

нымъ цвѣтами. Дарвинъ объяснилъ эту перемѣну огромнымъ стадомъ рогатаго скота, удобряющимъ землю. Но здѣсь можетъ быть играть роль не одно удобреніе, но и механическое уплотненіе почвы, необходимое для произростанія иныхъ злаковъ. Въ мѣстахъ лѣсистыхъ извѣстно, что въ вырубленномъ хвойномъ лѣсу, этотъ родъ деревьевъ возобновляется только тогда, когда на мѣстѣ вырубки пасется скотъ. Иначе—хвойныя породы замѣняются лиственными. Въ преріяхъ и равнинахъ Сѣв. Америки, гдѣ грубая трава достигаетъ вышины 5—6 футовъ, стоитъ только появиться большимъ стадамъ и грубая трава уступаетъ мѣсто пушистому дерну.

По мѣрѣ приближенія къ Буэносъ-Айресу мѣстность начала замѣтно оживляться. Стали встрѣчаться маленькіе города, утопающіе въ садахъ персиковыхъ и айвовыхъ деревьевъ. Нельзя себѣ представить съ какимъ наслажденіемъ путники, скитавшіеся такъ долго по пустынѣ, привѣтствовали населенную мѣстность. Чувствовался особый подъемъ жизненныхъ силъ, словно у пробудившагося послѣ продолжительнаго сна.

За живописнымъ городкомъ Гвардіа-дель-Монте стали появляться растенія до тѣхъ поръ не встрѣчавшіяся: укропъ росъ въ изобиліи по краямъ канавъ; колючіе кардоны покрывали большіе участки, по которымъ не могли пробраться ни люди, ни животные. Гдѣ появляется это растеніе, тамъ уже не можетъ расти ничего. Тоже можно сказать

про огромныя заросли пестролистнаго чертополоха, покрывающаго холмистыя равнины. Сѣмена этого растенія, вѣроятно, занесены сюда теченіемъ рѣки, также какъ и сѣмена померанцевыхъ деревьевъ, которыми густо покрыты берега рѣки Параны.

Пока путники мѣняли лошадей въ Гвардіа-дель-Монте, ихъ обступила толпа народа съ разспросами объ успѣхѣ оружія, популярнѣйшаго изъ генераловъ, Розаса. «Это спра-

Видъ изъ южной Бразиліи.

ведливѣйшая изъ войнъ, говорили они, такъ какъ она ведется противъ варваровъ».

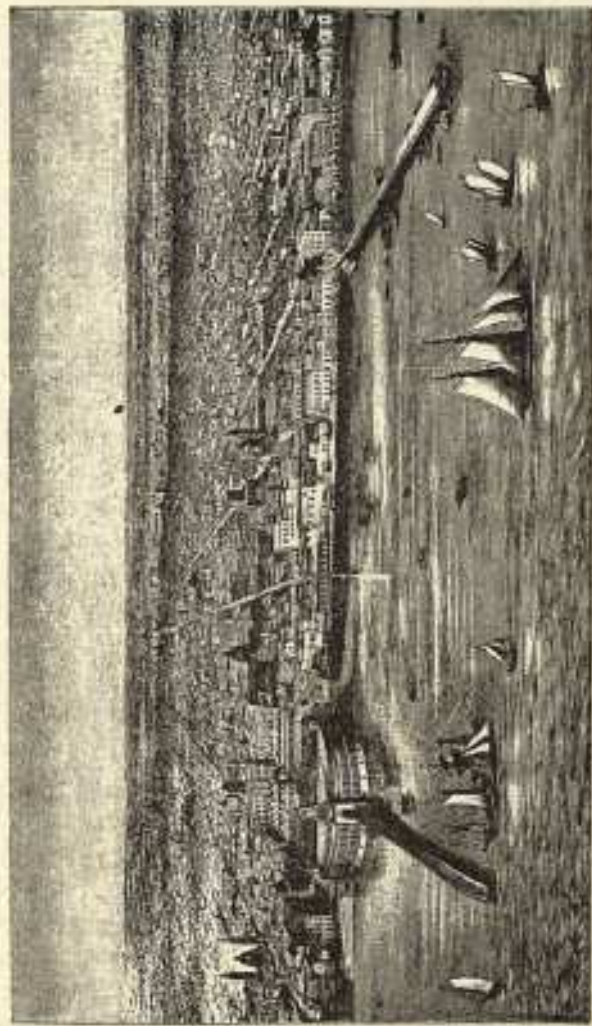
Патріархальное гостепріимство, которое встрѣчали путники въ мало заселенныхъ мѣстностяхъ, смѣнилось здѣсь равнодушіемъ и чрезмѣрной осторожностью. На одной фермѣ прямо-таки отказались принять путниковъ подъ предлогомъ, что много-де шатается неблагонадежныхъ людей и никому нельзя

вѣрить. Дарвину пришлось показать свой паспортъ. Когда фермеръ только взглянулъ на слова: «натуралистъ Донъ-Карлосъ», онъ тотчасъ же перемѣнилъ обращеніе и сталъ настолько же изысканно вѣжливъ, на сколько былъ прежде грубъ. Что такое натуралистъ, объ этомъ, конечно, ни хозяинъ, ни многіе изъ его соотечественниковъ не имѣли понятія и просто приняли это слово за иностранный терминъ какого нибудь титула или чина.

20 сентября въ полдень, путешественники пріѣхали въ Буэносъ-Айресъ, столицу Аргентинской республики. Предмѣстье города, съ живыми изгородями и рощами оливковыхъ, персиковыхъ и другихъ деревьевъ, производило очень пріятное впечатлѣніе.

Отдохнувъ въ домѣ г. Ломба, англійскаго купца, Дарвинъ отправился на пристань. Здѣсь сосредоточивались всѣ интересы дѣловаго населенія; здѣсь, такъ сказать, билъ пульсъ страны.

Недалеко отъ пристани, вверхъ по рѣкѣ, существуетъ кварталъ, гдѣ живутъ судорабочіе и крючники. Живутъ они въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, иначе говоря—въ домахъ на сваяхъ, подъ которыми, лѣтомъ ютятся домашнія животныя; въ остальное время года—стоитъ вода, такъ какъ мѣстность эта, во время разлива, затопляется водою. Сообщеніе по улицамъ этого страннаго квартала совершается смотря по сезону, когда на арбахъ, когда верхомъ, когда на людяхъ

Города Буэнос-Айресъ.

Но чуть ли не самая характерная особенность Буэнос-Айреса это разгрузка судовъ въ устьѣ Лаплаты. Во время мелководья суда останавливаются довольно далеко отъ берега. Къ нимъ подъѣзжаютъ арбы на высокихъ колесахъ, запряженные лошадьми и принявъ товары, отвозятъ ихъ на берегъ. Все пространство отъ судна до берега, примѣрно версты въ двѣ, покрыто тысячами этихъ странныхъ экипажей, отъ которыхъ видны только верхушки, а отъ лошадей — спины. Лошади по 3—4 запряжены гуськомъ и на передней сидитъ погонщикъ — гаучо. Въ промежуткахъ шныряютъ лодки, доставляющія пассажировъ съ большихъ кораблей на берегъ.

Въ настоящее время городъ Буэнос-Айресъ разросся до громадныхъ размѣровъ, а его портъ сдѣлался однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ. Чрезвычайно внушительное впечатлѣніе производитъ городъ на иностранца, прибывающаго съ моря. Издали пріѣзжій замѣчаетъ цѣлый лѣсъ мачтъ, а подходя ближе, видитъ длинныя ряды всевозможныхъ судовъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ вселенной. Это самый разнохарактерный флотъ, который можно гдѣ либо встрѣтить. Городъ очень великъ и принадлежитъ къ числу самыхъ правильныхъ городовъ въ мірѣ. Улицы всѣ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ и притомъ на одинаковомъ разстояніи такъ что дома образуютъ правильные четырехугольники, названные квадратами. Дома — тоже квадраты

съ чистымъ дворикомъ «patio» внутри; сюда выходятъ двери изъ внутреннихъ покоевъ. Патіо—это пріемная или гостинная, здѣсь семья проводитъ почти цѣлый день. Въ большихъ домахъ—этихъ патіо нѣсколько и тогда они получаютъ различныя назначенія. Первый патіо—салонъ, второй—мѣстопробываніе семьи, третій—дѣтская, четвертый—отдается прислугѣ, и если есть еще патіо, то они служатъ для хозяйственныхъ цѣлей. Особенно украшается, разумѣется, первый патіо—салонъ. На наружномъ фасадѣ главную роль играетъ изящество дверей и рѣшетокъ на окнахъ. Рѣшетки эти, похожія на тонкое кружево, обыкновенно выступаютъ, и образуютъ маленькіе балкончики. Входная дверь тоже рѣшетчатая. Сквозь нея прохожій можетъ любоваться первымъ патіо—салономъ роскошно убранымъ. По срединѣ обыкновенно фонтанъ, окруженный зеленью, что особенно эффектно бываетъ вечеромъ, когда патіо освѣщенъ фонарикомъ, бросающимъ и на улицу свой фантастическій свѣтъ.

Въ нѣкоторыхъ домахъ обращаетъ на себя вниманіе паркетъ изъ разноцвѣтнаго дерева дорогихъ породъ. Онъ содержится очень тщательно и блеститъ какъ стекло.

Глава VII.

Отъ Буэносъ-Айреса до Санта-фе.

Исторія Аргентинской республики очень интересна и назидательна. Она служитъ разительнымъ примѣромъ того, какъ неосновательны всѣ теоретическіе расчеты человѣка, если они не основаны на всестороннемъ ознакомленіи съ обстоятельствами и бытовыми условіями среды, къ которой примѣняются.

Берега Лаплаты были открыты въ 1515 году извѣстнымъ мореплавателемъ Солисомъ, котораго дикіе убили и съѣли. Но это обстоятельство не устрасило Европейцевъ. Въ своемъ стремленіи къ отысканію драгоценныхъ металловъ, они устремились въ новооткрытую землю и, найденное здѣсь серебро подало поводъ къ наименованію новой рѣки

Лаплатой, и прилежащей къ ней области Аргентиной. Въ 1534 г. испанцы овладѣли этою страной и Педро-ди Мендоза, посланный королемъ Карломъ V, основалъ на берегу Лаплаты колонію «*A que buenos aires!*» т. е. какой прекрасный воздухъ! воскликнулъ онъ, вступивъ впервые на эту землю. Отсюда названіе колоніи Буэносъ-Айресъ. Вскорѣ, новое поселеніе уничтожено было индѣйцами, и снова возникло въ 1580 году.

Но не серебро обогатило Аргентину. Быстро расплодившійся рогатый скотъ и лошади привлекли промышленниковъ, Буэносъ-Айресъ сдѣлался центромъ торговли, быстро разросся и получилъ большое политическое значеніе.

Долгое время страна была подвластна Испаніи и управлялась назначаемыми ею вице-королями. Только въ маѣ 1810 г., слѣдовательно почти 300 лѣтъ спустя послѣ своего возникновенія, Аргентина сдѣлалась независимою, а въ 1816 году провозглашена была республикою.

Послѣдующія событія показали, что страна не доразвилась еще до самоуправленія. Различныя народности, изъ которыхъ она состояла, не были достаточно сплочены между собою и въ Аргентинѣ начались междоусобія. Вскорѣ изъ этого хаоса выдѣлились личности, которыя захватили власть, потомъ начали перебивать ее другъ у друга и несчастная страна должна была подчиняться, то одному генералу, то другому; признавать

власть, то одного губернатора, то другого. Такое положеніе изнурило страну и она едва не вернулась въ первобытное состояніе, т. е. не порабощена была дикарями. Тутъ то и явился генераль Розасъ, который забралъ власть въ руки и спасъ Аргентину отъ гибели. Собравъ милицію изъ гаучосовъ, Розасъ одержалъ побѣду надъ всѣми врагами внѣшними и внутренними и съ торжествомъ вступилъ въ столицу. Его встрѣтили какъ освободителя отечества. Народъ выпрягъ лошадей изъ его коляски и торжественно ввезъ на своихъ плечахъ. Дамы осыпали побѣдителя цвѣтами, ликованія народа не знало границъ.

На 3 года Розасъ былъ назначенъ губернаторомъ съ чрезвычайными полномочіями, но по истеченіи этого срока, его смѣнили. Снова начались междоусобія и индѣйцы, пользуясь неурядицами, стали дѣлать набѣги, раззорять поселенія и уводить женщинъ и дѣтей въ плѣнъ. Розасъ снова выступилъ на сцену и вторично сдѣлался спасителемъ отечества. Въ періодъ этой послѣдней кампаніи Дарвинъ съ нимъ и познакомился *)

Путешествовать при такихъ условіяхъ было не особенно пріятно. Помимо опасности, которой путешественникъ подвергался, ему приходилось еще испытывать разнаго рода неудобства, какъ слѣдствіе неурядицы, господствовавшей въ странѣ. Но любовь къ наукѣ

*) Здѣсь упоминается у Юинга, Ю. Америка.

была такъ сильна, что всѣ остальные сообщенія отодвигались на задній планъ, а при малѣйшей удачѣ въ области открытій, забывались и усталость, и страхъ, и всѣ пережитыя невзгоды.

27-го сентября Дарвинъ простился съ г. Ломба и отправился въ Санта-фе за 300 миль отъ Буэнос-Айреса. Дороги въ окрестно-

Негры съ поклажами.

стяхъ, послѣ дождя, были ужасны. Жаль было смотрѣть на несчастныхъ воловъ, тащившихъ негритянскія фуры самаго первобытнаго устройства. Представьте себѣ длиннѣйшую корзину, сплетенную изъ ивовыхъ вѣтвей и поставленную на два диска, выпиленные изъ столѣтняго дерева и окованные

железнымъ ободомъ. Шесть паръ воловъ тащутъ эту машину и все-таки не могутъ пройти болѣе двухъ верстъ въ часъ, не смотря на то, что впереди ѣдетъ верховой и указываетъ вожаку воловъ, гдѣ лучше дорога *).

По пути встрѣчалось очень мало фермъ вслѣдствіе весьма оригинальной причины: чертополохъ заповолонилъ всѣ пастбища. Это сорное растеніе—чистое бѣдствіе этихъ странъ. Достигши только $\frac{2}{3}$ своего роста, чертополохъ доходитъ уже до спины лошади; когда же онъ выростетъ вполнѣ, то походитъ на лѣсъ и легко можетъ ввести путника въ заблужденіе. Палы **), которыми въ здѣшнихъ степяхъ истребляютъ прошлогоднюю траву, для могучаго и сочнаго чертополоха не дѣйствительны.

Въ заросляхъ чертополоха зачастую скрываются разбойники. Если вы спросите туземца, все ли спокойно, и онъ отвѣтитъ: «чертополохъ еще не выросъ», вы можете совершенно безопасно продолжать путь.

Крупныхъ животныхъ въ чертополохѣ не встрѣчается; въ изобиліи водится «мышакъ» или бискачи. Это маленькое животное изъ породы грызуновъ замѣчательно тѣмъ, что оно собираетъ твердые предметы, какъ то: камни, кости и складываетъ въ груды у своей норы. Такимъ же скопидомствомъ отличается птица «колодера», которая устраиваетъ себѣ изъ вѣтвей увеселительныя бесѣдки и соби-

*) Теперѣ жгутьъ желѣзные дороги и конки.

**) Палы—отъ слова палить, жечь.

раетъ туда всякую всячину. Если у туземцевъ пропадетъ что нибудь, они идутъ розыскивать норки бискачи, или бесѣдки колодеры и часто находятъ пропавшую вещь. Одинъ путешественникъ, на дорогѣ, обронилъ часы, которые вскорѣ и нашлись у норки бискачи.

Та мѣстность, по которой проѣзжалъ Дарвинъ, въ настоящее время заселена колонистами, преимущественно итальянцами. Есть между ними до 10,000 душъ русскихъ менонитовъ, выселившихся съ нашего юга послѣ введенія воинской повинности, требованія которой не согласуются съ ихъ религіозными принципами. Русскіе колонисты, первые, ввели въ этотъ край посѣвъ пшеницы, ячменя и льна; ихъ примѣру слѣдуютъ теперь и другіе колонисты. Рѣка Парана, протекающая по этой мѣстности такъ широка, что берега ея едва видны; они низменны и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти отвѣсныя утесы высоко поднимаются надъ водою, что представляетъ пріятную противоположность съ низменными, болотистыми берегами. На одномъ изъ такихъ утесовъ въ 130 футовъ вышины расположенъ городъ Розаріо *), чрезвычайно напоминающій нашъ Нижній. По множеству судовъ, стоящихъ въ портѣ, Розаріо напоминаетъ также приморскій городъ. Къ довершенію иллюзіи Парана здѣсь

*) Розаріо, сдѣлавшійся теперь значительнымъ торговымъ пунктомъ, соединенъ съ Буэносъ-Айресомъ желѣзною дорогою.

такъ широка, что противоположнаго берега почти не видно.

По берегамъ Параны и далѣе по Парагваю въ изобиліи растетъ «мате» такъ называемый Парагвайскій чай, который въ южной Америкѣ играетъ такую же роль какъ у насъ чай китайскій.

Дерево «мате» растетъ по берегамъ рѣкъ сплошнымъ лѣсомъ, или въ перемежку съ араукаріями, о которыхъ будетъ говорено ниже. Колонисты, гаучосы и индѣйцы въ количествѣ можетъ быть 100,000 душъ занимаются сборомъ мате и доставкою его въ торговые центры. Мате собираютъ, обрубая молодыя вѣтви съ листьями; потомъ ихъ сушатъ и мельчатъ. Фабрикація парагвайскаго чая гораздо проще фабрикаціи чая китайскаго, но она все таки требуетъ нѣкоторой сноровки. Сноровка состоитъ въ томъ, чтобы къ листьямъ примѣшать измельченныя вѣтви въ извѣстной пропорціи. Измельченный мате упаковываютъ въ фунты какъ и нашъ чай, и вывозятъ.

Мате употребляется всѣми классами населенія въ Ю. Америкѣ и даже индѣйцами. Во время странствованій по пампѣ это положительно благодѣтельный напитокъ. Европейецъ не сразу привыкаетъ къ нему, но потомъ до того пристращается, что не можетъ обойтись безъ него.

Въ степи пьютъ мате особеннымъ образомъ: маленькая яйцевидная тыква выдалбливается такъ, чтобы наверху осталось неболь-

шое отверстіе. Въ это отверстіе насыпаютъ мате и завариваютъ кипяткомъ. Потомъ вставляютъ туда трубочку «bambilla» съ сѣткою и сосутъ влагу; сѣтка мѣшаетъ порошокъ попадать въ ротъ. Въ богатыхъ домахъ каждому гостю подаютъ особую «bambilla», а въ степи и въ ранчо, одна бамбилла ходитъ по рукамъ, какъ у турокъ — кальянъ.

Лѣса аруакарин по виду похожи на наши сосновые лѣса. Аруакарія — это красивая, твердая и богатая смолою сосна. Она даетъ отличный лѣсъ для построекъ и обильную пищу скоту и человѣку. Ея шишка похожа на шишку кедра, но гораздо больше, а зерно — величиною съ миндалину. Эти зерна даютъ прекрасное масло, а сваренныя — напоминаютъ каштаны; они мучнисты и питательны. Дикарямъ этотъ плодъ замѣняетъ хлѣбъ, а первыхъ колонистовъ онъ не разъ спасалъ отъ голода въ то время, когда они не научились еще съ помощью лассо и шаровъ добывать себѣ мяса. Кромѣ того, обиліе этихъ шишекъ даетъ возможность мѣстнымъ жителямъ откармливать свиней.

Полюбовавшись живописнымъ Розаріо, путники свернули въ сторону и, сдѣлавъ порядочный конецъ лѣсомъ, выѣхали на рѣку Саладильо, названной такъ потому, что въ ней вода соленая. Гаучосы рассказывали, что въ берегахъ Саладильо попадается много костей и Дарвину захотѣлось провѣрить эти рассказы. Онъ сдѣлалъ раскопки и поиски

Индийская деревня.

FIGURE 1. A large, dark, diagonal shape, possibly a rock or a large object, and some foliage or trees in the foreground.

его увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ. Кромѣ превосходно сохранившагося зуба токсодонта и нѣсколькихъ другихъ разрозненныхъ костей, онъ нашелъ два огромныхъ скелета, рельефно выдававшихся изъ береговыхъ скалъ. Къ сожалѣнію, обнажившіяся части вывѣтрились и крошились отъ прикосновенія. Тѣмъ не менѣе можно было опредѣлить, что скелеты принадлежали мастодонтамъ, во множествѣ населявшимъ Кордильеры и Верхній Перу. Туземцы, перевозившіе Дарвина черезъ рѣку, говорили, что они давно запримѣтили эти кости и дивились, какъ они туда попали. По ихъ соображеніямъ, мастодонтъ долженъ былъ жить въ норѣ какъ теперь бискачи. Забравъ драгоценныя кости, Дарвинъ вернулся на берега Параны окружнымъ путемъ и выѣхалъ на рѣку нѣсколько выше, противъ города Санта-Фе.

Мѣстность отъ Саладильо до Санта-Фе считалась небезопасною отъ индѣйцевъ. Дикари рыскали по противоположному незаселенному берегу Параны, нерѣдко переправлялись черезъ рѣку и грабили кого попало. Нѣсколько раззоренныхъ и заброшенныхъ хижинъ лучше всего свидѣтельствовали о ихъ подвигахъ. За то воочію предстали и признаки мщенія. На одномъ изъ деревьевъ болтался трупъ повѣшеннаго индѣйца, или вѣриѣ скелетъ, обтянутый высохшей кожей. Эта картина доставила проводнику большое удовольствіе.

Переправа черезъ Парану заняла нѣсколько

часовъ потому, что рѣка дробится здѣсь на множество рукавовъ, огибая лѣсистыя острова. Эти острова замѣчательны тѣмъ, что они появляются періодически и потомъ исчезаютъ. Красуется себѣ островъ много лѣтъ; покрылся роскошною растительностью, цѣлымъ лѣсомъ. Проходятъ года; многія поколѣнія любятъ на него. Вдругъ, безъ всякой видимой причины, онъ начинаетъ опускаться. Вотъ ужъ невидно травы; еще немного, изъ воды торчатъ однѣ верхушки деревьевъ и не въ одинъ прекрасный день жители, проснувшись утромъ видятъ только гладкую водную поверхность тамъ, гдѣ былъ островъ. Также неожиданно возникаютъ новые острова; покажется изъ воды песчаный горбъ, станетъ съ каждымъ днемъ расширяться и обростать растительностію; въ здѣшнемъ благодатномъ климатѣ это дѣлается быстро.

При такихъ условіяхъ плаваніе по рѣкѣ затруднительно и опасно. Рискнешь наткнуться или на возникающіе, или на исчезающіе острова. Въ послѣднемъ случаѣ вершина какого-нибудь погружающагося дерева легко можетъ пробуравить и даже потопить лодку.

Приѣхавъ въ Санта-фе, Дарвинъ вообразилъ себя перенесеннымъ въ другую страну, до того поразительна была разница настоящаго съ предшествовавшимъ. Эта разница замѣтна была во всемъ: въ типахъ жителей, въ оттѣнкахъ ихъ кожи, въ одеждѣ, въ размѣрахъ деревьевъ, во множествѣ но-

выхъ видовъ растений и главнымъ образомъ птицъ. Въ теченіи одного часа Дарвинъ замѣтилъ до полудюжины птицъ, никогда не виданныхъ въ Буэносъ-Айресѣ. И между тѣмъ разстояніе между двумя областями равнялось только тремъ градусамъ широты.

У Дарвина сильно разболѣлась голова и ему пришлось пролежать два дня въ постели. Добродушные туземцы предлагали ему различныя средства, но онъ не воспользовался ни однимъ. Самое обыкновенное здѣсь лекарство отъ головной боли, это бобъ, разрѣзанный пополамъ и прилѣпленный къ вискамъ; его держать пока не отпадетъ, хотя бы голова и перестала болѣть. Нерѣдко можно встрѣтить людей съ подобнымъ украшеніемъ на вискахъ и на вопросъ, что съ ними? получишь въ отвѣтъ: у меня третьяго дня голова болѣла. Отъ ранъ общепотребительное средство—парное мясо; такимъ же способомъ лечатся и средне-азіатскіе кочевники. Прикладываніе живыхъ щенковъ къ ногамъ больного играетъ ту же роль какъ у насъ согрѣваніе ногъ кувшинами съ кипяткомъ.

Санта-фе тихій уютный городокъ, содержится очень чисто и въ порядкѣ. Губернаторъ Лопесъ *) былъ простымъ солдатомъ въ эпоху первой революціи, а во время путешествія Дарвина онъ уже 17 лѣтъ правилъ городомъ. Онъ искусно ловилъ индѣй-

*) Погибшій во время послѣдней революціи.

цевъ и безъ пощады казнилъ ихъ, а дѣтей продавалъ въ рабство.

Пять дней, проведенныхъ Дарвиномъ въ Санта-фе, посвящены были геологическимъ изслѣдованіямъ почвы въ окрестностяхъ и розысканію костей. Въ осадочныхъ слояхъ ему посчастливилось найти панцырь огромнаго животнаго, сходнаго съ броненосцемъ. Очищенный отъ земли, панцырь походилъ на большой котелъ. Сопоставляя свои наблюденія съ наблюденіями другихъ ученыхъ, Дарвинъ сдѣлалъ слѣдующій выводъ:

Въ тѣ времена, когда Америка и преимущественно Сѣверная, была населена слонами, мастодонтами и другими полорогими жвачными, она въ зоологическомъ отношеніи гораздо больше подходила къ умѣреннымъ частямъ Европы и Азии чѣмъ теперь. Такъ какъ остатки всѣхъ этихъ родовъ находятся по обѣимъ сторонамъ Берингова пролива, то мы должны принять за вѣрное, что Старый и Новый свѣтъ были прежде соединены и что животныя переходили изъ одной страны въ другую по перешейку, опустившемуся нынѣ на морское дно *).

*) Поддѣйшія изслѣдованія профессора Бурмейстера не подтверждаютъ этихъ выводовъ. Найденныхъ имъ на берегахъ Параны допотопныхъ животныхъ совсѣмъ не походятъ на тѣхъ, которыя встрѣчаются въ старомъ свѣтѣ. Мегатеріумы и глиптеріумы, современники ихтиозавровъ и плезиозавровъ, жили, какъ полагаетъ Бурмейстеръ, въ Кордильерахъ, когда земля была еще морскими дномъ, или болотистыми островами, покрытыми папоротниками. Мегатеріумы, судя по скелетамъ, были гигантскіе грызуны, которые питались папоротниками. Всѣ эти экземпляры находятся въ университетскомъ музѣ Бурнос-

При раскопкахъ, Дарвина не разъ поражалъ тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ животныя были отрываемы въ кучахъ. Не было ли это слѣдствіемъ поавальныхъ бѣдствій, когда животныя подъ вліяніемъ паническаго страха сбивались въ кучу (какъ мы видимъ и въ наше время при пожарахъ), и вмѣстѣ умирали. Въ періодъ 1827—30 г., извѣстный подъ названіемъ великой засухи, выпадало такъ мало дождя, что погибли всѣ растенія; даже чертополохъ. Рѣчки высохли и вся страна приняла видъ пыльной большой дороги. Засуха была особенно продолжительна въ сѣверной части провинціи Буэносъ-Айресъ и въ южной—Санта-фе. Множество птицъ, дикихъ и домашнихъ животныхъ погибло тогда отъ недостатка пищи и воды. Старикъ-очевидецъ рассказывалъ, что къ колодезю, вырытому у него на дворѣ приходили дикія козы. Дикія животныя и домашній скотъ массами устремлялись къ большимъ рѣкамъ и бросались въ волны. Но отъ слабости животныя не могли долго плыть и тонули. Рукавъ Параны, протекающій у С. Педро, былъ такъ запруженъ гніющими трупами, что отъ зловонія прекратилось судоходство. Весьма возможно, что и въ тѣ отдаленныя эпохи такое же или другое бѣд-

Айреса и между ними глипотеріумъ, колоссальный броненосецъ.

Несомнѣнно что Дарвину первому принадлежитъ честь открытія костей ископаемыхъ животныхъ на берегахъ Параны. Весьма возможно, что профессоръ Бурмейстеръ, прочитавъ его сочиненіе и пошелъ уже по знакомымъ слѣдамъ.

ствіе загоняло тысячи животныхъ въ рѣки, трупы ихъ сносились теченіемъ въ какой-нибудь затонъ и цѣлыми грудами погребались въ наносныхъ слояхъ.

Городокъ С. Педро, лежащій въ прелестной мѣстности, въ настоящее время изобилуетъ скотомъ. Въ періодъ же засухи тамъ не осталось ни одного животного такъ что на судахъ должны были подвозить скотъ для пропитанія жителей. По самому умѣренному разсчету, въ одной провинціи Буэносъ-Айресъ пало до милліона головъ рогатаго скота, а у одного владѣльца изъ 20,000 штукъ не осталось ни одной. Тысячи птицъ валялись мертвыми; а куропатки были такъ слабы, что не могли улетать отъ охотника.

Вслѣдъ за засухой 1827—30 г. послѣдовалъ періодъ сильныхъ дождей, причинившій большія наводненія. Поэтому весьма вѣроятно, что тысячи скелетовъ были погребены въ наносной почвѣ на слѣдующій же годъ, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что въ пампасахъ дно маленькихъ рѣчекъ буквально устлано костями.

Въ путешествіи капитана Одэна передается любопытный разсказъ о вліяніи засухи на слоновъ въ Африкѣ. Эти животные стадами входили въ городъ и старались завладѣть колодцами. Жители въ количествѣ 3000 ополчились противъ слоновъ и дали имъ отпоръ, но животные, сопротивляясь, успѣли убить и ранить нѣсколькихъ чело-вѣкъ. Бывали случаи, что самыя пугливыя

животныя, мучимыя жаждою, забѣгали въ дома. Одинъ офицеръ поилъ изъ чашки зайца, забѣжавшаго въ его палатку. Нѣсколько разъ видали какъ хищный ягуаръ и трепетная лань пили у одного источника. Общее несчастье соединяло враговъ.

По лѣсистымъ берегамъ и островамъ Параны водится много ягуаровъ. Вода составляетъ необходимое условіе ихъ существованія. Пищею имъ служатъ рѣчныя свинки и тамъ гдѣ ихъ много, ягуары менѣе опасны. Когда же эти звѣри голодны, они дѣлаются чрезвычайно свирѣпы. На Паранѣ они растерзали много дровосѣковъ и ночью приходили даже на суда. Одинъ матросъ взбираясь впотьмахъ съ лодки на корабль былъ схваченъ ягуаромъ, но успѣлъ спасти жизнь, оставивъ въ зубахъ звѣря руку. Болѣе всего опасными дѣлаются ягуары въ ту эпоху, когда разливъ гонитъ ихъ съ острововъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Санта-фе ягуаръ забрался въ церковь, растерзалъ двухъ патеровъ, вошедшихъ туда одинъ за другимъ, а третьему удалось спастись только потому, что онъ не вошелъ сразу, а только заглянулъ и заперъ дверь. Звѣря убили, разобравъ часть крыши.

Но самыя ужасныя опустошенія производитъ ягуаръ среди рогатаго скота. Онъ бросается на спину животного и перегрызаетъ ему хребетъ. По слѣдамъ ягуара обыкновенно ходятъ лисицы, также какъ по слѣдамъ тигра—шакалы, а полярнаго медвѣдя—песцы.

Эти мелкія животныя, точно нахлѣбники крупныхъ. Они знаютъ, что со стола звѣринаго вельможи перепадутъ крохи и на ихъ долю.

Ягуаръ непріятенъ еще тѣмъ, что реветъ по цѣлымъ ночамъ, особенно передъ дурной погодой; но замышляя нападеніе, онъ притихаетъ. Самая вѣрная и безопасная охота на ягуара, это облава. Загнанный звѣрь обыкновенно влѣзаетъ на дерево, гдѣ его и поражаютъ пули.

Выше города Санта-фе начинается территория, извѣстная подъ названіемъ «Gran-Chaco» — большая пустыня. Отсюда на западъ до Кордильеръ и на сѣверъ до Боливіи Gran-Chaco остается неизвѣданною страной, куда не проникали бѣлые люди. Gran-Chaco обѣтованная земля индѣйцевъ. Отъ ихъ набѣговъ и до сихъ поръ не ограждены Европейцы.

Дарвинъ отплылъ изъ Санта-фе на небольшомъ суднѣ, отправлявшемся въ Буэносъ-Айресъ. Судно быстро плыло по теченію, но всякій разъ, когда небо покрывалось тучами, притягивалось къ берегу. Могучая Парана страшна во время бури и судовщики предпочитаютъ выжидать *).

Если остановки случались въ устьяхъ рѣчекъ, Дарвинъ садился въ челнокъ и плылъ по узкой рѣчкѣ, окаймленной чисто тропи-

*) Въ настоящее время сообщеніе производится на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ безъ остановокъ.

ческой растительностью. Словно зеленые стѣны, стояли по берегамъ въѣвые деревья, переплетенныя ліанами; едва едва пробивался сверху лучъ свѣта между этими стѣнами; въ зеленомъ корридорѣ царствовалъ полумракъ и парная, насыщенная ароматами атмосфера была точно въ оранжереѣ. Натуралиста здѣсь ожидала обильная жатва въ видѣ безчисленныхъ породъ насѣкомыхъ и птицъ. Очень понравился Дарвину маленькій попугай, зеленый, съ сѣрою грудью. Эти попугаи вьютъ гнѣзда на высокихъ деревьяхъ и прилѣпляють ихъ такъ близко другъ къ другу, что они сливаются и образуютъ какъ бы одинъ сукъ. Колоніи этихъ попугаевъ производятъ большія опустошенія на засѣянныхъ поляхъ и туземцы стараются уничтожать ихъ на сколько возможно.

Нѣсколько ниже Розаріо западный берегъ Параны окаймленъ отвѣсными скалами, которыя тянутся на большое разстояніе. Вообще эта могучая рѣка могла-бы считаться одною изъ самыхъ красивыхъ, еслибы не мутная вода, вслѣдствіе мягкости почвы. Уругвай, текущій по каменистому ложу, гораздо чище.

Благодаря безконечнымъ остановкамъ судно плыло такъ медленно, что только 20-го октября Дарвинъ добрался до устья Параны. Здѣсь онъ высадился, чтобъ вернуться въ Буэносъ-Айресъ верхомъ, но вдругъ, къ удивленію своему, узналъ, что онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, въ плѣну. Въ его от-

существованіи вспыхнула революція и всѣ порты объявлены были въ осадномъ положеніи. Ни взадъ ни впередъ нельзя было двинуться безъ особаго разрѣшенія. Пришлось ѣхать въ лагерь инсургентовъ и у ихъ командира, Ролера, просить пропуска. Этотъ командиръ, и всѣ его воины выглядели большими негодаями. Чуть ли не наканунѣ возмущенія Ролеръ ходилъ къ губернатору и прикладывая руку къ сердцу, клялся въ вѣрности. Объявивъ Дарвину, что городъ въ осадномъ положеніи, Ролеръ предложилъ ему ѣхать къ главному начальнику инсургентовъ, для чего приходилось сдѣлать порядочно крюку. Въ лагерь главнокомандующаго, путешественника приняли очень любезно, но ѣхать въ городъ запретили окончательно. Было отъ чего призадуматься. Помимо безполезной проволочки времени Дарвинъ могъ упустить Бигль, стоявшій въ устьѣ Ла-Платы. Но когда онъ въ разговорѣ случайно упомянулъ о любезномъ приѣмѣ, сдѣланномъ ему генераломъ Розасомъ, дѣла его тотчасъ же приняли благоприятный оборотъ. Ему сказали, что, если онъ рѣшится разстаться съ проводникомъ и лошадьми, его немедленно пропустятъ въ городъ.

Напрасно Дарвинъ, вернувшись въ городъ, старался уяснить себѣ настоящія причины революціи. Ему, какъ англичанину, привыкшему строго уважать законы, казалось преступленіемъ безъ нужды, волновать народъ. По испанской конституціи правитель страны,

или губернаторъ долженъ былъ избираться на три года, между тѣмъ здѣсь, въ теченіи девяти мѣсяцевъ, перебивало пятнадцать правителей. Какого же пути можно было ждать при подобномъ порядкѣ вещей. Всякій хотѣлъ своего и кто палку взялъ, тотъ былъ и капралъ. Такъ, въ эту революцію человѣкъ 70 приверженцевъ Розаса, недовольные губернаторомъ Балькарсе, вышли изъ города и поднявъ знамя генерала Розаса, взволновали всю страну. Инсургенты окружили городъ и отрѣзали подвозъ припасовъ. Кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ происходили стычки, слѣдствіемъ которыхъ было всегда нѣсколько жертвъ.

Глава VIII.

Отъ Буэносъ-Айреса до Патагоніи.

Вѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго путешественника задержали въ Буэносъ-Айресѣ на цѣлыя двѣ недѣли. Жить въ осажденномъ городѣ вообще не особенно пріятно; здѣсь же, при разношерстномъ населеніи, положеніе ухудшалось постояннымъ страхомъ быть ограбленнымъ, или убитымъ, а потому Дарвинъ очень обрадовался, получивъ разрѣшеніе уѣхать на почтовомъ кораблѣ, шедшемъ въ Монтевидео.

Монтевидео, главный городъ Уругвайской республики, окруженъ, также какъ и Мальдонадо совершенно ровной мѣстностью. Но самъ городъ, расположенный на хребтѣ косы, выдающейся въ море, очень красивъ. На

заднемъ планѣ виднѣется такъ называемая «Зеленая гора», которая пріятно разнообразитъ пейзажъ. Гора не высока но, среди необозримаго плоскаго пространства, она представляется довольно внушительною.

Монтевидео, какъ и Буэносъ-Айресъ разбитъ на правильные квадраты; всѣ улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ.

Во времена Дарвина Монтевидео былъ не болѣе какъ деревня. Теперь же съ нимъ можетъ поспорить любая Европейская столица. Улицы широки, хорошо вымощены, прекрасно освѣщены. Дома не высоки, но роскошно отдѣланы: вездѣ мраморъ, мозаика, большія окна, широкія двери и за ними «patio», съ мозаичнымъ поломъ изъ разноцвѣтнаго мрамора.

Особымъ великолѣпіемъ отличаются новые кварталы. Роскошная улица, «18 Июля», обсаженная деревьями, ведетъ въ паркъ, Прадо, которымъ чрезвычайно гордятся обыватели. Въ этомъ паркѣ, устроенномъ ученымъ ботаникомъ, можно встрѣтить деревья весьма рѣдкихъ породъ. Здѣсь растутъ красное дерево, пробковые дубы, перечные деревья, папирусы, стволъ которыхъ можно развернуть какъ свертокъ бумаги, прелестныя ползучія Араукаріи и множество другихъ породъ. Въ окрестностяхъ парка, утопая въ зелени, расположены дачи мѣстныхъ богачей. Одною изъ достопримѣчательностей считается кладбище; туда обязательно водятъ иностранца. Большое пространство земли на берегу за-

лива, огорожено чрезвычайно толстою стѣною съ нишами, куда вставляютъ гробы небогатыхъ покойниковъ и ниши замуравливаютъ. Снаружи прибавляютъ надписи съ именемъ покойника, иногда съ придачею эпитафій или барельефа, а въ послѣднее время фотографической карточки покойника подъ стекломъ. Въ землѣ, т.-е. въ склепахъ, устроенныхъ на подобіе часовни, хоронятъ только очень богатыхъ покойниковъ.

Портъ Монтевидео, по значенію соперничаетъ съ портомъ Буэнос-Айреса, но онъ не такъ удобенъ, онъ открытъ къ югу, и хотя это открытое мѣсто выходитъ на Ла-Плату, но Ла-Плата здѣсь тоже море. Ширина ея устья у Монтевидео не менѣе ста верстъ; это скорѣе заливъ чѣмъ рѣка.

Приѣхавъ въ Монтевидео и узнавъ, что Бигль простоятъ здѣсь нѣсколько времени, Дарвинъ предпринялъ маленькую экскурсію внутрь страны. Въ самомъ городѣ ничто не напоминало о пампѣ, словно ее и не существовало. Между тѣмъ она начиналась тутъ же, за городомъ и путешественникъ совершенно неожиданно попадалъ изъ центра цивилизованнаго города въ царство гаучосовъ.

Было 14-е ноября, время не особенно благоприятное для путешествій. Вскорѣ по выѣздѣ изъ города встрѣтилось неожиданное препятствіе въ разливѣ рѣкъ. Но проводники гаучосы увѣрили Дарвина, что это ничего не значитъ, что ихъ лошади переплывутъ какую угодно рѣку.

Въ доказательство своихъ словъ одинъ гаучо раздѣлся до нага, вскочилъ на неосѣдланную лошадь и пустился плыть. Когда лошадь начинала упрямыться и норовила повернуть назадъ, гаучо бросался въ воду, брызгалъ ей въ морду съ той стороны, въ которую, она собиралась повернуть, лошадь принимала прежнее направленіе и гаучо снова вскакивалъ на нее. Когда лошадь плыла спокойно, всадникъ одной рукой держался за ее гриву, а другой гребъ какъ весломъ. Картина была занимательная и всадникъ вполне заслуживалъ похвалы, но Дарвинъ не имѣлъ никакого желанія подражать ему. Пришлось ѣхать въ лодкѣ, а лошадей пустить вплавь. Теченіе было такъ сильно, что гребцы выбились изъ силъ и одинъ изъ нихъ направивъ лодку къ ближайшей лошади, переплывавшей рѣку, ухватилъ ее за хвостъ и лошадь преспокойно пробуксировала лодку съ четырьмя пассажирами къ берегу.

Проводники рассказывали, что однажды, въ семи миляхъ отъ берега, затонула баржа, на которой ѣхалъ циркъ. Всѣ лошади до одной благополучно доплыли до берега.

Послѣ трехдневнаго утомительнаго пути, Дарвинъ прибылъ въ колонію дель Сакраменто, старинный городокъ съ извилистыми улицами и неправильными домами. Здѣсь ему показывали церковь недавно разрушенную молніей. Эта церковь служила также и пороховымъ магазиномъ и когда молнія ударила въ нее, то отъ сосѣднихъ домовъ не осталось камня на камнѣ.

Получивъ отъ одного богатаго владѣльца приглашеніе посмотрѣть его ферму, Дарвинъ отправился туда. Ферма находилась на берегу Ла-Платы и съ двухъ сторонъ окружена была многоводными ручьями. Благодаря такому обилію влаги, ферма обладала роскошными пастбищами, дававшими возможность держать массу скота. Владѣлецъ насчитывалъ 3000 головъ рогатаго скота, 600 овецъ и 800 лошадей изъ которыхъ 150 выѣзжаныхъ. Два раза въ недѣлю скотъ пригоняется и пересчитывается. Непосвященному можетъ показаться, что подобная процедура очень затруднительна; на дѣлѣ же выходитъ иначе. Животныя, подобно людямъ, образуютъ общества и такъ крѣпко держатся другъ за друга, что почти никогда не перемѣшиваются. Каждая группа клеймится особымъ знакомъ и, при провѣркѣ, опытный глазъ сразу видитъ въ какой группѣ убыль, въ какой прибыли. Въ группѣ бываетъ обыкновенно около 40—50 головъ. Въ бурную ночь случается, что группы перемѣшиваются; но стоитъ животнымъ успокоиться и они группируются по прежнему, никогда не ошибаясь.

Здѣсь существуетъ особая порода быковъ, которая въ другомъ мѣстѣ не встрѣчается. Эти быки имѣютъ такое же отношеніе къ рогатому скоту, какъ бульдоги и мопсы къ остальнымъ собакамъ. Лобъ у нихъ низкій и широкій, конецъ носа приподнятъ, верхняя губа отогнута вверхъ, такъ что зубы видны; нижняя челюсть выдается; ноздри широки

и открыты, глаза на выкатѣ. Они короткошеи и, на ходу, низко опускаютъ голову. Заднія ноги у нихъ выше переднихъ. Туземцы называютъ эту породу «ната».

Во время засухи, когда травы нѣтъ, другія животныя могутъ питаться древесными побѣгами. Для наты по устройству его губъ это невозможно, и потому онъ погибаетъ раньше другихъ. Есть предположеніе, что ната заимствованъ у индѣйцевъ, живущихъ южнѣе Ла-Платы, и что тамъ онъ очень распространенъ.

Все хозяйство фермы основано на скотоводствѣ. Земледѣліе такъ ничтожно, что о немъ и говорить не стоитъ. Владѣлецъ сдѣлалъ опытъ разведенія лѣса и опытъ вышелъ удаченъ. Въ бытность Дарвина на фермѣ, лѣсъ былъ еще мелокъ, но уже приносилъ порядочный доходъ, снабжая топливомъ Буэносъ-Айресь.

Всѣ постройки на фермѣ содержались въ образцовомъ порядкѣ, въ томъ числѣ и домъ, окруженный великолѣпнымъ персиковымъ садомъ. Персиковыя деревья достигаютъ здѣсь развитія, невиданнаго въ Европѣ. Плодовъ такое обиліе, что ихъ не успѣваютъ собирать. Вся земля въ саду фермы была буквально усыпана персиками и ими лакомились свиньи. Простившись съ владѣльцемъ фермы, Дарвинъ поѣхалъ далѣе и слѣдующій привалъ сдѣлать въ домѣ одного Сѣверо-Американца, устроившаго въ этой мѣстности известковый заводъ. На утро хозяинъ хотѣлъ угостить

гостя охотой на ягуара и цѣлая компанія отправилась на длинный лѣсистый мысъ, гдѣ предполагались ягуары. На деревьяхъ были слѣды когтей различной свѣжести и Дарвину говорили, что звѣрь точить о дерево свои когти. Онъ же склоненъ былъ думать, что слѣды когтей происходятъ оттого, что ягуаръ лазить по деревьямъ, и это гораздо вѣрнѣе. На этотъ разъ ягуара не оказалось, но зато Дарвинъ могъ полюбоваться на величественный Уругвай съ чистой прозрачной водой. Съ противоположнаго берега видно было какъ вливалась въ Уругвай нѣсколькими рукавами Парана и ея желтые потоки ясно обозначались на темномъ фонѣ принявшей ее рѣки.

Слѣдующую ночь путешественникъ провелъ на фермѣ одного богатаго владѣльца и неожиданно попалъ въ большое общество. Общество это отличалось такой невѣжественностью, которой теперь устыдились бы даже и гаучосы. Многіе не знали, что земля кругла и не имѣли понятія объ антиподахъ. Ихъ гораздо болѣе занимали цѣны на рогатый скотъ въ Англіи и тому подобныя практическія свѣдѣнія. При всемъ томъ эти люди были чрезвычайно вѣжливы, и предлагали вопросы не иначе какъ съ поклономъ.

Между гостями находился одинъ капитанъ, герой недавней войны. Онъ много рассказывалъ объ удальствѣ генерала Розаса и дамы приходили въ восторгъ.

Къ ученому иностранцу присутствующіе

Вид из окрестностей Ургамы.

относились съ большимъ уваженіемъ и изъ ихъ разговоровъ было видно, что они чрезвычайно высокаго мнѣнія о немъ. Каково-же было всеобщее удивленіе, когда на вопросъ о томъ, что онъ думаетъ о бусовой горѣ, Дарвинъ отвѣтилъ, что онъ о ней ничего не знаетъ.

— Какъ вы не слыхали о бусовой горѣ! — воскликнулъ хозяинъ. — Это такая гора, на которой находится множество мелкихъ круглыхъ камешковъ пробуравленныхъ насквозь. Индѣйцы собираютъ эти камешки и дѣлаютъ изъ нихъ ожерелья.

Принимая во вниманіе степень развитія своего собесѣдника, Дарвинъ ему не повѣрилъ, но въ послѣдствіи онъ слышалъ объ этой горѣ не разъ. Минералогъ Смитъ говорилъ ему, что на юго-восточномъ берегу Африки онъ находилъ въ пескѣ красные и мутно бѣлые кристаллы, граненные треніемъ. Многіе изъ нихъ были продыравлены насквозь, такъ что можно было нанизать ихъ на шнурокъ. Причина такого явленія не объяснена.

Во время остановокъ на фермахъ Дарвинъ замѣчалъ не разъ, какъ полезны фермъ собаки. Здѣсь онъ узналъ, что собаки эти пасутъ стадо овецъ на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ жилья. Между собаками существуетъ такая тѣсная связь, что, можно подумать, что онѣ заключили между собою письменный договоръ и соблюдаютъ его по пунктамъ. Весь фокусъ состоитъ въ дрессировкѣ собакъ для этой цѣли. Ихъ еще маленькими

отнимаютъ отъ матери и даютъ сосать овцу; спать онѣ въ овчарнѣ на подстилкѣ изъ овечьей шерсти. Имъ никогда не позволяютъ играть съ другими собаками и даже съ дѣтьми. Такимъ образомъ собака привыкаетъ смотрѣть на овецъ, какъ на свою семью и защищаетъ ихъ до послѣдней капли крови. Забавно смотрѣть какъ собака засуетится и залаетъ, когда кто нибудь подойдетъ къ стаду; а овцы въ это время сбиваются въ кучу и прячутся за свою защитницу.

Стадо пригоняется домой въ извѣстные сроки для провѣрки; и тогда верховой ѣдетъ на пастбище и особымъ свистомъ даетъ знать собакѣ о томъ, что она должна дѣлать и она, собравъ стадо, гонитъ его домой. Случается, что молодая собака, увлеченная желаніемъ поиграть, начинаетъ гонять овецъ и нѣкоторыя изъ нихъ затериваются. Но такіе не-приятные казусы рѣдки и изъяснъ отъ нихъ происходящій совершенно ничтоженъ, въ сравненіи съ той пользой которую приносятъ собаки.

Ежедневно овчарки приходятъ на ферму за говядиной и, получивъ кусокъ, стремительно убѣгаютъ, спѣша къ мѣсту службы. Другія собаки не терпятъ овчарокъ и даже самая маленькая шавка считаетъ долгомъ преслѣдовать ихъ. Но зато, какъ только овчарка добѣжитъ до своего стада и, обернувшись, начнетъ лаять, преслѣдователи спасаются бѣгствомъ. Цѣлая свора дикихъ голодныхъ собакъ не рѣшится напасть на овчарокъ, охраняющихъ стадо.

Для выѣздки лошадей существуютъ особые специалисты, называемые домидорами. Они ходятъ по фермамъ и предлагаютъ свои услуги. Платятъ имъ обыкновенно съ головы известную сумму.

Иные лихіе фермеры, любители лошадей, выѣзжаютъ ихъ сами; у другихъ есть приученные къ этому рабы. Но въ большинствѣ случаевъ занимается этимъ дѣломъ домидоръ. Табунъ дикихъ молодыхъ лошадей загоняютъ въ бревенчатую ограду и ворота запираютъ. Въ этой оградѣ только одинъ человекъ, это домидоръ, и ему нужно объѣздить лошадь, которая не знаетъ ни сѣдла, ни узды. Намѣтивъ лошадь домидоръ взмахиваетъ шарми и они, съ визгомъ, мелькнувъ спиралью въ воздухѣ, обвиваются вокругъ переднихъ ногъ лошади. Лошадь падаетъ, бьется, а домидоръ, затянувъ ремень, обводитъ его вокругъ одной задней ноги и притягиваетъ ее къ переднимъ. Такимъ образомъ у лошади оказываются связанными три ноги. Тогда домидоръ садится ей на шею и надѣваетъ крѣпкую узду, обмотавъ нижнюю челюсть вмѣстѣ съ языкомъ въ нѣсколько разъ ремнемъ. Затѣмъ ремень, связывавшій ноги снимается, лошадь встаетъ и домидоръ выводитъ ее за ограду. Онъ держитъ ей голову, а въ это время другой человекъ сѣдлаетъ ее. Очень часто, во время этой операціи, лошадь испуганная тѣмъ, что ей стягиваютъ брюхо, бросается на землю; ее стегаютъ и заставляютъ встать. Къ концу операціи бѣдное жи-

вотное покрыто пѣной и еле дышетъ. Когда лошадь осѣдлана, домидоръ однимъ махомъ вскакиваетъ на нее. Почувствовавъ на спинѣ непривычную тяжесть, лошадь начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, биться и наконецъ пускается во весь опоръ. Совершенно измучивъ лошадь, домидоръ приводитъ ее къ оградѣ и отпускаетъ на волю. Обыкновенно, послѣ двухъ, трехъ подобныхъ приѣмовъ лошадь укрощена, но для полной выѣздки требуется еще нѣсколько недѣль практики.

При такой массѣ лошадей ихъ совсѣмъ не жалѣютъ и обществу покровительства животныхъ было бы надъ чѣмъ здѣсь поработать. Однажды Дарвинъ ѣхалъ съ однимъ фермеромъ по пампасамъ и замѣтивъ, что его лошадь устала, замедлил шагъ. «Бейте ее, шпорьте ее, твердилъ фермеръ; вѣдь она моя». Когда Дарвинъ объяснилъ ему, что жалѣеть животное, просто какъ живую тварь; фермеръ воскликнулъ «ah que cosa», то есть вотъ такъ штука, и засмѣялся. Очевидно, чувство жалости къ животному было ему неизвѣстно.

Почти всѣ гаучосы отличные наѣздники; свалиться съ лошади, для нихъ немыслимо. Хорошимъ ѣздокомъ считается тотъ, кто умѣетъ объѣздить дикую лошадь и если она споткнется, на всемъ скаку прыгнуть съ нея и встать на ноги. Одинъ субъектъ держалъ пари, что онъ двадцать разъ повалить свою лошадь, на всемъ скаку прыгнетъ и встанетъ на ноги. Пари было выиграно.

Дарвинъ самъ видѣлъ, какъ одинъ гаучо

расправлялся съ чрезвычайно упрямой лошадыю. Три раза кряду она становилась на дыбы и опрокидывалась назадъ. Ыздокъ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, выбиралъ моментъ, когда нужно было соскочить и, дѣйствительно, соскакивалъ ни одной секундой ни раньше, ни позже, чѣмъ было нужно. Какъ только лошадь становилась на ноги, онъ уже сидѣлъ на ней.

«Однажды случилось мнѣ, пишетъ Дарвинъ, скакать съ хорошимъ Ыздокомъ въ галопъ. Глядя на его небрежную посадку, я думалъ: ну, прыгни теперь его лошадь въ сторону, и онъ непременно слетитъ. Какъ нарочно въ эту минуту, страусъ выскочилъ изъ гнѣзда подъ самыми ногами лошади. Молодой конь мгновенно бросился въ сторону, а всадникъ сидѣлъ на немъ какъ приклеенный».

Въ Чили и Перу гораздо болѣе чѣмъ въ Ла-Платѣ занимаются приученіемъ лошадей къ мундштуку. Лошадь считается не вполне выѣзженною, если ее нельзя остановить на всемъ скаку на любомъ мѣстѣ, напр. на плацѣ, брошенномъ для этого на землю. Если лошадь готовится перескочить черезъ барьеръ, то въ ту минуту, когда она поднимается на дыбы, ловкій всадникъ долженъ умѣть тотчасъ же ее осадить и заставить круто повернуться. Вотъ еще интересный маневръ: лошадь мчится во весь карьеръ и, вдругъ, по движенію большого и указательнаго пальца сѣдока, она останавливается и

начинаетъ кружиться вокругъ столба такъ близко, что всадникъ можетъ тронуть столбъ рукою. Еще движеніе пальцевъ и лошадь, сдѣлавъ полуоборотъ, начинаетъ кружиться въ противоположномъ направленіи, съ перваго взгляда подобныя упражненія могутъ показаться забавою, но въ дѣйствительности они необходимы, ихъ безпрестанно приходится примѣнять на практикѣ. Одинъ чиліецъ, ѣдучи верхомъ, встрѣтилъ двухъ всадниковъ и, взглянувъши, узналъ подъ однимъ изъ нихъ украденную у него лошадь. Завязался споръ и тотчасъ же, по тамошнему обычаю пошли ножи въ ходъ. Въ виду неравныхъ силъ, чиліецъ попробовалъ ускакать; но увидя, что всадники настигаютъ его, началъ кружиться около куста. Ловкимъ маневромъ метнувшись въ сторону, онъ оказался позади всадника, ѣхавшаго на украденной лошади. Улучивъ минуту, чиліецъ всадилъ вору ножъ въ спину, а товарища его ранилъ и, отнявъ у умирающаго лошадь, ускакалъ.

На здѣшнихъ ристалищахъ можно положительно залюбоваться дрессировкою лошадей и ихъ изумительною быстротою. Бѣговыя лошади не только должны останавливаться на извѣстной чертѣ, но и ноги становить такъ, чтобы быть готовыми, по первому же знаку, сдѣлать прыжокъ.

На обратномъ пути Дарвинъ узналъ, что неподалеку отъ дороги, на маленькой рѣчкѣ Сарандисъ, найдены огромныя кости. Съѣздивъ туда онъ нашелъ, дѣйствительно, голову ток-

содонта, которую и купилъ за бездѣлицу. Обиліе костей неизвѣстныхъ животныхъ огромныхъ размѣровъ навело туземцевъ на мысль, что вода нѣкоторыхъ рѣкъ имѣетъ свойство растить кости. Пытливость свойственна уму человѣческому и ею одарены даже дикари.

28-го ноября Дарвинъ вернулся въ Монтевидео послѣ двухнедѣльнаго отсутствія. Наблюдая, втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, характеръ мѣстныхъ жителей Дарвинъ пришелъ къ заключенію, что гаучосы стоятъ въ нравственномъ отношеніи гораздо выше горожанъ. Гаучось вѣжливъ, гостепріимень, услужливъ; но есть и обратная сторона медали; южная, пылая кровь подчасъ не въ мѣру бушуетъ, а потому ссоры и убійства здѣсь заурядная вещь. Много способствуетъ этому обычай постоянно носить при себѣ ножи; досадилъ чѣмъ нибудь товарищъ, вступила кровь въ голову обиженному, ну и пырнулъ обидчика, не долго думавши. Въ борьбѣ каждая сторона норовитъ изуродовать противнику лице; слѣды такихъ подвиговъ можно видѣть на каждомъ шагу. Ссоры чаще всего возникаютъ изъ за азартныхъ игръ въ кости и карты, до которыхъ страстные охотники гаучосы. А страсть къ картамъ развивается вслѣдствіе свойственной южанину лѣни. Праздниковъ здѣсь не перечестъ; кромѣ того существуетъ повѣрье, что всякое дѣло можно начинать лишь тогда, когда мѣсяцъ идетъ на прибыль.

Полиція и судъ далеко не безупречны.

Если бѣдный человѣкъ совершитъ убійство и попадется, его засадятъ въ тюрьму, а иногда даже разстрѣляютъ; богатому же все сходитъ съ рукъ безнаказанно. Въ средѣ гражданъ убійство вовсе не считается преступленіемъ, а скорѣе доказательствомъ удали и молодечества, и убійцу охотно укрываютъ. Такое потворство, понятно, способствуетъ развитію зла и единственное средство уберечь себя, это носить постоянно пистолеты.

Всѣ пороки гаучосовъ существуютъ и въ интеллигентномъ классѣ, только здѣсь они нѣсколько сглажены и не такъ бросаются въ глаза. За то интеллигенція богата такими пороками, о которыхъ дѣти природы не имѣютъ и понятія. Но человѣка, не знакомаго съ оборотной стороной медали, пріятно поражаетъ изысканная вѣжливость здѣшнихъ мужчинъ, въ особенности относительно дамъ; послѣднія кокетливы и обладаютъ изысканнымъ вкусомъ. Достаточныя выписываютъ туалеты изъ Парижа, прямо отъ Ворта, и умѣютъ приноровить ихъ къ личности, для которой они предназначены. Полутоны не во вкусъ здѣшнихъ дамъ; онѣ любятъ яркіе и свѣтлые цвѣта.

Философскимъ умомъ Уругвайскія дамы не обладаютъ, но онѣ веселы, остроумны и очень пріятны въ обществѣ.

Самая симпатичная черта здѣшняго общества, это сліяніе сословій: генераль, купецъ, чиновникъ — всѣ равны; всѣ ведутъ знакомство другъ съ другомъ. Тоже можно ска-

затѣ и относительно національностей. Такъ, впрочемъ, оно и должно быть въ странѣ новой, гдѣ интеллигенціи такъ мало.

6-го декабря Бигль отплылъ изъ Ла-Платы и направился къ берегамъ Патагоніи въ портъ Дезире.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ устьевъ Ла-Платы на корабль налетѣлъ несмѣтный рой бабочекъ. Даже съ помощью зрительной трубы нельзя было разглядѣть, гдѣ конецъ этому скопищу. Матросы говорили, что идетъ снѣгъ изъ бабочекъ и, дѣйствительно, такой характеръ имѣло это явленіе. Тутъ было много различныхъ видовъ, а также моли, перепончатокрылыхъ, и красивыхъ жуковъ.

Всѣмъ морякамъ извѣстны случаи, когда ураганъ заноситъ далеко въ море не только насѣкомыхъ, но и птицъ. Недавно въ Винеирадскомъ проливѣ кораблю во время шторма пришлось всю ночь бороться не только съ вѣтрами и волнами, гребни которыхъ поднимались до половины мачтъ, но и съ безчисленными стаями дикихъ утокъ, занесенныхъ шкваломъ въ проливъ. Несчастныя птицы очевидно не могли совладать съ напоромъ вѣтра; гнавшимъ ихъ отъ берега. Съ наступленіемъ вечера милліоны утокъ устремились на свѣтъ висѣвшаго на мачтѣ фонаря и налетѣли на палубу такою плотною массою и въ такомъ громадномъ количествѣ, что едва не потопили судно. Находившійся на кормѣ рулевой и два его помощника были опрокинуты живою стѣною и получили

тяжкія увѣчья. Болѣе 50-ти утокъ застряли въ снастяхъ.

Случай съ бабочками такъ и остался необъясненнымъ; погода во весь день была тихая, но къ вечеру, подулъ довольно сильный вѣтеръ и многія тысячи крылатыхъ красавицъ вѣроятно погибли, возвращаясь на берегъ.

Однажды въ сѣткѣ, заброшенной съ корабля для ловли морскихъ животныхъ попало много жуковъ. Были-ли они занесены теченіемъ, или пригнаны вѣтромъ — неизвѣстно, но соленая вода не сдѣлала имъ никакого вреда.

Въ другой разъ прилетѣлъ на палубу кузнечикъ, хотя ближайшій берегъ находился на разстояніи 370-ти миль.

Мухи, сопровождающія корабль изъ гавани иногда въ теченіи нѣсколькихъ дней, удаляясь отъ корабля, теряются, и погибаютъ.

Во время стоянки Бигля въ Ла-Платѣ, довольно далеко отъ берега, снасти часто бывали покрыты паутиной, и маленькихъ паучковъ темнокраснаго цвѣта было такъ много, что казалось ихъ нѣсколько тысячъ. Попавъ на корабль, паучки обнаруживали чрезвычайную дѣятельность; они бѣгали взадъ и впередъ, падали и опять взбирались по волокну, исходящему изъ ихъ тѣла; нѣкоторые приютились уже въ мѣстахъ соединений канатовъ и начинали работу. По водѣ они бѣгали очень свободно; можетъ

быть этимъ путемъ они и прибыли на корабль. Когда что-нибудь смущало паука, онъ поднималъ переднія ножки и останавливался словно прислушиваясь. Запасы паутины были у нихъ неистощими. Если вѣтеръ относилъ паука на довольно большое разстояніе, за нимъ тянулась и его нить.

Когда случался дождь, паучки прятались въ углахъ снастей. Потомъ они выползали и съ жадностью пили оставшіяся капли.

Люди, не бывшіе на морѣ и понятія не имѣютъ какой богатый матеріалъ для наблюдений представляютъ эти безбрежныя водныя пространства и какія очаровательныя сюрпризы онѣ готовятъ мореплавателямъ. Въ одну темную ночь, когда Бигль плылъ къ югу отъ Ла-Платы, экипажу его довелось любоваться прелестнымъ и оригинальнымъ зрѣлищемъ. Дулъ свѣжій вѣтерокъ и каждая волна, появлявшаяся днемъ съ пѣнистымъ гребнемъ на верху, теперь была увѣнчана блѣднымъ свѣтомъ. Передъ самымъ носомъ корабля вздымались двѣ волны, пронизанныя фосфорическимъ свѣтомъ, а за ними тянулся свѣтовой слѣдъ. Кругомъ, на сколько видѣлъ глазъ, свѣтился гребень каждой волны, а воздухъ, отражая этотъ блескъ, опоясывалъ горизонтъ словно серебрянымъ поясомъ, отдѣляя его отъ темнаго небеснаго свода.

Извѣстно, что море свѣтится отъ массы микроорганизмовъ, издающихъ фосфорическій свѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ малы,

что проходить сквозь тонкій газъ; другіе можно различить невооруженнымъ глазомъ. Вода, налитая въ стаканъ, свѣтится, нѣсколько секундъ и потомъ потухаетъ; но стоитъ встряхнуть стаканъ и вода — свѣтится вновь, изъ чего можно заключить, что организмы чувствительны къ раздраженію. Маленькій студенистый моллюскъ, вынутый изъ воды, скоро пересталъ свѣтиться, но когда его начали колоть иглой онъ засвѣтился вновь; и такъ повторялось нѣсколько разъ, пока онъ не умеръ. Медуза, опущенная въ стаканъ, свѣтилась всякій разъ когда ее раздражали; когда она умерла и потухла, стала свѣтиться вода, въ которую она была опущена. Нѣсколько разъ Дарвинъ замѣчалъ, что на значительной глубинѣ ярко свѣтились полосы и пятна, которые колышались, напоминая отраженіе мѣсяца въ водѣ. Корабль прошелъ надъ ними, не возмущивъ ихъ. Надо полагать, что это было ничто иное, какъ скопленіе свѣтящихся животныхъ въ одномъ мѣстѣ.

Такъ какъ свѣченіе моря замѣчается преимущественно въ теплыхъ странахъ, то очевидно, что присутствіе электричества въ атмосферѣ играетъ тутъ немаловажную роль.

23-го декабря Бигль пришелъ въ портъ Дезире и сталъ на якорь.

Патагонія, отъ Ріо-Негро и до Мигеллана пролива представляетъ нѣсколько плоскихъ терассъ, спускающихся отъ Кордильеръ къ Атлантическому океану, каменистыхъ и

бесплодныхъ, гдѣ трава и корявый низкій лѣсъ растутъ только по теченію рѣкъ. Существуетъ предположеніе, что внутри страны есть оазисы съ роскошною растительностью, но это ничѣмъ не доказано. Климатъ въ Патагоніи невозможный. Сухой и холодный вѣтеръ, срываясь съ Кордильеръ такъ выметаетъ эту каменистую степь, что на ней ничего нельзя ни посѣять, ни посадить. На берегу Магелланова пролива климатъ сырѣе и тамъ растетъ трава.

Что такое патагонцы? Много-ли ихъ? составляютъ-ли они одно племя или различныя народности блуждаютъ по здѣшнимъ пустынямъ подъ этимъ общимъ прозвищемъ? Объ этомъ до сихъ поръ ничего не извѣстно. Мы знаемъ только, что патагонцы раздѣлены на нѣсколько отдѣльныхъ общинъ и что эти общины постоянно враждуютъ между собою. Патагонцы рослы, мускулисты, отличные наѣзники и въ ловкости метанія шаровъ и лассо не уступятъ аргентинцамъ.

Чрезвычайно интересенъ тотъ фактъ, что у патагонцевъ существуетъ рабство. Рабами дѣлаются военнопленные, но рабовъ также покупаютъ. Главный матеріалъ доставляетъ Огненная Земля. Въ этой безотрадной странѣ людямъ такъ трудно прокормиться, что они охотно сбываютъ излишекъ своихъ дѣтей патагонцамъ, обмѣнивая ихъ на лошадей и на шкуры гуанако. Какъ ни возмутителенъ подобный фактъ, но безъ него было бы еще хуже; несчастныхъ ребятъ стали бы убивать

и съѣдать; такіе случаи, говорятъ, бывали *). Крупныхъ животныхъ въ Патагоніи мало. Самое замѣчательное изъ четвероногихъ это гуанако, или лама. Гуанако красивое животное съ длинной стройной шеей и тонкими ногами, живетъ небольшими стадами отъ 12 — 30 головъ; но на берегахъ Санта-Круцъ моряки видѣли стадо, состоявшее, по крайней мѣрѣ изъ 500 штукъ.

Гуанако очень пугливы и даютъ знать о своемъ присутствіи пронзительнымъ крикомъ, который служитъ сигналомъ къ тревогѣ. Вглядѣвшись туда, откуда послышался крикъ, охотникъ видитъ все стадо, вытянувшееся въ линію на какомъ нибудь холмѣ. Замѣтивъ приближеніе врага, передовое животное пускается на утекъ, и за нимъ все стадо. Не смотря на свою пугливость ламы чрезвычайно любопытны **) и это свойство губить ихъ также часто, какъ и ихъ врага человѣка. Если охотнику удастся подкрасться незамѣтно и вдругъ очутиться передъ стадомъ, животные останавливаются и пристально на него смотрятъ; потомъ, отбѣжавъ на нѣсколько шаговъ, останавливаются и опять смотрятъ. Если лечь на землю и дѣлать какія нибудь нео-

*) Лонгъ, Ю. Америка.

**) Любопытство свойственно многимъ животнымъ какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ. Стверный медвѣдь, никогда не видавшій человѣка, приходитъ къ вымошкамъ промышленниковъ и прогнанный, преслѣдуемый выстрѣлами, по нѣскольکو разъ останавливается, садится и смотритъ. Пищука, изъ пороамъ сурковъ встрѣчающаяся въ средне-азиатскихъ степяхъ, заслышавъ шагъ верблюда, или лошади, вылезаетъ изъ своей норки и приподнявшись на заднихъ лапкахъ разсматриваетъ приближающихся.

Охота папуасов. съ. п'аней из гуаго.

быкновенныя тѣлодвиженія, напримѣръ, вскидывать ногами, то гуанако потихоньку подходитъ, стараясь разсмотрѣть, что тутъ творится. Охотники часто примѣняютъ эту хитрость, чтобъ подманить животное. Неожиданно увидавъ врага, гуанако преуморительно начинаетъ фыркать, ржать, визжать и становиться на дыбы. Индѣйцы дѣлаютъ на гуанако облавы. Увидавъ всадниковъ, приближающихся съ разныхъ сторонъ, животные теряются, сбиваются въ кучу и охотники безъ труда овладѣваютъ ими. Гуанако хорошо плаваютъ, любятъ воду и съ удовольствіемъ пьютъ изъ солончаковъ и даже морскую воду. Нрава они далеко не кроткаго и охотники часто видали ихъ въ дракѣ. Гуанако легко приручаются и живутъ около человѣка безъ всякаго надзора. Но и тутъ сказывается ихъ строптивый нравъ. Если ихъ раздражить, они бросаются на своего врага сзади, вскидываютъ переднія ноги ему на плечи и начинаютъ бить копытами очень больно.

У этихъ животныхъ есть странная привычка совершать отправления своего организма всегда на одномъ мѣстѣ. Эта привычка очень полезна для странствующихъ по безлѣсной пампѣ. Она доставляетъ цѣнный аргалъ (пометъ), который замѣняетъ топливо. Гуанако, повидимому, и умирать собираются вмѣстѣ. Въ кустарникахъ на берегахъ рѣкъ, Дарвинъ часто находилъ скопища костей этихъ животныхъ. Тоже встрѣчали и другіе путешественники. Не этимъ ли объясняются

скопища костей допотопныхъ животныхъ. Повидимому и звѣри придерживаются пословицы, что на людяхъ и смерть красна.

Кромѣ гуанако, въ Патагоніи водится еще пума, лютый врагъ хорошенькой ламы. Еще водится небольшая красивая лисица и масса грызуновъ, въ особенности мышей; послѣднія ютятся въ заросляхъ кустарника. Пойманныя въ мышеловку эти хорошенькія мышки съ нѣжною шерстью и тонкими ушами выказали кровожадные инстинкты: онѣ пожирали другъ друга.

9-го января Бигль бросилъ якорь въ портѣ Св. Юліана, въ 110 миляхъ къ югу отъ порта Дезире. Мѣстность здѣсь оказалась такою же безотрадною какъ и тамъ. Нѣсколько офицеровъ, капитанъ и Дарвинъ сдѣлали маленькую экскурсію внутрь страны и, втеченіи одиннадцати часовъ, не могли напасть на прѣсную воду. Съ вершины холма открылось ихъ взору большое озеро. Узнавъ на опытъ, что равнины Южной Америки изобилуютъ солеными озерами, они не спѣшили радоваться находкѣ и хорошо сдѣлали. Подѣхавъ ближе, они увидали, что чудное озеро ничто иное, какъ окристаллизованный солончакъ. Изнуренные туристы могли-бы упасть духомъ, еслибы съ ними не было ученаго. Появленіе нѣкоторыхъ насѣкомыхъ дало знать Дарвину, что вода близко. Пустились на поиски и дѣйствительно нашли ручеекъ съ порядочной водой. Такимъ образомъ доказано было еще разъ, что наука великая сила.

Глава IX.

Санта-Круцъ, Патагонія и Фалкландскіе острова.

Впрѣля 18-го Бигль вошелъ въ устье рѣки Санта-Круцъ, къ югу отъ Св. Юліана. Для изслѣдованія рѣки, въ то время мало извѣстной, капитанъ Фицъ-Рой снарядилъ экспедицію въ три китоловныхъ лодки при 25 человѣкахъ экипажа; провизіи взяли на три недѣли.

При сильномъ приливѣ и хорошей погодѣ, экспедиція сдѣлала въ первый же день порядочный рейсъ, вскорѣ добыла хорошей воды и къ ночи находилась уже внѣ пролива и отлива.

Отсюда, до крайняго пункта, достигнутаго путешественниками, рѣка мало измѣняется. Ширина ея болѣе версты, глубина—около 17 футовъ, при крайне быстромъ теченіи. Вода въ рѣкѣ цвѣта опала и не про-

зрачна. Русло, берега и окрестная мѣстность покрыты валунами.

При такомъ сильномъ теченіи невозможно было плыть на веслахъ и лодки потянули бичевою. Для облегченія работы, люди были раздѣлены на группы; послѣ заката солнца всѣ останавливались на ночлегъ. Разбивались палатки, экономя вылавлять припасы и каждый изъ матросовъ, по очереди, вступать въ обязанности повара. При такомъ порядкѣ и приютъ, и пища поспѣвали живо. На ночь при лодкахъ состояли караулы.

На слѣдующій день, проѣхавъ миль 15, экспедиція замѣтила вдаль густой дымъ и на берегу скелеты, лошади—явные признаки присутствія индѣйцевъ. Далѣе моряки, увидѣли слѣды лошадей и отверстія, въ которыя воткнуты были чужо. Еще далѣе, у берега, появилось множество слѣдовъ лошадей, людей и дѣтей. Видно было, что большая партія индѣйцевъ переправилась черезъ рѣку.

Характеръ страны почти не измѣнился. Каменистая равнина, покрытая грубою травою и кой-гдѣ зарослями кустарника, то повышалась, то понижалась. Въ одномъ мѣстѣ ясно обозначилось базальтовое основаніе, въ которомъ рѣка прорыла себѣ путь. Русло, загроможденное обломками, представляло большія затрудненія для плаванія.

Базальтъ образовался изъ лавы, вылившейся въ море, и долина, разстилавшаяся передъ путешественниками была, вѣроятно, морскимъ заливомъ или проливомъ. Изслѣ-

дуя базальтовія наслоенія въ различныхъ мѣстахъ Южной Америки, Дарвинъ приходитъ къ заключенію, что эта страна была прежде изрѣзана заливами и проливами и, весьма вѣроятно, что не одинъ Магеллановъ проливъ соединялъ Атлантическій океанъ съ Тихимъ.

Базальтовая толща, изрѣзанная ущельями, представляла пріятное разнообразіе въ крайне монотонномъ путешествіи. Между обломками утесовъ Дарвинъ нашелъ нѣсколько незнакомыхъ ему растений, сѣмена которыхъ занесены были вѣроятно вѣтромъ съ Огненной Земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣтились ключи, большая рѣдкость въ Патагоніи. Ихъ можно было различить издали по рѣзкимъ полосамъ ярко-зеленой травы.

27-го апрѣля на долю Дарвина достался трофей: онъ застрѣлилъ кондора. Въ немъ было, при растянутыхъ крыльяхъ 8 $\frac{1}{2}$ ф. ширины и 4 ф. длины. Рядъ утесовъ близъ устья Санта-Круза часто посѣщается кондорами, особенно тѣ мѣста, гдѣ есть пропасти. Изъ этого можно заключить, что дикая природа во вкусѣ этихъ птицъ. Въ Чили, онѣ какъ будто мѣняютъ характеръ и гнѣздятся на утесахъ только во время вывода птенцовъ. Остальное же время года пребываютъ на низинахъ, прилегающихъ къ Тихому океану.

Туземцы увѣряютъ, что кондоръ не вьетъ гнѣзда, а его самка кладетъ два яйца на голый утесъ и сидитъ на нихъ. Молодой

кондоръ иѣмый годъ не умѣетъ летать. Эти птицы, хотя и живутъ парами, но составляютъ общества и собираются всегда на опредѣленномъ мѣстѣ, о чемъ свидѣлствуютъ массы гуано, скопляющагося на этихъ мѣстахъ. Главную пищу кондора составляютъ гуанако, умершіе естественною смертію, или убитые пумою. Кромѣ падали, кондоры часто нападаютъ на молодыхъ козъ и ягнятъ. Пастушечьи собаки такъ приучены, что когда кондоръ появляется въ воздухѣ, онѣ смотрятъ вверхъ и лаютъ. Чилийцы уничтожаютъ этихъ птицъ двумя способами: на ровномъ мѣстѣ дѣлаютъ загородку и въ центрѣ кладутъ падаль. Кондоръ, прежде чѣмъ взлетѣть, долженъ разбѣжаться; въ загородкѣ ему мѣста мало; онъ теряется и попадаетъ въ руки охотника. Ловятъ ихъ также сѣтями на деревѣ, куда они забираются на ночлегъ, по нѣскольку вмѣстѣ или арканами. Сонъ кондоровъ такъ крѣпокъ, что застать ихъ врасплохъ совсѣмъ не трудно.

Туземцы увѣряютъ, что кондоръ можетъ прожить безъ пищи до шести недѣль. Дарвинъ самъ видѣлъ, какъ въ одномъ саду, въ Чили, гдѣ содержалось кондоровъ штукъ 30, ихъ кормили всего разъ въ недѣлю и здоровье птицъ нисколько отъ этого не страдало.

Способность парить высоко въ воздухѣ при остромъ зрѣніи позволяетъ кондору издали высматривать добычу. Отсюда сложилось мнѣніе, что кондоры обладаютъ тонкимъ чутьемъ и слетаются къ дому гдѣ есть

Охота на «ондиро» из Чили

Great the numbers of dead
birds as everywhere in spring

покойникъ. Дарвинъ оспариваетъ это мнѣніе. Однажды онъ сдѣлать такой опытъ: кусокъ мяса, завернутый въ салфетку положить въ загородку, а поверхъ него набросать куски мяса незавернутаго. Налетѣли кондоры и сожрали все набросанное мясо, не прикоснувшись къ тому, которое было завернуто. Будь здѣсь собака, она не позволила бы обмануть себя такимъ образомъ. Полетъ кондора очень красивъ; онъ плыветъ въ воздухѣ, то поднимаясь спиральными кругами, то опускаясь по діагонали, то поднимаясь вновь. Въ такомъ положеніи онъ можетъ находиться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и не чувствовать утомленія. Опускаясь, птица поворачивается немного бокомъ, крыломъ разбѣгая воздухъ. Голова и шея ея находятся постоянно въ волнообразномъ движеніи; ими то она и даетъ, вѣроятно, направление полету.

Экспедиція подвигалась впередъ очень медленно. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше суживалась рѣка и русло ея загромождалось огромными обломками утесовъ; предвидѣлась минута, когда плаваніе сдѣлается совершенно невозможнымъ. Вскорѣ на горизонтѣ, сквозь темныя облака выглянули бѣлыя вершины; это были далекія Кордильеры.

Въ послѣдніе два дня, при остановкахъ, путники видѣли лошадиныя слѣды и находили разные остатки, въ видѣ лоскутьевъ и страусовыхъ перьевъ; было ясно, что тутъ проходили индѣйцы. Но мирные или враж-

дебные то были индѣйцы, никто не могъ сказать. Всячески, это были бродячіе отряды, такъ какъ начиная отъ того мѣста, гдѣ найдены были слѣды индѣйцевъ, переправлявшихся черезъ рѣку и до сихъ поръ—никакихъ поселеній не замѣчалось. Туземцы предполагали, что индѣйцы приходили сюда охотиться за гуанако, которыхъ было множество, но впоследствии выяснилось, что въ каменистыхъ равнинахъ индѣйцы охотятся рѣдко, такъ какъ ихъ неподкованныя лошади легко могутъ повредить себѣ ноги.

4-го мая капитанъ Фицъ-Рой рѣшилъ не идти далѣе. Провизія подходила къ концу и экипажъ получалъ половинныя порціи. Приходилось вернуться не достигнувъ Кордильеръ и ограничиться представленіемъ ихъ красоть только въ воображеніи.

Обратный путь внизъ по теченію совершенъ былъ въ три дня. Экспедиція, длившаяся 21 день, удовлетворила одного Дарвина, давъ ему возможность сдѣлать нѣсколько интересныхъ наблюденій по геологii. Его спутники чувствовали только утомленіе. Отплывъ отъ береговъ Патагоніи, Бигль направился къ югу и 16-го числа сталъ на якорь у одного изъ Фалкландскихъ острововъ, лежащихъ въ одной широтѣ съ Магеллановымъ проливомъ. Эти жалкіе пустынные острова долго были предметомъ споровъ между тремя державами Франціей, Испаніей и Англіей. Англія наконецъ овладѣла архипелагомъ, и британскій офицеръ, оставшійся

охранять флагъ, былъ убитъ. Дарвинъ нашелъ тутъ другого офицера, живущаго среди отребья рода человѣческаго, состоявшаго изъ воровъ и убійцъ.

Позднѣе островъ заселился колонистами, преимущественно англичанами, которые со свойственной имъ настойчивостью сѣумѣли и здѣсь приноровиться къ обстоятельствамъ.

Климатъ острововъ убійственный: почти непрерывный вѣтеръ и дождь. Здѣсь не можетъ воздѣлываться ни одинъ сортъ хлѣба и не растутъ деревья. Для послѣднихъ, кромѣ климата служить еще препятствіемъ слишкомъ тонкій слой почвы, не позволяющій углубиться корнямъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Дарвинъ воспользовался остановкою, чтобъ съѣздить внутрь страны. Взявъ двухъ гаучосовъ при шести лошадяхъ, онъ рано утромъ двинулся въ путь. Погода была довольно бурная и холодная; временами шелъ градъ. Долго ѣхали путники по скучной мѣстности, не встрѣчая ничего интереснаго. Только изрѣдка, въ видѣ разнообразія попался бекасъ, или виднѣлось на болотѣ стадо гусей. Вдругъ гаучосы, вѣхавши на возвышенность, зычно крикнули и понеслись. Они увидали дикое стадо рогатаго скота. Началась характерная охота, доставившая Дарвину много удовольствія. Одинъ изъ гаучосовъ, по имени Яго, намѣтивъ жирную корову, бросилъ ей въ ноги шары, но не попалъ. Тогда кинувши шапку на то мѣсто, гдѣ лежали шары, чтобы потомъ отыскать

ихъ, онъ понесся далѣе, на скаку отстегивая лассо. Послѣ довольно продолжительнаго преслѣдованія, Яго, наконецъ догналъ корову и накинулъ лассо ей на рога. Ему хотѣлось вывести ее на ровное мѣсто и тамъ убить. Но животное не давалось; оно тянуло назадъ или вдругъ, неожиданно, бросалось на своего врага, стараясь боднуть, но Яго съ удивительной ловкостью отскакивалъ въ сторону. Лошадь Дарвина, глядя на эту сцену, сильно начала волноваться. Ей тоже хотѣлось принять участіе въ охотѣ. Въ то время, когда корова упиралась, она налетала на нее, и наносила ударъ грудью сзади, или сбоку; всѣ усилія Дарвина удержать ее были безуспѣшны. Яго между тѣмъ продолжалъ нападать. Уловивъ минуту, онъ слѣзая крутой поворотъ и заставилъ лошадь дикнуть корову. Ударъ былъ такъ удаченъ, что животное упало съ перебитой ногой. Соскочивъ съ коня, Яго вонзилъ коровѣ ножъ въ шею и она издохла.

Вся эта травля также какъ и гибель несчастнаго животного устроена была изъ за куска мяса, которое гаучо вырѣзали изъ задней части вмѣстѣ съ кожей. Вечеромъ, на привалѣ, это мясо было изжарено по Аргентинскому способу въ шкурѣ и путешественникъ могъ полакомиться жаркимъ, которое ему такъ нравилось. Такъ какъ коровы болѣе кротки, то онѣ и истребляются въ большемъ количествѣ. Множество быковъ бродитъ по острову и встрѣча съ ними не бе-

Олота на диком берегу.

зопасна. Завидѣвъ всадника быки отбѣгають въ сторону потомъ, наклонивъ голову, стремительно бросаются, на лошадь, бодають ее и лошадь падаетъ съ распоротымъ брюхомъ.

Вскорѣ послѣ побѣды надъ коровою, Дарвину и его спутникамъ пришлось помѣряться съ быкомъ. Старый быкъ перешелъ черезъ болотистый ручей и, увидавъ всадниковъ, остановился. Попробовали отогнать его, но безуспѣшно. Быкъ стоялъ въ позѣ, ясно выражавшей его враждебныя намѣренія. Надо было предупредить нападеніе. Взявизгнуло лассо и обвилось быку вокругъ роговъ въ ту самую минуту, когда онъ собирался боднуть. Испуганный быкъ вскинулъ задними ногами и угодилъ прямо въ петлю, которую ловко накинулъ ему на ноги другой гаучо.

Дарвинъ слышалъ о большихъ табунахъ дикихъ лошадей, но ему удалось встрѣтить только одинъ. Эти животныя, также какъ и рогатый скотъ были завезены сюда французами въ 1764 г. Когда нѣкоторыя колоніи, въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ распались, оставшійся скотъ одичалъ и размножился. Замѣчательно, что лошади никогда не оставляли восточной части острова хотя для перехода ихъ въ другія мѣста не существовало никакихъ естественныхъ преградъ. Гаучосы утверждаютъ, что лошади имѣютъ свойство сильно привязываться къ мѣстности, въ которой долго жили.

Замѣтно, однакоже, что восточная часть

острова неблагоприятна для ихъ развитія. Онѣ измельчали и выродились; рогатый же скотъ, напротивъ улучшился. Здѣсь нерѣдко находятъ трупы лошадей и въ особенности жеребятъ тогда какъ относительно рогатаго скота ничего подобнаго не встрѣчается.

Замѣчено, что дикія коровы очень мало разнятся другъ отъ друга по формѣ тѣла и роговъ, но очень много по масти. Почти въ каждой мѣстности преобладаетъ особая масть. Напримѣръ, въ окрестностяхъ горы Осборнъ на высотѣ 1500 ф. большинство стада мышиннаго цвѣта; близъ порта Плезентъ господствуетъ масть темнобурая, тогда какъ къ югу отъ пролива Шуазель всего чаще встрѣчается скотъ бѣлый съ черными головами и ногами. Самъ ли скотъ вслѣдствіе естественнаго подбора обособился, или составляетъ потомство определенныхъ породъ неизвѣстно.

Въ познѣйшее время на Фалькландскихъ островахъ сильно развилось овцеводство, дающее большой доходъ скотоводамъ. Эта отрасль промышленности возникла совершенно случайно. Одинъ англичанинъ — эмигрантъ потерпѣлъ крушеніе у Фалькландскихъ острововъ. На одномъ съ нимъ суднѣ плыли овцы и нѣкоторымъ изъ нихъ удалось спастись. Отыскивая средства къ существованію, англичанинъ позабылъ объ овцахъ, являясь увѣренный, что онѣ издохли отъ голода. Каково же было его удивленіе, когда нѣсколько времени спустя онъ

наткнулся на нихъ и нашелъ ихъ сильно разжирѣвшими. Этотъ случай далъ толчокъ его предприимчивости; онъ занялся овцеводствомъ и теперь владѣеть милліонами.

Острова изобилуютъ растеніемъ дающимъ питательный кормъ скоту; оно называется туссокъ (*Dactilio caespitosa*). Это родъ кустарника, который растетъ на торфѣ, на пескѣ, на безплодныхъ и каменистыхъ мѣстахъ. Животныя его страшно любятъ и ѣдятъ не только листъ но и кору. Теперь стали разводить туссокъ искусственно, также какъ и другое питательное растеніе «graminae».

Изъ хищныхъ животныхъ здѣсь водится большая волкообразная лисица, свойственная только этому архипелагу. Она на столько похожа на волка, что неопытные люди спасаются отъ нея. Въ дѣйствительности же это животное имѣетъ всѣ свойства лисицы, кромѣ ея смѣливости. Гаучосы бьютъ этихъ лисицъ по вечерамъ, держа въ одной рукѣ кусокъ мяса, въ другой ножъ. Волкообразная лисица замѣтно уменьшается въ числѣ и съ развитіемъ колонизаціи, вѣроятно, совсѣмъ исчезнетъ. Есть еще кроликъ, который тоже вывезенъ изъ Европы. Онъ также какъ и лопаль дальше извѣстнаго предѣла не распространился.

Ночью 17-го числа шелъ дождь съ градомъ, а путешественникамъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ. Степь была голая, безъ малѣйшаго признака дерева

или кустарника для разведенія костра. Но гаучосы и тутъ выручили: они нашли кости молодого бычка, обглоданнаго кондоромъ и устроили отличный костеръ. Они рассказывали, что имъ нерѣдко приходится жарить убитое животное на его же собственныхъ костяхъ.

На слѣдующій день дождь лилъ безъ перерыва; на ночлегъ нельзя было найти ни одного сухого мѣстечка. По счастью тутъ росъ ползучій кустарникъ вродѣ вереска, который имѣетъ свойство горѣть даже въ свѣжемъ состояніи. Это такъ называемый «balsam—plant». Растетъ онъ кустомъ и всѣ его стебли тѣсно сплочены, такъ что представляютъ собою одно цѣлое. Сплочиваетъ ихъ смола, которою изобилуетъ этотъ кустарникъ. Запахъ смолы напоминаетъ запахъ ладана. Этотъ кустарникъ служить единственнымъ топливомъ для домовъ фалькландскихъ жителей, но горитъ онъ очень хорошо и даетъ довольно угля. Приятно было смотрѣть на гаучосовъ, которые, не взирая на дождь и сырость, скорехонько развели огонь. Подъ травой и кустами они отыскивали нѣсколько тонкихъ вѣтокъ и раскрошивъ ихъ мелко, обложили ими болѣе толстыя вѣтви и устроили нѣчто, вродѣ гнѣзда. Въ средину всунули тряпку съ огнемъ и все это прикрыли. Обращенное къ вѣтру гнѣздо скоро начало дымиться и наконецъ, запылало.

На привалахъ у костра Дарвинъ бесѣдо-

вать съ гаучосами и знакомился черезъ нихъ съ бытовыми условіями страны. Къ сожалѣнію, добытыя свѣдѣнія были крайне односторонни. Гаучосы, какъ вообще неразвитые люди, были не наблюдательны и многое пропускали безъ вниманія. Ихъ интересовала только охота и по этому отдѣлу ихъ рассказы были неисчерпаемы. Въ погонѣ за звѣремъ, они иногда увлекались до такой степени, что загнавъ животное въ болото и сами въ него попадали. Что было дѣлать въ такихъ случаяхъ? Поворачивать назадъ было настолько же опасно, какъ двигаться впередъ. Оставалось мчаться во весь опоръ, что дѣлають ѣздоки, попадая на тонкій ледъ. При малѣйшемъ замедленіи лошадь могла провалиться и тогда всадника ожидала неминуемая гибель.

На дикаго скота туземцы охотятся обыкновенно партіями. Каждый участникъ имѣетъ при себѣ нѣсколько паръ шаровъ. Подкравшись къ стаду, охотники бросаютъ шары спутавъ нѣсколько животныхъ, оставляютъ ихъ такъ на нѣсколько дней, чтобы они истощились. Тогда подгоняютъ къ этому мѣсту домашній скотъ и поймавъ спутанныхъ, угоняютъ ихъ вмѣстѣ съ своимъ стадомъ домой. Животныя осматриваются, обнюхиваются и по немногу приручаются.

Интересные разговоры съ гаучосами не скрашивали отвратительной погоды, не подававшей никакой надежды на улучшеніе. Отъ непрерывнаго дождя слѣдалось такъ

грязно, что лошади безпрестанно спотыкались и падали. Такъ какъ впереди не предстояло ничего интереснаго то Дарвинъ повернулъ обратно.

Время оставшееся до отплытія было посвящено изученію нравовъ тѣхъ немногихъ водяныхъ птицъ, которыя водились въ этихъ мѣстахъ. Пингвины, эти полу-птицы, полурыбы водились здѣсь въ изобиліи. Много было баклановъ, которые, какъ извѣстно, искусные рыболовы. Бакланъ долго можетъ оставаться подъ водой и вынырнуть не иначе какъ съ добычей. Интересно было видѣть какъ бакланъ игралъ съ пойманной рыбой. Восемь разъ кряду онъ опускалъ свою добычу, снова нырялъ за ней, вытаскивая ее каждый разъ на поверхность, пока не рѣшился, наконецъ, прикончить ее.

Однажды Дарвину вздумалось позабавиться съ пингвиномъ, отрѣзавъ ему путь къ морю. Храбрая птица, чтобъ добраться до моря, дала своему врагу генеральное сраженіе. Она отстаивала каждый завоеванный дюймъ, и никакіе тяжелые удары не могли сдвинуть ее съ мѣста. Наконецъ врагъ, въ образѣ челоуѣка, потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ отступить.

Крылья пингвина очень коротки и при нырніи онъ дѣйствуетъ ими какъ плавниками. На землѣ птица обыкновенно сидитъ на своихъ короткихъ ногахъ, а когда вздумаетъ бѣжать то волочить крылышками по землѣ такъ что издали кажется, будто бѣ-

жить четвероногое. Самка высиживаетъ только по одному птенцу, помѣщая яйцо у нижней оконечности живота. Перемѣняя мѣсто, она, прискакивая, перетаскиваетъ яйцо съ собою, придерживая его лапами.

Крикъ пингвина напоминаетъ ревъ осла и очень неприятенъ. Во время крика птица закидываетъ голову совсѣмъ на спину. Любопытно смотрѣть, когда пингвинъ на морѣ ловить рыбу. Онъ съ такою быстротою ныряетъ и снова всплываетъ для передышки, что непривычному глазу кажется, будто играетъ рыба.

Мѣстный гусь, такъ называемый, каменный, не перелетная птица. Онъ постоянный туземный житель и имѣетъ ту особенность, что днемъ онъ почти ручной, ночью—свирѣпъ и дикъ. Положимъ, что онъ дѣлается такимъ изъ опасенія лисицъ, почему и гнѣзда свои вѣсть преимущественно на пустынныхъ островахъ.

Есть еще забавная утка, по прозванію, паруходъ. Она то и дѣло плещется въ водѣ, производя брызги на подобіе паруходныхъ колесъ; то подыметъ крылья, то опуститъ ихъ, то хлопаетъ ими по водѣ, и не смотря на эти безпокойныя движенія двигается очень быстро.

Въ глубокихъ и уединенныхъ рѣчкахъ Огненной Земли водится бѣлосиѣжный гусакъ, всегда въ сопровожденіи своей болѣе темной подружки. Иногда онъ появляется съ нею на какой нибудь отдаленной утесистой

вершинѣ и стоитъ неподвижно, словно каменное изваяніе.

Изъ своихъ изслѣдованій Дарвинъ сдѣлалъ слѣдующій выводъ: въ Южной Америкѣ существуетъ три рода птицъ, употребляющихъ свои крылья не для летанія: пингвину замѣняютъ они плавники, пароходу — весла, а страусъ дѣйствуетъ ими какъ парусами. Пароходъ способенъ нырять только на незначительную глубину. Онъ питается одними раковинами, доставая ихъ съ морскихъ водорослей и съ береговыхъ утесовъ, послѣ прилива. Поэтому клювъ, которымъ онъ разбиваетъ свою добычу, необычайно крѣпокъ. Также крѣпка и голова; геологическій молотокъ Дарвина съ трудомъ могъ разбить черепъ убитой птицы.

На Огненной Землѣ и на Фалклендскихъ островахъ Дарвинъ дѣлалъ много наблюденій надъ низшими морскими животными и нашелъ, что они не представляютъ особаго интереса. Только нѣкоторые зоофиты по сложности организаціи заслуживаютъ вниманія. Они снабжены странными подвижными органами, похожими на птичьи головки съ челюстями, свободно открывающимися. Трогнутая иголкой челюсть схватывала иголку такъ крѣпко, что при выдергиваніи ея все растеніе приходило въ сотрясеніе. Не всѣ головки обладали одинаковою подвижностью. У другаго изъ зоофитовъ головка была неподвижна, но нижняя челюсть чувствительна. У одного — головка замѣнялась

красной треугольной шапочкой съ красиво приложенной опускающей дверцей, очевидно закрывающей нижнюю челюсть. У большей части видовъ каждая клѣточка была снабжена одной головкой; у немногихъ — двумя. Когда отрѣзывали головку нижняя челюсть сохраняла способность раскрываться и закрываться.

Молодые клѣточки зоофита заключали еще неразвитыхъ полиповъ. Когда ихъ вытаскивали иглой, остальные части организма нисколько отъ этого не страдали.

У одного красиваго маленькаго полипчика, Криціи, каждая клѣточка снабжена была длинной щетиной, способной быстро двигаться. Каждая изъ этихъ щетинъ также какъ головастые придатки, двигалась совершенно независимо отъ другихъ. Иногда щетины качались одновременно по обѣимъ сторонамъ вѣтви; иногда только съ одной стороны, или послѣдовательно одна за другою. Всѣ эти явленія наводятъ на мысль, что въ зоофитахъ совершается такая же передача воли, какъ и въ крупныхъ организмахъ. «Морское перо» въ Багіо Бланка одарено способностью зарываться въ песокъ, когда до него дотронутся.

Если держать въ темнотѣ зоофита и разминать въ рукѣ какую нибудь его часть, тотчасъ появляется яркій зеленый фосфорическій свѣтъ, который волнообразно поднимается вверхъ по растенію и, охвативъ его точно пламенемъ, угасаетъ. Подобный опытъ съ пучкомъ зоофитовъ производитъ очаровательный эффектъ.

ГЛАВА X.

Огненная Земля.

Въ Фалкландскихъ острововъ до Магелланова пролива считается 400 морскихъ миль, и переходъ этотъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ. Вѣтры дуютъ почти всегда съ запада на востокъ, и море такъ бурно, что парусному судну легче приплыть изъ Европы къ Фалкландскимъ островамъ, чѣмъ отъ нихъ до Огненной Земли.

17-го Декабря Бигль обогнулъ мысъ Санъ-Діега и вошелъ въ проливъ. Въ полдень онъ бросилъ якорь въ бухтѣ Успѣха. Группа туземцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Пешересовъ или Фуэджи, сидѣла на высокой скалѣ, нависшей надъ моремъ. Увидавъ судно, дикари вскочили и съ зычными криками начали махать своимъ рубищемъ. Съ наступленіемъ

сумерекъ на возвышенностяхъ появились огни, и снова слышались крики. Бухта Успѣха окаймлена низкими круглыми горами, покрытыми сплошь до воды густымъ лѣсомъ. Достаточно одного взгляда на окрестность, чтобъ замѣтить насколько здѣшняя мѣстность разнится отъ только что покинутой. Огненная Земля представляется воображенію гористою страной, осыпанною въ море. Глубокіе заливы и проливы занимаютъ здѣсь мѣсто долинъ. Ровнаго пространства почти не существуетъ: горы и вода, вода и горы, снизу доверху покрыты дремучимъ лѣсомъ. Вслѣдствіе постоянной сырости и отсутствія свѣта, на горахъ, въ лѣсу, образовались торфяныя болота. Вершины самыхъ высокихъ горъ покрыты снѣгомъ.

Въ первый вечеръ никто не покидалъ судна. Вѣтеръ дулъ отъ берега и нагонялъ шквалы. Но бухта Успѣха была хорошо защищена и заслуживала своего названія. Утромъ капитанъ отрядилъ партію для переговоровъ съ дикарями.

Когда катеръ причалилъ къ берегу, одинъ изъ дикарей выступилъ впередъ и быстрыми тѣлодвиженіями приглашалъ, казалось, прѣзжихъ выйти на берегъ. Поодаль стояло еще нѣсколько туземцевъ, которые тоже жестикомъ кричали. Глядя на этихъ двуногихъ, Дарвину невольно пришло на мысль, что между дикарями и цивилизованнымъ человекомъ гораздо больше разницы чѣмъ между послѣднимъ и дрессированнымъ животнымъ, напр. собакой или лошадыю.

Выступавшій впередъ дикарь былъ старикъ и, вѣроятно, начальникъ. Его рослые здоровенные товарищи имѣли внушительный видъ; женщинъ и дѣтей не было видно; ихъ, вѣроятно, спрятали.

На плечахъ туземцевъ накинута была плащъ, сдѣланный изъ шкуры гуанако мѣхомъ вверхъ, но онъ едва прикрывалъ ихъ мѣдно-красное тѣло. На головѣ у старика была повязка изъ бѣлыхъ перьевъ, сдерживавшая его черные всклокоченные волосы. Поперегъ лица по верхней губѣ отъ уха до уха шла ярко красная полоса, а повыше ея — бѣлая. Надо полагать, что такія полосы составляли отличительный признакъ начальника, т. к. у остальныхъ поперечныя полосы были черныя. Всѣ же, вообще дикари, напоминали, по мнѣнію Дарвина, театральныхъ чертей изъ оперы Фрейшютцъ.

Когда пріѣзжіе высадились, туземцы нѣсколько отступили не то въ изумленіи, не то въ испугѣ. Но получивъ въ подарокъ яркіе бумажные платки, они ободрились и повязавъ ими шею, подошли къ пріѣзжимъ, знаками выражая свое дружелюбіе. Въ доказательство пріязни, старикъ далъ Дарвину здороваго тумака въ грудь и спину, выговаривая при этомъ какія-то слова, похожія на кудаханье насѣдки. Потомъ онъ обнажилъ свою грудь, и Дарвинъ понялъ, что долженъ отвѣтить такою же любезностью, что и исполнилъ къ величайшей радости старика. Послѣ этого дружескія отношенія восстано-

вились окончательно. Странное впечатлѣніе производилъ на слухъ языкъ этого народа. Въ немъ преобладали сильные гортанные и щелкающіе звуки, похожіе на то, какъ будто кто нибудь полоскалъ себѣ ротъ. Членораздѣльной рѣчи невозможно было уловить.

Если языкъ этихъ людей не выразителенъ, то за то выразительны ихъ жесты. Они отличные мимики. Чуть кто изъ пріѣзжихъ кашлялъ, зѣвалъ, или дѣлалъ какое нибудь движеніе, Пешересы тотчасъ ему подражали. Одинъ офицеръ началъ нарочно косить глазами, и ближайшій къ нему дикарь сдѣлалъ то же самое. Извѣстно, какъ трудно уловить звуки незнакомаго языка, а дикари вполне отчетливо повторяли каждое англійское слово, съ которымъ къ нимъ обращались, и даже нѣкоторое время помнили его. Способность подражанія у этихъ людей была чисто обезьянья. А можетъ, быть по ихъ этикету такое рабское подражаніе было признакомъ величайшей любезности?

Когда матросы затянули пѣсню, дикари выказали чрезвычайное изумленіе. Не менѣе поразила ихъ и пляска матросовъ. Одинъ матросикъ подхватилъ молодого туземца и началъ съ нимъ вальсировать. Тотъ казался очень довольнымъ и весьма недурно справлялся со своей задачей. Съ огнестрѣльнымъ оружіемъ туземцы были знакомы и очень его боялись. Ни одинъ не согласился взять ружья въ руки. Они просили ножей, изображая мимикой, будто держать во рту кусокъ мяса

и около губъ обрѣзають его;—(способъ бды одинаковый съ ихъ антиподами, азіатамъ-степняками). Иные знали испанское названіе ножей «cuchilla».

До сихъ поръ ничего не было говорено о Пешересахъ, привезенныхъ изъ Англіи обратно на родину кораблемъ Бигль. Когда въ 1826 г. капитанъ Фицъ-Рой посѣтилъ Огненную Землю, туземцы, державшіе себя очень дерзко, украли лодку, которая привезла топографовъ для съемки. Чтобъ наказать виновныхъ, капитанъ взялъ у нихъ двухъ заложниковъ и присоединивъ къ нимъ мальчика и дѣвочку, купленныхъ за перламутровую пуговицу, увезъ всѣхъ четверыхъ въ Англію. Теперь эти люди, получившіе въ Англіи религіозное воспитаніе, возвращались на родину, чтобы цивилизовать своихъ сородичей. При нихъ находился миссіонеръ. Одинъ изъ взрослыхъ Пешересовъ умеръ на кораблѣ и остались:—Йоркъ Минстеръ, рослый, полный, здоровый мужчина, Джемми Бэтунъ и Фуэгія Баскетъ, оба купленные за пуговицу. Всѣ эти дикари оказались славными малыми и очень способными людьми. Ихъ природныя свойства: смѣлость, горячность, искренность, способность къ сильной привязанности, смягченныя и уравновѣшенныя воспитаніемъ, дали прекрасные результаты. Пешересы сдѣлались всеобщими любимцами на кораблѣ. Особеннымъ расположеніемъ экипажа пользовался Джемми Бэтунъ, обходительный, веселый и впечат-

лительный юноша. Онъ искренно сочувствовалъ всякой чужой бѣдѣ и наивно высказывалъ свое соболѣзнованіе.

Когда во время бури Дарвинъ страдалъ морскою болѣзнію, Джемми ухаживалъ за нимъ, приговаривая: «бѣдный малый, охъ, бѣдный, бѣдный, малый», что не мѣшало ему, отвернувшись, посмѣиваться, т. к. гримасы и корчи страдальца съ мучительною, но не опасною морскою болѣзнію, смѣшны тому, кто не испытывалъ ся.

Джемми былъ большимъ патріотомъ, гордился природою своей родины и увѣрялъ, что у нихъ нѣтъ дьявола. О другихъ племенахъ онъ отзывался презрительно. При томъ Джемми былъ большой франтъ. Онъ постоянно носилъ перчатки, шеголевато подстригалъ волосы и любилъ смотрѣться въ зеркало. Одинъ веселый индѣйскій мальчикъ, взятый изъ Ріо-Негро, подмѣтилъ слабости Джемми и подтрунивалъ надъ нимъ. Но Джемми дѣлалъ презрительную гримасу и съ восклицаніемъ: «эхъ, ты, жаворонокъ!» поворачивалъ мальчику спину. Была еще и другая причина, почему Джемми не добливалъ маленькаго индѣйца; онъ ревновалъ его къ экипажу и съ явнымъ недоброжелательствомъ относился къ ласкамъ, которыми осыпали веселаго мальчишку.

Фуэгія Баскетъ была милая, скромная дѣвушка съ открытымъ выраженіемъ лица. Она обладала большою способностью къ языкамъ, отлично говорила по англійски и

во время короткаго пребыванія въ Рио-Жанейро и Монте Видео порядочно выучилась по испански, Ёркъ Минстеръ ухаживалъ за дѣвушкой и собирался жениться на ней.

По міровоззрѣнію, Пешересы были сущія дѣти и, какъ дѣти, оказывались неспособными критически относиться къ окружающему. Поэтому, не смотря на ихъ знаніе англійскаго языка, трудно было добиться отъ нихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ ихъ сородичей.

Всѣ Пешересы, въ томъ числѣ и дѣвушка, обладали такимъ острымъ зрѣніемъ, которому могъ бы позавидовать любой матросъ. Известно, что моряки, отъ долгаго упражненія, въ состояніи отличать отдаленные предметы, недоступные жителю твердой земли. Но Ёркъ и Джемми превосходили въ этомъ отношеніи всякаго матроса. Нѣсколько разъ указывали они на такіе отдаленные предметы, которые Европейцы могли видѣть только съ помощью подзорной трубы. Они хорошо сознавали свои преимущества и, когда Джемми былъ не въ ладу съ важнымъ офицеромъ, онъ говорилъ: «мой видитъ корабль, мой не скажетъ».

Интересно было видѣть, какъ туземцы приняли своихъ цивилизованныхъ собратьевъ. Увидавъ Джемми, они стали переговариваться между собою, указывая на него и на остальныхъ прибывшихъ, очевидно сравнивая ихъ. Старикъ старшина обратился къ Джемми съ рѣчью, но послѣдній стоялъ смущенный,

очевидно конфузясь своихъ соплеменниковъ. Появившійся Юркъ возбудилъ такое же удивленіе. Дикари указывали на его бородку, состоявшую изъ нѣсколькихъ волосковъ, и знаками выражали, что надо ихъ выдергать. Изъ этого уже было видно, что они признали Джемми и Юрка за своихъ. Растительность на бородѣ у себя Пешересы выщипываютъ, но борода Европейцевъ не возбуждаетъ ихъ негодованія. Они, вѣроятно, считаютъ ее неотъемлемой принадлежностью чужеземца. Двухъ безбородыхъ офицеровъ они сначала приняли за женщинъ.

Когда одинъ изъ офицеровъ оголилъ руку, дикари бросились ее разсматривать, пораженные ея бѣлизной. Подозвавъ самаго высокаго изъ туземцевъ, Фицъ-Рой заставилъ его помѣряться ростомъ съ самымъ высокимъ изъ всей команды. Надо было видѣть восторгъ дикаря, когда онъ оказался на полголовы выше. Онъ рисовался, принималъ различныя позы и при этомъ радостно гоготалъ и щелкалъ зубами. По всему видно было, что онъ считалъ себя первымъ красавцемъ Огненной Земли.

На слѣдующій день Дарвинъ попытался проникнуть внутрь страны и углубился въ лѣсъ. Почва была завалена массою гнѹющихъ деревьевъ, между которыми стояла вода. Ноги безпрестанно скользили и попадали въ болото. Убѣдившись, что этимъ путемъ пробраться невозможно, онъ пошелъ вдоль горнаго потока, но и тутъ оказалось не лучше.

Поваленныя деревья и частые водопады безпрестанно преграждали путь. Нѣсколько выше стремительность потока смыла и унесла навалившійся лѣсъ и путь сталъ свободнѣе. Судя по массѣ поваленныхъ деревьевъ и множества другихъ, которыя стояли высохшими и не падали только потому, что окрестные гиганты поддерживали ихъ, можно было заключить, что въ этой странѣ бури и ураганы—не рѣдкость. Еще выше, встрѣтилась рытвина, вѣроятно, русло сбѣжавшаго потока. По ней, какъ по нарочно проложенной дорогѣ, можно было удобно добраться до самого верха. Большинство деревьевъ въ лѣсу принадлежало къ семейству магноліевыхъ и буковъ, которые, въ этой мѣстности, круглый годъ не теряютъ листы.

На слѣдующій день Дарвинъ отправился на гору Бенкса, названную такъ въ память несчастной экспедиціи сэра Бенкса нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Экспедицію застигла снѣжная метель, бывшая причиною гибели двухъ человѣкъ.

Дарвину хотѣлось, во что бы то ни стало, добраться до вершины, лежащей на 1300 ф. надъ уровнемъ моря. Чѣмъ выше поднимался онъ, тѣмъ меньше и приземистѣе становились деревья. Величественные буки стали вдругъ карликовыми, словно кто нарочно подстригъ ихъ. Потомъ исчезли деревья, исчезли кустарники и пошло торфяное болото, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись полосы снѣга. Трудность подъема вполне вознаградилась

тѣмъ оригинальнымъ видомъ, который открылся съ вершины. Это былъ величественный и въ то же время мрачный пейзажъ. Безчисленные заливы, глубоко врѣзавшіеся внутрь, казались сверху темными корридорами, въ глубинѣ которыхъ воображенію рисовались разные ужасы. Капитанъ Фицъ-Рой не рассчитывалъ долго оставаться на восточномъ берегу. Онъ спѣшилъ доставить своихъ Пешересовъ къ ихъ сородичамъ на западный берегъ и заняться изслѣдованіемъ этого берега съ прилежащими къ нему островами.

21-го Декабря Бигль снялся съ якоря и на слѣдующій день при благопріятномъ вѣтрѣ прошелъ мимо мыса Обмана съ его каменистыми пиками и къ тремъ часамъ обогнулъ мысъ Горнъ. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ, экипажъ наслаждался видомъ окружающихъ острововъ. Но къ ночи мысъ Горнъ далъ о себѣ знать, нагнавъ порядочный шквалъ. По утру моряки могли съ корабельнаго носа созерцать окутанный туманами, страшный мысъ Горнъ, о который яро бились волны. Большія черныя тучи клубились по небу, и шквалы съ дождемъ и градомъ налетали съ такою силою, что капитанъ рѣшился войти въ бухту Вигвамъ, гдѣ и сталъ на якорь. Въ этомъ уютномъ мѣстечкѣ, бригъ былъ въ безопасности; только нерѣдко вздрагивалъ онъ отъ сильнаго порыва вѣтра, который посылалъ ему мысъ Горнъ, словно для того чтобы напомнить о себѣ.

Бухта Вигвамъ получила свое названіе отъ нѣсколькихъ шалашей туземцевъ, которые приходятъ сюда собирать ракушки. На мѣстахъ такихъ кочевокъ остаются цѣлыя груды раковинъ, на которыхъ потомъ вырастаютъ ярко зеленныя сочныя растенія.

По наружному виду Вигвамъ Пешересовъ напоминаетъ кошу сѣна по внутреннему — логовище звѣря. Хижины кочующихъ азіатскихъ племенъ или сибирскихъ инородцевъ — дворцы, въ сравненіи съ этими жалкими норами. Во время дождя и вѣтра ажурный шалашъ почти не защищаетъ его обитателей. Совсѣмъ нагіе, свернувшись какъ животныя, спятъ они на голой землѣ. Во время отлива, хотя бы это случилось ночью, дикари встаютъ и идутъ собирать раковины съ утесовъ. Иные ныряютъ, другіе сидятъ въ лодкахъ и удятъ рыбу волосяными петлями, безъ крючка. Женщины работаютъ наравнѣ съ мужчинами. Если убить тюлень или найденъ гниющій трупъ кита, то это праздникъ для всей компаніи.

О происхожденіи Пешересовъ достоверно ничего не извѣстно. Фишъ-Рой находитъ, что они, фізіологически, похожи на Ново-Зеландцевъ и полагаетъ, что они пришли отсюда. Но это едва ли вѣроятно, если принять въ расчетъ дальнія разстоянія и утлыя туземныя ладьи. Дарвинъ думаетъ, что Пешересы произошли отъ патагонцевъ, и это мнѣніе весьма правдоподобно. Хотя патагонцы болѣе рослы и сильны, чѣмъ Пешересы,

но это ничего не значить; при неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, послѣдніе могли выродиться.

Дурная погода задержала Бигль въ этомъ мѣстѣ на нѣсколько дней. Не даромъ Огненная земля пользуется дурною репутаціею. Ея климатъ крайне непостояненъ. Одинъ вѣтеръ смѣняетъ другой и приноситъ то дождь, то градъ, то снѣгъ, съ весьма короткими промежутками тихой погоды. Этими то промежутками путешественники и пользовались, чтобъ дѣлать маленькія экскурсіи. Въ одну ихъ такихъ экскурсій они встрѣтили лодку съ шестью туземцами, между которыми была и женщина — съ груднымъ ребенкомъ.

— «Боже, что это были за люди!» восклицаетъ Дарвинъ. Испачканные, съ всклокоченными волосами и совершенно нагіе. Тѣ, которыхъ мы видѣли на восточномъ берегу, имѣли, какъ уже было говорено, плащи изъ гуанако. Обитатели западнаго берега прикрывались тюленьими шкурами; большинство же, подобно тѣмъ, которыхъ мы встрѣтили, ничѣмъ не прикрывались. Шелъ мокрый снѣгъ, падалъ на ихъ обнаженное тѣло и, растаявъ, струился по немъ грязными потоками, а они не обращали на это никакого вниманія. Трудно представить себѣ, глядя на этихъ людей, что они наши братья. Если приходится иногда задавать себѣ вопросъ: есть ли радости у животныхъ, то не естественнѣе ли примѣнить его къ этимъ пасынкамъ природы.

О вѣрованіяхъ Пешересовъ и о томъ,

есть ли у нихъ какой нибудь религіозный культъ—ничего неизвѣстно. Ни Іоркъ, ни Джемми не могли дать на это отвѣта. Очень можетъ быть, что бормотанье стариковъ при раздачѣ китоваго мяса есть нѣчто вродѣ молитвы. Джемми вѣрилъ въ сны, хотя не вѣрилъ въ діавола. Онъ не хотѣлъ ѣсть сухопутныхъ птицъ, потому что онѣ ѣдятъ мертвыхъ людей. Онъ увѣрялъ, что можно заговаривать бурю и что это дѣлаютъ ихъ колдуны. Но по суевѣрію, этотъ дикарь много уступалъ нѣкоторымъ изъ матросовъ Бигля. Старый штурманъ, напр., твердо былъ убѣжденъ, что рядъ сильныхъ бурь, встрѣтившихъ Бигль у мыса Горна, былъ слѣдствіемъ присутствія на кораблѣ Пешересовъ.

Нѣкоторый намекъ на религіозное чувство замѣчено было у Іорка, когда онъ, увидавъ застрѣленныхъ однимъ офицеромъ птицъ, воскликнулъ: «О, господинъ, много будетъ дождя, снѣга и бури!» намекая этимъ на возмездіе, которое должно послѣдовать свыше за уничтоженіе тварей.

Іоркъ рассказывалъ съ большимъ жаромъ, какъ его братъ, проходя однажды по берегу, увидалъ летающія перья. Поднявъ голову онъ замѣтилъ на скалѣ «дикаго человѣка» общипывавшаго птицъ. Братъ Іорка взялъ камень и убилъ «дикаго человѣка». Послѣ того долго бушевали бури съ градомъ и снѣгомъ.

Въ одну изъ экскурсій, бродя по берегу съ Іоркомъ, Дарвинъ наткнулся на одинокій

шалашъ. Заглянувъ туда, Іоркъ увидаль спящаго человѣка и, схвативъ его за руку, вытащилъ наружу и началъ бить, говоря, что это «дикій человѣкъ», но Дарвинъ остановилъ его.

Что означало въ устахъ Іорка названіе: «Дикіе люди?» Были ли то отверженные,

Жительница Огненной земли.

удалявшіеся отъ общества себѣ подобныхъ, или преступники, спасавшіеся отъ угрожающаго имъ наказанія, или просто съумасшедшіе?—Этого не удалось разяснить. Не подлежитъ сомнѣнію, что Пещересы имѣютъ представленіе о добрѣ и злѣ и могутъ критически относиться къ поступкамъ себѣ

подобныхъ, хотя этимъ и ограничиваются ихъ духовныя способности. Въ борьбѣ за существованіе просыпаются ихъ животныя инстинкты и они безжалостно уничтожаютъ другъ друга. Джемми рассказывалъ, и тоже самое Дарвинъ слышалъ потомъ отъ тюленьяго промышленника Хоу, что въ голодную эпоху Пешересы поѣдаютъ своихъ старухъ. «И какъ визжать онѣ, когда ихъ душатъ»,—прибавлялъ Джемми, со смѣхомъ передразнивая вопли старухъ. А потомъ ѣдятъ собакъ, заключилъ онъ.—«Какъ, сперва старухъ, а потомъ собакъ?»—«А то какже; собаки ловятъ выдръ, а старухи—нѣтъ». И это говорилъ юноша, смягченный цивилизаціей. Каковы же должны быть нравы нецивилизованныхъ Пешересовъ?

По слухамъ, бѣдныя старухи постоянно дрожатъ за свою жизнь и съ наступленіемъ голода многія изъ нихъ убѣгаютъ въ горы; но ихъ преслѣдуютъ мужичины и уводятъ на казнь.

Лоу видѣлъ однажды цѣлое племя чело-вѣкъ въ полтора-два, изнуренное голодомъ до того, что на несчастныхъ страшно было смотреть. Продолжительный вѣтеръ мѣшалъ имъ собирать раковины съ побережныхъ утесовъ и не допускалъ выйти въ море за тюленями. Наконецъ нѣсколько чело-вѣкъ послабѣе рѣшились отправиться на поиски за китомъ. Можно себѣ представить общую радость, когда эти люди четыре дня спустя явились съ добычей. Каждый изъ нихъ тащилъ

огромный кусок китовины съ отверстіемъ по срединѣ, сквозь которое продѣта была голова. Въ каждомъ вигвамѣ былъ праздникъ. Старики отрѣзали ломтики китовины и, по обычаю, бормоча надъ ними, раздавали голодающимъ.

Пробывъ шесть дней въ бухтѣ Вигвамъ, Бигль 30-го Декабря вышелъ въ море, и пошелъ вдоль западнаго берега, гдѣ капитанъ хотѣлъ высадить Йорка и Фуэгію. Бигль поднялъ всѣ паруса, но скоро долженъ былъ убавить ихъ. Сильный шквалъ чуть не бросилъ его на утесы. Видно было, какъ огромный бурунъ бился о берегъ и брызги отъ него взлетали надъ скалою въ 200 ф. вышины. Пришлось уйти отъ берега въ открытое море; 12-го буря усилилась, а 13-го она до того свирѣпствовала, что корабль дрожалъ и трещалъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ то время, когда Бигль боролся съ волнами, которыя, казалось, готовы были поглотить его, альбатросъ, распутивъ крылья, спокойно плавалъ по вѣтру. Около полудня поднялась огромная волна и залила висѣвшую сбоку лодку. Еще минута и корабль перевернулся бы; но лодку вмгъ отрѣзали. Бигль вздрогнулъ и нѣсколько минутъ не слушался руля, но, какъ добрый корабль скоро оправился, и пошелъ по вѣтру.

Двадцать четыре дня моряки боролись съ волнами, тщетно стараясь достигнуть западнаго берега; мастросы были изнурены

до крайности. Все ихъ платье, даже то, которое находилось въ каютахъ, пропитано было сыростью. Капитанъ взялъ курсъ на югъ и остановился на якорѣ въ Гери-Рудѣ. Отсюда, черезъ проливъ Бигль, англійскіе Пешересы должны были отправиться на родину.

Три лодки и одинъ яликъ съ партіей въ 28 человекъ подъ командою Фицъ-Роя пошли 19 числа по каналу Бигль, открытому Фицъ-Роемъ во время перваго его путешествія. При слияніи Бигля съ заливомъ Понсонбай жило племя Джемми и Юрка.

Пройдя порядочное разстояніе, партія остановилась на отдыхъ въ уютномъ заливчикѣ, съ разбросаннымъ по немъ живописными островками. Выйдя на берегъ, путешественники раскинули палатки и развели огонь. Мирная картина лагеря среди зелени, послѣ пережитыхъ волненій на морѣ, показалась изнуреннымъ морякамъ чрезвычайно привлекательною. Чистая вода родниковъ, нависшія надъ скалистымъ берегомъ вѣтви деревьевъ, тихо покачивавшіяся на волнахъ лодки, раскинутыя бѣлыя палатки, дымокъ костра, возносящійся тонкой спиралью къ небу, словомъ — вся эта идиллическая обстановка располагала къ мечтательности.

Двадцатаго, маленькая флотилія двинулась впередъ и дошла до населеннаго мѣста. Судя по тому смятенію, которое выказали туземцы при видѣ лодокъ, ясно было, что они никогда не видали бѣлыхъ людей. На всѣхъ возвышенностяхъ зажглись огни.

«Я никогда не забуду дикой картины, представившейся нашимъ глазамъ,—пишетъ Дарвинъ.—На вершинѣ одной изъ нависшихъ надъ моремъ скалъ появилось пять дикарей самаго ужаснаго вида. Они были ничѣмъ не прикрыты и ихъ длинные волосы ниспадали имъ на лицо. Въ рукахъ они держали дубинки и, взмахивая ими надъ головами, припрыгивали и неистово выли».

Высадку европейцевъ дикари встрѣтили очень недружелюбно. Они держали свои дубинки наготовѣ, очевидно приготовившись къ защитѣ. Капитанъ Фицъ-Рой, выступивъ впередъ съ нѣсколькими матросами, роздалъ туземцамъ нарѣзанную красную шерстяную тесьму. Они тотчасъ же успокоились и, повязавъ себѣ тесьмою голову, запрыгали и замахали руками. Теперь эта мимика имѣла совсѣмъ другой характеръ; она выражала радость.

Усѣвшись на траву, Дарвинъ сталъ открывать жестянку съ мяснымъ консервомъ. Одинъ дикарь, подбѣжавъ къ нему, пальцемъ дотронулся до мяса, но почувствовавъ, что оно мягкое и холодное, сдѣлалъ гримасу и отскочилъ. Джемми сконфузился и сталъ увѣрять, что его собраты совсѣмъ не такія животныя, какъ эти. На это Дарвинъ ему замѣтилъ, что въ поступкѣ дикаря не видитъ ничего предосудительнаго; что и онъ, вѣроятно, поступилъ-бы точно также, еслибы ему дали попробовать прогорклой ворвани, которою наслаждаются туземцы.

Не прошло четверти часа, какъ туземцы до того освоились съ прїѣзжими, что стали безцеремонно все трогать и назойливо выпрашивать. «Ямершуммеръ», то есть, дай мнѣ, слышалось на всѣ лады, причемъ многіе лукаво указывали на женщинъ и дѣтей, рассчитывая, вѣроятно, что ради нихъ европейцы сдѣлаются любезнѣе.

Неизвѣстно какимъ путемъ вѣсть о прїѣѣтїи европейцевъ распространилась по окрестности, но количество туземцевъ стало замѣтно увеличиваться. Ночью пришлось поставить вооруженный караулъ. Къ утру дикарей набралось втрое больше, чѣмъ европейцевъ и они замѣтно стали проявлять неприязнь. Если имъ чего не давали, они дерзко требовали. Избавиться отъ нихъ было не трудно; стоило только пустить въ ходъ ружья. Туземцевъ, незнакомыхъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ можно было перестрѣлять какъ воробьевъ. Но такого поступка не могли себѣ позволить европейцы. Цивилизація не была бы благомъ, еслибы она не развивала въ людяхъ гуманности.

Судя по крику и жестикамъ дикарей, можно было догадаться, что они замышляютъ нападеніе. Фицъ-Рой сдѣлалъ первое предостереженіе: онъ взмахнулъ обнаженнымъ палашемъ. Дикари захохотали. Тогда капитанъ выстрѣлилъ на воздухъ. Ближайшій къ нему дикарь схватился за голову. Вѣроятно, представленіе о звукѣ сливалось у него съ представленіемъ объ ударѣ и онъ вообра-

зилъ, что раненъ, хотя онъ не могъ быть ни раненъ, ни контуженъ.

На минуту дикари опѣшили, но увидавъ, что никакого вреда не послѣдовало, снова начали подступать. Приходилось дѣйствовать рѣшительно. Фицъ-Рой велѣлъ прислонить къ дереву доску и стрѣлять. Нѣсколько пуль пробуравили доску. Замѣтивъ изумленіе дикарей, Фицъ-Рой обернулся къ нимъ и, указавъ дыры въ доскѣ, приложилъ палецъ себѣ ко лбу. Пантомима оказалась очень выразительною и дикари разбѣжались.

Слѣдующую ночь путешественниковъ никто не беспокоилъ, и на утро они отправились далѣе. Джемми Бэтунъ показывалъ явные признаки безпокойства. Здѣсь близко живутъ дикіе Енсъ, говорилъ онъ. Когда на деревьяхъ покраснѣетъ листь, они переходятъ черезъ горы и нападаютъ на жителей этой части страны. Когда онъ говорилъ, лицо его принимало свирѣпое выраженіе и глаза сверкали, какъ у тигренка.

По мѣрѣ того, какъ лодки двигались по каналу Бигль, мѣстность принимала болѣе и болѣе величественный характеръ. Горы съ острыми и зубчатыми вершинами возвышались на 3000 ф. надъ уровнемъ моря и прямо, безъ предгорій, опускались въ море, до самой воды покрытая лѣсомъ. На дальнихъ горахъ простымъ глазомъ видно было, гдѣ кончалась линія лѣса, потомъ болѣе свѣтлая линія кустарниковъ и, наконецъ, начинались желтобурая и снѣжныя верхушки.

Ночью на 23-е путешественники стали на якорь въ мѣстѣ слиянія Понсонбая съ Биглемъ. Матросы развели костеръ и въ ожиданіи ужина затянули пѣсню. Появились туземцы и, усѣвшись поодаль, стали презабавно подтягивать матросамъ. Они были въ сильной испаринѣ, а европейцы кутались въ пледы, такъ какъ вечеръ былъ сырой и холодный. Эти туземцы имѣли видъ вполне миролюбивый.

Рано утромъ прибѣжало нѣсколько чело-вѣкъ изъ племени Джемми. Эти люди бѣжали такъ шибко и говорили такъ скоро, что изъ носа шла у нихъ кровь, а изо рта пѣна. Испешренные бѣлою и красною краскою, запачканные шедшей изъ носу кровью, они до того походили на бѣснующихся, что неприятно было смотрѣть. Изъ ихъ разсказовъ Джемми узналъ, что отецъ его умеръ и, повидимому, не очень этимъ огорчился, хладнокровно замѣтивъ: «Мой этому не поможетъ». Подробности касательно этой смерти его знакомые, почему то, не пожелали сообщить.

Джемми находился теперь въ мѣстности, хорошо ему извѣстной, и могъ служить лоцманомъ. Ловко лавируя между живописными маленькими островками, онъ велъ лодки въ тихую уютную бухточку, на берегу которой жило семейство его племени. Это семейство дружелюбно приняло чужеземцевъ и по просьбѣ капитана послало гонца къ матери и братьямъ Джемми, чтобы увѣдомить о его прибытіи.

Фицъ-Рой хотѣлъ было отвезти Іорка Минстера и Фуэгію къ ихъ сородичамъ, но они стали просить его оставить ихъ здѣсь. Мѣсто было вполне благопріятно и капитанъ согласился на просьбу своихъ воспитанниковъ, оставивъ при нихъ миссіонера Матьюса. Пять дней было употреблено на постройку для нихъ трехъ большихъ вигвамовъ, на выгрузку ихъ имущества, на распахку и устройство двухъ садовъ.

На слѣдующее утро послѣ высадки моряковъ, Пенсересы начали собираться толпами; прибыли мать и братья Джемми. Джемми узналъ голосъ одного изъ своихъ братьевъ на такомъ разстояніи, на какомъ ничей голосъ не могъ быть доступенъ уху европейца. Встрѣча была самая неинтересная; родственники посмотрѣли другъ на друга и мать тотчасъ же пошла приглядѣть за лодкой. Даже лошадь, возвращающаяся изъ отлучки, встрѣчаетъ больше сочувствія въ своихъ товарищахъ по конюшнѣ, чѣмъ эти родственники. Между тѣмъ сородичи Джемми, живущіе у бухты, рассказывали, что мать Джемми, послѣ его исчезновенія, всюду его искала и была безутѣшна.

Прибывшія женщины дружелюбно отнеслись къ Фуэгіи. Очень можетъ быть, что родственники Джемми просто изъ ложнаго стыда, свойственнаго неразвитымъ людямъ, стыдились выказывать ему свое расположеніе.

Забавно было смотрѣть, какъ Джемми объяснялся съ сородичами. Онъ почти забылъ

родной языкъ и, перемѣшивая туземныя слова съ англійскими, наивно спрашивалъ: «Развѣ ты не понялъ?».

Три дня прошли въ работѣ. Туземцевъ скопилось болѣе ста человѣкъ; но работали больше женщины, а мужчины шатались цѣлый день безъ дѣла и разсматривали чужеземцевъ. Они просили всего, что попадалось имъ на глаза, и крали все, что могли. Имъ особенно нравились танцы и пѣніе матросовъ и они съ любопытствомъ смотрѣли, какъ европейцы мылись въ сосѣднемъ ручьѣ. Бѣлый цвѣтъ кожи приводилъ ихъ въ изумленіе.

Для англичанъ впечатлительность дикарей не была новостью; Іоркъ и Джемми ихъ къ этому приучили. Однажды въ окрестностяхъ Мальдонадо Іоркъ увидалъ страуса. Задыхаясь отъ восторга, онъ прибѣжалъ къ одному изъ офицеровъ и закричалъ: «О, г. Бойно! птица — точно лошадь».

Въ эти три дня все шло такъ тихо и мирно, что офицеры и Дарвинъ спокойно гуляли по окрестностямъ. Но вдругъ, 27-го числа, внезапно исчезли женщины и дѣти. Ни Іоркъ, ни Джемми не могли ничего объяснить. Одинъ думалъ, что дикари испугались, такъ какъ наканунѣ европейцы чистили ружья и, разряжая ихъ, стрѣляли; другой — что они обидѣлись за своего старика, котораго наканунѣ оскорбилъ часовой. Во время стрѣльбы, старый дикарь, не имѣя понятія о дѣйствіи огнестрѣльнаго оружія, подошелъ такъ близко, что часовой, во избѣжаніе

опасности, долженъ былъ дать на него окрикъ. Старикъ, въ сердцахъ, плюнулъ въ лицо часовому и краснорѣчивой мимикой объяснилъ, что онъ бы желалъ всѣхъ европейцевъ перерѣзать и съѣсть. Во избѣжаніе столкновѣній, Фицъ-Рой счелъ за лучшее удалиться съ командой на лодки и въ нихъ переночевать. Мужественный Матьюсъ изъявилъ желаніе остаться на берегу съ Пешересами.

Вернувшись утромъ, путешественники нашли все въ порядкѣ и нѣсколькихъ мужчинъ, занятыхъ въ лодкѣ нанизываніемъ рыбы. Въ виду этого, Фицъ-Рой нашелъ возможнымъ отправить яликъ и одну китоловную лодку къ кораблю; на двухъ же другихъ обозрѣть западную часть канала Бигль и затѣмъ, на возвратномъ пути, посѣтить еще разъ поселеніе, названное Уллайя.

День былъ ясный и до того знойный, что путешественники загорѣли. Каналъ, окаймленный горами, прямой какъ стрѣла, имѣетъ видъ искусственнаго сооруженія, почему и получилъ названіе канала. Въ дѣйствительности же это просто рукавъ моря, и морскіе великаны-киты спокойно заходятъ сюда и пускаютъ фонтаны подъ тѣнью буковъ, нависшихъ съ берега. Видъ этихъ животныхъ въ такомъ укромномъ уголкѣ былъ очень оригиналенъ.

Когда стемнѣло, моряки причалили къ берегу и разбили шатры. Часть ночи Дарвину пришлось стоять на часахъ. «Есть что то торжественное въ ночной тишинѣ,—говорить

онъ. Мысль, не развлекаемая внѣшними впечатлѣніями работаетъ сильнѣе и картины видѣннаго и испытаннаго возстаютъ въ мозгу съ поразительной ясностью».

Января 29-го, рано утромъ, путешественники добрались до того мѣста, гдѣ каналъ Бигль раздѣляется на два рукава и вошли въ сѣверный. Глазамъ ихъ представилась цѣпь горъ, которая идетъ вдоль всего острова, образуя какъ-бы его хребетъ. Горы очень высоки и вершины ихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Отсюда низвергаются водопады и, пробѣжавъ поясъ лѣсовъ, падаютъ въ Бигль. Въ иныхъ мѣстахъ видны ледники, которые легко различить по ихъ синеватому цвѣту, рѣзко отдѣляющему ихъ отъ яркой бѣлизны снѣга. Лавины, падающія сверху, увлекаютъ цѣлые утесы и, низвергаясь съ ними на землю, раздробляютъ ихъ. Иныя рушатся прямо въ море и глыбы льда, плавающія по поверхности, образуютъ изъ него маленькое подобіе полярнаго океана. На глазахъ путешественниковъ упала въ каналъ огромная глыба и развела такое волненіе, что матросы опрометью бросились къ лодкамъ. Но волна добѣжала скорѣе ихъ и, приподнявъ лодки, сильно встряхнула ихъ, по счастью не сдѣлавъ имъ вреда. Случись иначе, моряки оказались бы въ безвыходномъ положеніи: безъ провизіи, безъ оружія, въ ста миляхъ отъ корабля. Матросъ, первый прибѣжавшій къ лодкамъ, былъ сбитъ съ ногъ и едва не унесенъ въ море, но по счастью онъ удержался.

Сила волны была такъ громадна, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ она напирала всего сильнѣе, большой утесъ сдвинулся съ мѣста и засѣлъ въ водѣ, недалеко отъ берега.

Слѣдующую ночь пришлось провести довольно оригинальнымъ образомъ. Берега стали такъ скалисты и круты, что пристать не было никакой возможности. Причалили къ огромнымъ валунамъ и высадились на нихъ. Стоянка эта была не особенно пріятна, такъ какъ между валунами накопилось много гніющихъ водорослей, издававшихъ зловоніе. Когда же начался приливъ, то пришлось переходить съ одного валуна на другой и такъ по нѣскольку разъ. Утромъ путешественники двинулись далѣе, обогнули нѣсколько острововъ, и южнымъ рукавомъ канала Бигль возвратились въ заливъ Понсонбай.

Въ новомъ поселеніи основатели нашли большіе беспорядки. Оказалось, что послѣ ихъ отбытія началась со стороны туземцевъ правильная система грабежа; Іоркъ и Джемми потеряли много вещей; Матьюсъ почти все, что не успѣлъ зарыть въ землю. Туземцы рвали на части и дѣлили между собою каждый предметъ. Кромѣ того, они обнаружили явную враждебность. Когда одному назойливому дикарю, котораго никакъ нельзя было выжить изъ вигвама, Матьюсъ настойчиво приказалъ выйти, онъ вышелъ, но тотчасъ же вернулся съ большимъ камнемъ въ рукѣ. Въ другой разъ пришла цѣлая партія, вооруженная камнями и кольями, и нѣкоторые изъ

молодыхъ, въ томъ числѣ и братъ Джемми, требовали, чтобы Матьюсъ встрѣтилъ ихъ съ подарками, угрожая въ противномъ случаѣ выдергать ему одинъ по одному всѣ волосы. Вообще, дикари изводили миссіонера, пугали его, производили нарочно шумъ, чтобы помѣшать ему спать. У бѣднаго Матьюса до того разстроились нервы, что капитанъ рѣшился взять его обратно на Бигль. Впослѣдствіи онъ былъ оставленъ въ Новой Зеландіи, гдѣ его братъ состоялъ миссіонеромъ.

Бѣдный Джемми былъ внѣ себя отъ негодованія. Собственный братъ укралъ у него много вещей. «Всѣ они негодяи,—говорилъ онъ,—ничего не смыслятъ!». Вкусивъ отъ благъ цивилизаціи, научившись уважать чужую собственность, Джемми считалъ себя вправѣ отстаивать свою, и всегда добродушный малый—онъ теперь ходилъ и ругался. Онъ бы съ радостью присоединился къ командѣ Фишъ-Роя, но это не входило въ планы капитана и Джемми долженъ былъ покориться!

Йоркъ Минстеръ терпѣливѣе переносилъ выходки соплеменниковъ. Онъ былъ сильный, рѣшительный мужчина и, вдобавокъ, только что женился. Фузгія утѣшала его во всѣхъ невзгодахъ.

Въ тотъ же вечеръ моряки, взявъ съ собой Матьюса, поплыли обратно къ кораблю, но не каналомъ Бигль, а вдоль южнаго берега. Лодки были тяжело нагружены, море бурно и переѣздъ оказался довольно опаснымъ. Седьмого февраля путешественники

уже находились на Бигль, послѣ 20-ти дневнаго отсутствія, въ продолженіи котораго проплыли 300 миль въ открытыхъ лодкахъ.

Въ послѣдній день Февраля Бигль бросилъ якорь въ прекрасной маленькой бухтѣ у восточнаго входа въ каналъ Бигль. Появилось нѣсколько лодокъ съ туземцами, и наблюдать за ними издали было гораздо пріятнѣе чѣмъ вблизи.

«Долго звучало въ ушахъ у меня, — пишетъ Дарвинъ, — ихъ визгливый «ямершуммеръ», точно крикъ кошки, которой придавили хвостъ. Привѣтствіе это, или воинственный крикъ — нельзя было разобрать. Пристанешь къ какойнибудь уютной бухточкѣ, разобьешься на берегу палатку, вокругъ никого не видно. Вдругъ «ямершуммеръ» раздается изъ какогонибудь угла. Или бывало такъ: бродишь себѣ спокойно по берегу, занимаешься научными изысканіями, вдругъ на какойнибудь возвышенности заструится синеватый дымокъ, за нимъ другой, третій; а вечеромъ замелькаютъ огоньки *) и крикъ «ямершуммеръ» прозвучитъ въ воздухѣ. Это значитъ, что туземцы оповѣщаютъ другъ друга о прибытіи иностранцевъ. Случается, что на стоянкѣ все обойдется благополучно и, покидая ее, скажешь: ну, слава Богу, наконецъ мы избавились отъ этихъ тварей. Вдругъ «ямершуммеръ» раздается надъ самымъ ухомъ и Пеше-

*) Этого обычая зажигать огни на возвышенностяхъ и дала поводомъ къ извѣстію южной оконечности Америки Огненной Земли.

ресъ явится словно изъ подъ земли. Удаляясь отъ берега, все еще слышишь ненавистный «ямершуммеръ», повторяемый эхомъ; и когда онъ замолкнетъ для слуха, его воспроизводитъ воображеніе».

Между тѣмъ лодки туземцевъ пригребали къ кораблю и «ямершуммеръ» былъ явственно слышенъ. Но на этотъ разъ дикарей встрѣтили милостиво. Они привезли рыбы и раковъ и промѣнивали все это на бисеръ и никуда негодныя тряпки. Послѣ обмѣна дикари спѣшили унести свое добро, опасаясь, вѣроятно, чтобъ европейцы не потребовали своихъ сокровищъ обратно. Забавно было видѣть, какъ женщины прикрѣпляли къ своимъ волосамъ обрывки краснаго флага, тоже послужившіе промѣнной монетой. Мужчины старались умѣрить кокетство своихъ женъ, но жены не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія и отгоняли отъ себя. Мужчины, въ свою очередь, разсматривали съ большимъ вниманіемъ корабль и все что на немъ. Дарвинъ подарилъ одному дикарю большой гвоздь, подарокъ, по туземнымъ понятіямъ, не маловажный. Дикарь тотчасъ-же досталъ изъ своей лодки двѣ рыбы и, несмотря на протесты Дарвина, подаль ему ихъ на копѣ.

Марта 5-го. Бигль снялся съ якоря и зашелъ въ Уллайя, навѣстить своихъ поселенцевъ. Къ удивленію моряковъ тамъ не оказалось ни души. Немного погодя, откуда-то прибѣжали туземцы и сообщили, что приплыли страшные Энсы и произошла битва.

Участь поселенцевъ очень беспокоила экипажъ. Пока офицеры разсуждали между собой, чтобы могло съ ними случиться, показалась лодка подъ маленькимъ флагомъ. Видно было, какъ сидѣвшій въ ней мужчина старательно смывалъ краску съ лица.

Трудно было узнать въ этомъ тощемъ угрюмомъ дикарѣ съ всклокоченными волосами, почти нагомъ, изяшнаго Джемми. Онъ видимо стыдился своей наготы и гребъ, оборачиваясь спиной къ кораблю. Трудно было представить себѣ, чтобы въ такое короткое время человѣкъ могъ перемѣниться до такой степени.

Когда Джемми одѣли, онъ сталъ совсѣмъ другимъ. Обѣдая съ капитаномъ Фицъ-Роемъ, онъ держалъ себя также прилично, какъ прежде. Двумъ лучшимъ друзьямъ своимъ онъ подарилъ выдровыя шкуры, а для капитана сдѣлалъ нѣсколько гарпуновъ и стрѣлъ. Онъ хвасталъ, что самъ для себя построилъ лодку и можетъ свободно объясняться на родномъ языкѣ.

На вопросъ о Іоркѣ Минстерѣ Джемми только махнулъ рукой. Оказалось, что Іоркъ живо стряхнулъ съ себя европейскую цивилизацію и сдѣлался дикаремъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ построилъ большую лодку, чтобы вмѣстѣ съ женою ѣхать на свою сторону, пригласилъ Джемми и его мать и ночью, на привалѣ, обобралъ ихъ и бросилъ.

Все обстояло, повидимому, такъ скверно, что со стороны капитана было вполне есте-

ственно предложить Джемми возвратиться въ Англію. Ко всеобщему удивленію, онъ наотрѣзъ отказался. Сталъ говорить, что ему вовсе жить не худо, пиши вдоволь, а со своими соплеменниками онъ надѣется поладить. Загадка не замедлила объясниться. Подъ вечеръ, одинъ старикъ дикарь, увидавъ идущую лодку, на ломаномъ англійскомъ языкѣ возвѣстилъ, что ѣдетъ жена Джемми Бетуна. Молодежь Джемми не только успѣлъ жениться, но и научилъ своихъ сородичей немного по англійски. Последнее доказывало, что онъ сохранилъ объ Англіи добрыя воспоминанія.

Джемми оставался на кораблѣ до послѣдней минуты, а его жена, сидя въ лодкѣ, истово кричала, опасаясь, какъ-бы европейцы не увезли ея прекраснаго супруга. Джемми уѣхалъ, надѣленный имуществомъ, и каждый изъ моряковъ, пожимая ему руку въ послѣдній разъ, искренно пожелалъ счастья. Каждый въ душѣ надѣялся, что труды и заботы капитана Фицъ-Роя не пропадутъ даромъ. Пройдутъ годы, придутъ новые корабли и моряки, заброшенные въ это захолустье, найдутъ быть можетъ, у потомковъ Джемми Бетуна радушный пріемъ и защиту.

Добравшись до берега, Джемми зажегъ сигнальный огонь, говорившій послѣднее «прости» морякамъ, удалявшимся отъ берега.

Люди, наблюдавшіе жизнь дикарей, пришли къ заключенію, что тѣ племена, которыя не додумались еще до необходимости имѣть

надъ собой какое либо правленіе, стоять по развитію гораздо ниже племень, имѣющихъ вождей или старшинъ. Послѣдніе поняли уже принципъ законности и сдѣлали первый шагъ на пути развитія гражданской жизни. Пока на Огненной Землѣ не найдется человѣка, достаточно авторитетнаго, чтобы возвыситься надъ массой, и получить надъ нею влияніе, до тѣхъ поръ каждый будетъ урывать, гдѣ что можетъ; ни личность, ни имущество не будутъ ограждены отъ произвола и народъ, подобно стаду, будетъ жить стихійной жизнью. Какъ знать, не имѣлъ-ли въ виду капитанъ Фицъ-Рой, воспитывая Пешересовъ, подготовить изъ нихъ будущихъ вождей племени. Нравственные принципы, какъ мы видѣли, не пустили въ Йоркѣ Минстерѣ прочныхъ корней, но болѣе развитой умъ и практическіе навыки дали ему въ руки такую силу, съ которою его соплеменникамъ трудно будетъ считаться.

Попытка Фицъ-Роя просвѣтить Пешересовъ нашла въ Англіи усердныхъ подражателей. Привезенные имъ дикари возбудили въ обществѣ интересъ къ этой отдаленной Огненной Землѣ, о которой до той поры существовало весьма смутное представленіе. Образовалось миссіонерское предпріятіе, и въ 1852 г. дѣло наладилось окончательно. Предпріимчивый и энергичный Алленъ Гардинеръ собралъ порядочную сумму денегъ и самъ съ нѣсколькими миссіонерами отправился къ дикарямъ. Осмотрѣвъ южную око-

нечность Огненной Земли, онъ нашелъ ее до того непривлекательной, до того неудобною для жизни, что рѣшилъ основать миссіонерскую станцію на островѣ Кронмерѣ Фальклондскаго архипелага и оттуда посылать миссіонеровъ къ дикарямъ. Изъ этой попытки ничего не вышло. Миссіонеры, появляясь между дикарей только случайно, притомъ не владея свободно ихъ языкомъ, не могли принести никакой пользы. Съ трудомъ просуществовали они семь лѣтъ, перебиваясь кое какъ на частныя средства, пока не случилось страшной катастрофы: дикари вырѣзали съ десятокъ бѣлыхъ, находившихся тогда между ними, и это окончательно обезкуражило остальныхъ. Миссіонерское предпріятіе совсѣмъ, было, прекратилось; но тутъ явился фанатически вдохновенный человѣкъ, мистеръ Форстеръ, который отправился съ женою на Огненную Землю, и поселился тамъ.

Ему дали кое-какія средства, деревянный домикъ, и вотъ уже 20 лѣтъ, какъ онъ живетъ между дикарями. Тамъ родилась у него дочь и, когда она, взрослою уже дѣвушкою, явилась въ Англію съ порученіемъ отъ отца, никто не хотѣлъ вѣрить, что она выросла среди дикарей, до того изящны были ея манеры.

Мистеръ Форстеръ старался дѣйствовать на дикарей не только проповѣдью, но и примѣромъ, обучая ихъ строить хижины и воздѣлывать землю. Но отъ послѣдняго онъ

долженъ былъ скоро отказаться, убѣдившись, что почва Огненной Земли не годится для культуры. Вѣчный вѣтеръ, вѣчный дождь и холодъ, господствующій здѣсь, не позволяютъ расти никакому хлѣбу. Даже неприхотливые рожь и ячмень не дозрѣваютъ здѣсь; не выносить климата и картофеля.

Только разъ въ годъ почтовая яхта заходитъ въ миссію, привозить письма, газеты и необходимые продукты; прочее время года эти удивительные подвижники совершенно разобщены съ остальнымъ міромъ и предоставлены самимъ себѣ.

Принесло ли подобное подвижничество благіе результаты? судить объ этомъ трудно, а сомнѣваться позволительно. Тамъ, гдѣ культура невозможна, гдѣ человѣкъ не можетъ быть облагороженъ трудомъ, гдѣ средства къ существованію скудны и зачастую могутъ быть добыты только путемъ борьбы съ себѣ подобнымъ, тамъ врядъ ли можно надѣяться одною проповѣдью пересоздать человѣка *).

*) Заимствовано у Юлиана Ю.-Америка.

ГЛАВА XI.

Магеллановъ проливъ.

Въ открытіе Магелланова пролива въ XVI в. составило эпоху въ исторіи мореплаванія. Корабли, огибавшіе южную оконечность Америки, такъ много страдали отъ бурь, проходя мимо мыса Горнъ, что возможность избѣжать этого страшнаго мыса считалось величайшимъ благомъ. Притомъ сокращался и путь. Но прошли вѣка и человечество разочаровалось въ Магеллановомъ проливѣ. Опасности въ немъ оказалось не меньше, чѣмъ вокругъ мыса Горнъ. Проливъ узокъ, извилистъ, берега скалисты, теченія неопредѣленны, постоянные дожди и туманы угрожаютъ ежеминутною опасностью наскочить на камень. Испробовавъ этотъ новый путь, моряки стали избѣгать его и въ настоящее время парусныя суда

почти не заходятъ сюда, предпочитая обигать мысъ Горнъ.

Съ появленіемъ пароходовъ Магеллановъ проливъ нѣсколько оживился. На юго-восточномъ берегу пролива европейцы основали колонію Пунта-Арэна, гдѣ имѣютъ гавань и складъ угля. Вскорѣ оказалось, что для большихъ пароходовъ плаваніе по проливу опасно; многіе изъ нихъ потерпѣли крушеніе. Теперь ходятъ маленькіе пароходики и то съ большою осторожностью.

Капитанъ Фицъ-Рой, задавшись научными цѣлями, не побоялся дурной репутаціи Магелланова пролива и въ послѣднихъ числахъ мая Бигль вошелъ въ его устье. Несмотря на ничтожное разстояніе между Патагоніей и Огненной Землей эти двѣ страны представляютъ два совершенно различныхъ міра.

Около порта Фаминъ, на примѣръ, мы видимъ высокія горы, покрытыя дремучими лѣсами, климатъ влажный, частыя бури. Мысъ Грегори, напротивъ на Патагонскомъ берегу, представляетъ рядъ сухихъ и бесплодныхъ равнинъ, надъ которыми синѣетъ вѣчно безоблачное небо.

Патагонцы съ мыса Грегори народъ рослый и красивый, типомъ напоминаютъ индѣйцевъ. Волосы у нихъ длинныя, прямыя, тѣло и лицо татуировано красной, черной и бѣлой краской; на мощной фигурѣ накинута плащъ изъ шкуры гуанако. Эти люди встрѣтили путешественниковъ очень радушно и такъ обрадовались гостямъ, что стали

просить оставить у нихъ хоть одного матроса. Капитанъ Финъ-Рой предложилъ взять къ себѣ на корабль троихъ туземцевъ по желанію, но желающихъ явилось такъ много, что пришлось насильно отогнать ихъ. Потолковавъ между собою, они пришли къ соглашенію и представили капитану трехъ великановъ. Капитанъ посалилъ великановъ съ собою за столъ и они вели себя совсѣмъ прилично, знали даже употребленіе ножей и вилокъ. Это племя имѣетъ такъ много сношеній съ моряками и китоловами, что большинство говоритъ порядочно по англійски и по испански. Къ сожалѣнію, усвоивъ нѣкоторые приемы цивилизованныхъ народовъ, эти люди позаимствовали у нихъ и ихъ пороки.

На слѣдующее утро большая партія моряковъ отправилась на берегъ, чтобы пріобрѣсти шкуръ животныхъ и страусовыя перья. Все населеніе, мужчины, женщины и дѣти расположились на берегу, образуя живописныя группы. Когда моряки высадились, туземцы стали просить у нихъ огнестрѣльнаго оружія, но получивъ отказъ, накинута на топоры и другіе инструменты, а больше всего на табакъ.

Большую часть года это племя проводить на мысѣ Грегори, но лѣтомъ охотится по долинамъ вдоль подошвы Кордильеръ; доходить даже до Ріо-Негро на 750 миль къ сѣверу. Туземцы очень богаты лошадьми; у рѣдкаго ихъ менѣе шести—семи штукъ.

Женщины, и даже дѣти, имѣютъ по собственной лошади.

Лошадь неимоверно быстро расплодилась въ Южной Америкѣ. Первая лошадь была высажена въ Буэносъ-Айресъ въ 1537 г. Когда колонія была покинута, лошади одичали и 43 года спустя онѣ встрѣчались во множествѣ у Магелланова пролива. Патагонцы съ мыса Грегори постоянно наполняютъ свои табуны свѣжими лошадьми, а изнуренныхъ продаютъ сосѣднему племени, такъ называемымъ пѣшимъ индѣйцамъ.

Юня 1-го. Бигль всталъ на якорь въ бухтѣ порта Фаминъ. Зима была въ полной силѣ: деревья побурѣли, горы затянулись туманомъ, безпрестанно шелъ снѣгъ. По счастью выпало два дня ясныхъ и путешественники могли полюбоваться на окрестный пейзажъ, сбросившій ненадолго свой туманный покровъ.

Не доходя порта Фаминъ, съ корабля увидели двухъ людей, которые бѣжали по берегу и что-то кричали. Послали за ними лодку и привезли на корабль. Оказалось, что это были матросы, бѣжавшіе съ китоловного судна. Стоило взглянуть на нихъ, чтобы опредѣлить, какіе это негодяи, но они столько перенесли, такъ изстрадались, что капитанъ сжалился надъ ними и взялъ ихъ на корабль.

Появились и Пешересы къ великому неудовольствію путешественниковъ. На Патагонцевъ можно было положиться, но Пешересы, вороватые и назойливые, не дали бы

ни минуты покоя. Рѣшено было отъ нихъ отдѣлаться. Съ этой цѣлью отвалила отъ брига лодка и моряки, не доѣзжая до берега, дали залпъ. Выстрѣлили нарочно издалика, чтобы не слѣлать вреда туземцамъ. Увидавъ, что пули, изборозивъ воду, зашипѣли, дикари швырнули камни, но не попали. Одинъ изъ офицеровъ громко разсмѣлся. Тогда дикари пришли въ неописанную ярость, кричали, дѣлали угрожающія тѣлодвиженія, потрясали пращами. Раздался второй залпъ, почти у самого берега. Пули пронизали деревья и дикари разбѣжались.

Подѣхали еще лодки и путешественники спокойно расположились на берегу. Вечеромъ опять стали появляться Пешересы. Моряки попробовали новое средство—спустили ракету. Эффектъ былъ необычайный; поднялся крикъ, пискъ, вой и вслѣдъ затѣмъ водворилось глубочайшее безмолвіе. На другое утро не оказалось въ окрестности ни одного Пешереса.

Воспользовавшись такими благоприятными условіями, Дарвинъ и нѣсколько офицеровъ задумали совершить экскурсію. «Двинулись мы,—пишетъ Дарвинъ въ 4 часа утра—прямо на гору Тарнъ, которая въ вышину имѣетъ 2,600 футовъ и составляетъ самую высокую точку этой мѣстности. Лѣсъ начинается съ того мѣста, до котораго поднимается приливъ, и онъ такъ густъ, что въ теченіи первыхъ двухъ часовъ я потерялъ всякую надежду достичь вершины. Необходимо было

прибѣгать къ компасу, такъ какъ дальше своего носа ничего нельзя было разсмотрѣть. Въ долинахъ было еще хуже. Масса деревьевъ, свалившихся сверху, преграждала путь во всѣхъ направленіяхъ. Видишь, на-примѣръ, опрокинутый стволъ столѣтняго великана и съ полнымъ довѣріемъ начинаешь шагать по немъ, какъ по мосту. Вдругъ, трахъ! Провалился по поясъ въ гнилое дерево, разметавъ кругомъ себя цѣлое облако пыли. Или, обопревшись на какое нибудь дерево, а оно, отъ малѣйшаго прикосновенія, валится и увлекаетъ за собою довѣрчиваго путешественника. Выходить, что оно давно уже сгнило и только какимъ-то чудомъ держалось, пока неосторожная рука не нарушила его равновѣсія. И такіе сюрпризы встрѣчаются на каждомъ шагу. Наконецъ мы добрались до пояса кустарниковъ и вскорѣ дошли до голаго гребня и до самой вершины.

На вершинѣ свирѣпствовали такой вѣтеръ, что долго оставаться не было возможности. Зато въ ущельяхъ, куда вѣтеръ не проникалъ, деревья стояли какъ окаменѣлыя.

Буковые деревья составляютъ преобладающую породу въ здѣшнихъ лѣсахъ. Они достигаютъ необычайной толщины. На букѣ растетъ ярко-желтый шаровидный грибокъ, который служитъ отличною пищею Пещересамъ. Точно такой же грибокъ найденъ былъ на букѣ въ Чили и въ Вандименовой землѣ.

Когда грибокъ молодъ, онъ упругъ, пышенъ и гладокъ. Въ зрѣломъ состояніи онъ

съеживается и становится похожимъ на нашъ сморчокъ. Его собирають женщины и дѣти, пока онъ еще молодъ, и ѣдятъ сырымъ. Онъ имѣетъ сладковатый вкусъ и запахъ шампиньона.

Фауна этой мѣстности очень бѣдна представителями. Кромѣ китовъ и тюленей изъ млекопитающихъ водятся: летучая мышь, тукутуко, лисицы, гуанако, морская выдра и олень; послѣдній, впрочемъ, никогда не встрѣчается къ югу отъ Магелланова пролива.

Въ мрачныхъ лѣсахъ водится мало птицъ. По временамъ раздается жалобный крикъ бѣлоголовой хохлатой мухоловки, прячущейся на вершинахъ самыхъ высокихъ деревьевъ. Еще рѣже слышенъ громкій возгласъ чернаго дятла съ красивымъ хохолкомъ на головѣ. Маленькій королекъ робко попрыгиваетъ по безпорядочнымъ кучамъ свалившихся и гнѣющихъ стволовъ. Есть еще птичка изъ породы синицъ, которая съ забавнымъ любопытствомъ слѣдитъ за каждымъ пришельцемъ въ эти дикіе лѣса. Перепархивая по его слѣдамъ съ вѣтки на вѣтку, она своимъ чириканьемъ словно приветствуетъ его.

Точно также Огненная Земля бѣдна насѣкомыми и еще бѣднѣе пресмыкающимися.

Полную противоположность сушѣ по богатству животной и растительной жизни представляетъ море. Виды живыхъ существъ и водорослей разнообразны до чрезвычайно-

сти. Есть одно морское растеніе, которое заслуживаетъ полнаго вниманія, это — макроцистъ. Нѣтъ ни одного утеса, который не былъ-бы опутанъ этой плавучей водорослью. Стебель макроциста, толщиною не болѣе дюйма, крѣпокъ какъ проволока; нѣсколько такихъ стеблей, сплетенныхъ вмѣстѣ, выдерживаютъ тяжесть каменныхъ глыбъ, которыя, оторвавшись отъ утесовъ, покоятся на нихъ какъ на сѣткѣ. Самые свирѣпыя буруны, разбивающіе утесы, не дѣлаютъ этой водоросли никакого вреда. Большія скопленія макроциста задерживаютъ волненіе и иногда образуютъ превосходный молъ, подъ защиту котораго становятся корабли.

Число моллюсковъ, живущихъ въ этихъ скопленіяхъ, неимовѣрно велико. Объ обитателяхъ одного какого-нибудь скопленія можно было-бы написать цѣлый томъ. Почти всѣ листья, за исключеніемъ плавающихъ по поверхности, до того облѣплены кораллинами, что получаютъ совершенно бѣлый цвѣтъ. Встрѣчаются изящнѣйшія постройки, изъ которыхъ нѣкоторыя населены простыми полипами, другія — болѣе сложными организмами. Къ листьямъ прикрѣпляются также различныя плоскія раковины и другіе моллюски. На всѣхъ частяхъ растенія встрѣчается великое множество ракообразныхъ. Если захватить водоросль поглубже и встряхнуть ее, то посыплются цѣлыя кучи мелкой рыбы, раковинъ, каракатицъ, краб-

бовъ, морскихъ звѣздъ, красивыхъ голотурій, планарій и проч.

Если-бы путемъ какого-нибудь переворота вдругъ уничтожились бы всё подобныя заросли, то трудно себѣ представить къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ повела-бы эта катастрофа. Вмѣстѣ съ водорослью погибли бы рыбы въ ней живущія; вслѣдъ за рыбами — бакланы и другія рыболовныя птицы, затѣмъ выдры, тюлени и морскія свиньи, а за ними и Пещересы, лишенные пищи, которую доставляетъ имъ море.

Іюня 8-го Бигль снялся съ якоря и направляясь къ выходу изъ Магелланова пролива, попалъ въ каналъ, до того узкій и мрачный, что недоставало только Харона съ его ладьей, чтобы вообразить себя у дверей ада. Къ мраку, царившему въ этомъ корридорѣ, прибавился еще туманъ; впереди ничего не было видно. Невольный ужасъ охватывалъ душу; такъ и казалось, что, вотъ, вотъ случится какое нибудь несчастье. Но мало по малу корридоръ сталъ расширяться, дѣлаться свѣтлѣе, туманъ поднялся и передъ взорами путниковъ открылась очаровательная перспектива пролива Магдалины. Пролитъ этотъ устьянъ множествомъ острововъ, что придаетъ ему живописный видъ; а вдали ясно видны Кордильеры съ великолѣпною горой Сарміенто.

Фарватеръ пролива хорошо изслѣдованъ и нанесенъ на карту. Есть острова опасные, усаженные подводными скалами, точно иг-

лами, но есть и такіе, у которыхъ основаніе прямо опускается въ море какъ стѣна. Къ такимъ островамъ судно пристаеъ вплотную, прикрѣпляется веревками къ деревьямъ и пассажиры, тоже цѣпляясь за деревья, на подобіе обезьянъ, могутъ взбираться на вершину острова, если пожелаютъ.

Покончивъ со всѣми каналами и корридорами, Бигль наконецъ распростился съ Огненной Землей и вышелъ въ Тихій Океанъ.

Берегъ, въ виду котораго шелъ бригъ, постоянно закутывался въ туманъ. Темныя, клочковатыя тучи быстро неслись черезъ горы, скрывая ихъ отъ глазъ путешественниковъ. По временамъ онѣ разрывались и открывали цѣлую панораму зубчатыхъ вершинъ, снѣжныхъ конусовъ, голубыхъ ледниковъ, спускающихся подобно окаменѣлымъ Ніагарамъ до самаго моря. Потомъ все снова обращалось въ одно сѣрое грязное пятно, сливающееся съ небомъ и моремъ.

На слѣдующее утро туманъ разсѣлся окончательно и величественная гора Сарміенто открылась во всей своей красѣ. Эта высочайшая гора покрыта отъ самой подошвы дремучимъ лѣсомъ, за предѣлами котораго лежитъ никогда не тающій снѣгъ. Благодаря обилію свѣта, отраженнаго снѣжною вершиною, всѣ малѣйшія очертанія горы отчетливо видны.

Встать на якорь въ этомъ мѣстѣ не удалось; море было такъ глубоко, что якорь не досталъ дна. Пришлось удалиться отъ береговъ и выйти въ открытое море.

Глава XII.

Центральное Чили.

или, какъ можно видѣть на географической картѣ, представляетъ узкую полосу земли, которая идетъ отъ Магелланова пролива до 24° южной широты. Ширина этой полосы, заключенной между Кордильерами и Тихимъ океаномъ, равняется тремъстамъ, а длина 753,000 квадратныхъ километровъ—пространство, повидимому, не маленькое, еслибъ оно все годилось для обработки. На дѣлѣ же выходитъ, что въ южной части края слишкомъ сыро, а въ сѣверной слишкомъ сухо и одна только средняя часть вполне удовлетворяетъ условіямъ культуры, а потому она прекрасно воздѣлана и густо заселена.

Юня 23-го, поздно вечеромъ, Бигль пришелъ въ Вальпарайзо, главный приморскій городъ Чили. Синее небо, яркое солнце, сухой воздухъ, словомъ вся окружающая при-

рода послѣ мрачной и туманной Огненной Земли показалась путешественникамъ восхитительною. Видъ города Вальпарайзо съ моря очень оригиналенъ. Онъ расположенъ у подошвы предгорія и идетъ, вдоль залива, извилистою линіею, пересѣкаемою кое-гдѣ оврагами и лощинами, по бокамъ которыхъ въ тѣни деревьевъ ютятся домики. Предгорія не сплошь покрыты зеленью; мѣстами обнажается почва краснаго цвѣта, которая, перемежаясь съ яркою зеленью и ослѣпительно бѣлыми домиками, представляетъ оригинальную пеструю картину. Въ сѣв.-вост. направленіи видѣются Кордильеры, которыя кажутся еще величественнѣе, если смотрѣть на нихъ съ сосѣднихъ холмовъ. Особенно великолѣпенъ вулканъ Аконкагва, превосходящій высотой Чимборазо. Когда солнце, погружаясь въ океанъ, послѣдними лучами золотитъ вершины, нижнія части начинаютъ принимать самые разнообразныя оттѣнки — отъ розовато-лиловаго до синяго и чернаго включительно. По мѣрѣ опусканія солнца, цвѣта быстро мѣняются, такъ что кажется, будто они переливаются.

Втеченіи девяти мѣсяцевъ здѣсь не бываетъ дождя, а тотъ, который выпадаетъ въ три зимніе мѣсяца, быстро испаряется, а потому большія деревья можно встрѣтить только въ лощинахъ; на предгоріяхъ же и равнинахъ прозябаютъ больше кустарники и травянистыя растенія. За то цвѣты великолѣпны. Они такъ сильно пахнутъ, что если

пройдешь мимо, то платье надолго удерживаетъ запахъ.

Горные склоны, обращенные къ югу, изобилуютъ большими лѣсами; нижнія же части покрыты толстымъ слоемъ раковинъ, что служить лучшимъ доказательствомъ поднятія прибрежья изъ нѣдръ океана. Частью, раковины лежатъ на поверхности; частью покрыты землею, образовавшеюся изъ перегнившей морской тины, содержащей множество органическихъ остатковъ.

Задумавъ сдѣлать экскурсію въ ближайшія горы, Дарвинъ поѣхалъ по живописной Килотской долинѣ съ разбросанными по ней домиками, утопающими въ апельсиновыхъ рощахъ.

Домики чилійскихъ помѣщиковъ чрезвычайно напоминаютъ наши помѣщичьи усадьбы средней руки: три комнаты внизу и мезонинъ. Только у насъ постройки эти сложены изъ бревенъ, а здѣсь изъ досокъ, прибитыхъ къ бревенчатому остову. На мезонины не полагается даже и досокъ; просто клѣтка изъ бамбука, замазанная глиной. Когда эти домики строятся, то невольно является вопросъ: не курятники ли это? Трудно повѣрить, что въ подобныхъ клѣткахъ будетъ жить человекъ.

Чилійцы занимаются земледѣіемъ съ помощью орошенія и достигаютъ блестящихъ результатовъ. Безъ орошенія въ этомъ сухомъ климатѣ ничего не вырастетъ. Кромѣ участка въ долинахъ, каждый земледѣлецъ

имѣть еще горный участокъ для пастбищъ. Стада находятся тамъ безвыходно и только разъ въ годъ пригоняются внизъ, гдѣ ихъ пересчитываютъ, сортируютъ и мѣтятъ.

«Топографія Чили,—говоритъ Дарвинъ,—чрезвычайно напоминаетъ топографію Огненной Земли съ тою разницею, что тамошніе заливы и проливы замѣняются здѣсь долинами и лощинами. Когда вѣется по лощинамъ туманъ, оставляя открытыми холмы и горы, то иллюзія является полнѣйшая».

Переночевавъ въ одной гаціендѣ и взявъ проводника со свѣжими лошадьми, Дарвинъ направился къ горѣ Кампана (колоколь) съ намѣреніемъ подняться на эту громаду въ 6,000 футовъ вышины. Дорога была прескверная, но видъ мѣстности съ избыткомъ вознаградила за трудъ. На сѣверномъ склонѣ росли только кустарники, на южномъ попался бамбукъ въ 15 футовъ вышины и нѣсколько пальмъ. Эти пальмы имѣли странный веретенообразный стволъ—внизу и вверху тоньше, въ срединѣ толще. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Чили эти уродливыя пальмы растутъ въ изобиліи. Изъ нихъ выдѣлываютъ патоку и потому ими очень дорожатъ. Процессъ добыванія патоки очень простъ. Весною, т. е. въ августѣ, рубятъ деревья и валятъ на землю въ наклонномъ положеніи. Потомъ спиливаютъ крону и сокъ начинаетъ капать изъ вершины въ поставленный сосудъ. Длится это по нѣскольку мѣсяцевъ; въ жаркое время сокъ течетъ обильнѣе, необходимо

только ежедневно срѣзать тонкій слой древесины съ того мѣста, откуда сокъ течетъ, иначе онъ засыхаетъ. Сокъ этотъ скоро густѣетъ и вкусомъ, дѣйствительно, напоминаетъ патоку.

Встрѣтивъ на пути чистый ручей, Дарвинъ съ проводникомъ остановились, разсѣдали лошадей и приготовились здѣсь заночевать. Воздухъ былъ до того прозраченъ, что мачты кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ гавани Вальпарайзо, отчетливо вырисовывались на горизонтѣ. Закатъ солнца былъ великолѣпенъ, въ долинахъ уже стемнѣло, а вершины удерживали еще розоватый отгѣнокъ.

Послѣ заката солнца путешественники развели костеръ и стали жарить кусочки сушеннаго мяса, наслаждаясь чистымъ благоуханнымъ вечернимъ воздухомъ.

На слѣдующее утро Дарвинъ добрался до вершины горы. Глазамъ его представилась громадная каменная глыба, растрескавшаяся во всѣхъ направленіяхъ. Трещины казалось имѣли различную давность; одни были густо покрыты лишаями, другія начинали только покрываться ими, третьи были совершенно голы. Съ перваго взгляда казалось, что разрушеніе скалъ произведено землетрясеніемъ въ различное время, но когда Дарвину случилось увидать тоже явленіе на горѣ Виллингтонъ въ Вандименовой землѣ, гдѣ землетрясеній не бываетъ, онъ убѣдился, что первоначальное его предположеніе ошибочно. Трещины были, конечно, слѣдствіемъ геоло-

гического переворота, но это случилось нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ.

«Цѣлый день провелъ я на вершинѣ, — пишетъ Дарвинъ, — и не переставалъ восхищаться. Узкая полоса Чили, между Кордильерами и Тихимъ океаномъ видна была, какъ на ладони. Глядя на поперечную цѣпь Кампаны, раздѣленную воздѣланными долинами, невольно являлся вопросъ: сколько времени потребовалось на то, чтобы размельчить горныя породы въ долинахъ и обратить ихъ въ плодородную землю. Если-бы собрать осадочные, хрящеватые слои Патагоніи и нагромоздить ихъ на Кордильеры, съ которыхъ они осыпались, Кордильеры повысились бы на многія тысячи футовъ. Представляя себѣ гигантскую работу вѣковъ, невольно проникаешься благоговѣніемъ къ величію Творца и сознаніемъ собственнаго своего ничтожества.

«Видъ Кордильеръ не таковъ, какого я ожидалъ. Линія снѣга идетъ довольно ровною полосой, а надъ нею лежитъ голая вершина, тоже ровная, по мѣстамъ прерываемая группами остроконечныхъ верхушекъ, или одинокимъ конусомъ остывшаго вулкана. Вся цѣпь походитъ на большую плотную стѣну, кое-гдѣ увѣнчанную сторожевыми башнями.

«Предгорія и холмы сильно изрыты золотоискателями. Эта страсть развита здѣсь до такой степени, что едва-ли найдется одно мѣсто, нетронутое шупомъ рудокопа. Я провелъ вечеръ, какъ обыкновенно, бесѣдуя вокругъ огня съ моими проводниками. Здѣш-

нѣ гуассо совсѣмъ не похожи на гаучосовъ Пампасовъ. Они болѣе цивилизованы и, пожалуй, на нихъ больше можно положиться, но въ нихъ нѣтъ той симпатичной простоты, той удали, того рыцарства, которые отличаютъ гаучосовъ. Соціальныя отличія здѣсь гораздо больше разграничены; гуассо ни за что не стануть ѣсть изъ одной чашки съ хозяиномъ. Въ гащендахъ вы уже не встрѣтите того патриархальнаго гостепріимства, при которомъ почитается оскорбленіемъ брать съ путника плату. На здѣшнихъ ночлегахъ вы найдете гораздо болѣе удобствъ, но хозяева не погнушаются платой. Даже богатые не откажутся отъ 2—3 шиллинговъ за ночлегъ и охотно возьмутъ какую-нибудь бездѣлицу «на память».

«Въ эффектности костюма гуассо не могутъ соперничать съ жителями пампасовъ. Главное щегольство ихъ состоитъ въ шпорахъ величины необычайной. Я вымѣрялъ одну; она имѣла въ діаметрѣ колесо въ 6 дюймовъ, а въ самомъ колесѣ было 30 спицъ. Стремена соотвѣтствуютъ шпорамъ; послѣднія состоятъ изъ обтесаннаго куска дерева въ 3—4 фунта вѣсомъ. Арканъ или лассо употребляются также и здѣсь, но шары неизвѣстны».

Августа 28-го путешественники спустились съ горы и миновали нѣсколько красивыхъ пейзажей съ журчащими ручейками и тѣнистыми рощами. Проѣхали городъ Килоту *),

*) Вальпараисо и С.-Яго соединены теперь желѣзною дорогою и Килота сдѣлалась моднымъ курортомъ вроде Ба-Видеа.

утопающую въ садахъ. Деревья были въ полномъ цвѣтѣ и надъ этимъ моремъ блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ, высились темно-зеленая кроны финиковыхъ пальмъ, что было чрезвычайно эффектно. Миновали Санъ-Фелиппе такой-же красивый городокъ, какъ Килота, но нѣсколько больше. Отсюда долина идетъ, расширяясь и, достигая подошвы горъ, представляетъ уже равнину.

На третій день путники достигли рудниковъ Яхуэль, гдѣ Дарвинъ пробылъ пять дней. Въ противоположность кипучей дѣятельности англійскихъ рудниковъ, здѣсь все показалось ему мертво и скучно. Здѣсь не было плавильныхъ печей, дымъ которыхъ затемняетъ солнце, а жерло напоминаетъ врата ада. Добытая мѣдная руда грузилась на корабли и отправлялась для продажи въ другое мѣсто.

Чилійское правительство всячески поощряетъ отыскиваніе рудниковъ. Всякій можетъ дѣлать изысканія, гдѣ ему вздумается, даже въ чужомъ саду. Отыскавъ руду, онъ имѣетъ право ее разрабатывать, заплативъ только 5 шиллинговъ налога. Ни одинъ хозяинъ не обезпеченъ отъ вторженія непрошеннаго золотоискателя. Прогнать его онъ не имѣетъ права. Поневоѣ приходится покориться, или войти въ сдѣлку.

Первобытный способъ обработки руды и невѣжество пріисковыхъ распорядителей поражали Дарвина, привыкшаго къ образцовой постановкѣ этого дѣла въ Англии. Чилій-

скіе рудокопы не знали даже о присутствіи мѣди въ мѣдномъ колчеданѣ и продавали его за безцѣнокъ англичанамъ. Какъ всѣ невѣжественные люди они смѣялись надъ болѣе образованными англичанами, а послѣдніе, въ свою очередь, смѣялись и, вполнѣ основательно, надъ чилійцами. Такая же отсталость сказывалась и во всемъ остальномъ; набравшуюся въ шахты воду, напримѣръ, не выкачивали, а черпаками наливали въ турсуки, то есть кожаные мѣшки, и таскали наверхъ.

Трудъ рудокоповъ былъ по истинѣ каторжный. За исключеніемъ времени, необходимаго для ѣды, они работали съ зари до зари, получая за это ничтожную плату и скудные харчи. Къ завтраку имъ давалось 16 фигъ и два маленькихъ хлѣбца на чело-вѣка; къ обѣду—варенные бобы, къ ужину—поджаренная пшеничная крупа; мяса они почти что не видали. Люди, работавшіе на большой глубинѣ, получали большую сравнительно плату и сушеное мясо. Но за то эти несчастные по двѣ и по три недѣли не видали солнечнаго свѣта.

Въ первые дни Дарвинъ бродилъ по окрестнымъ горамъ, встрѣчая и здѣсь какъ въ Кампанѣ, растрескавшіеся утесы, сухіе и безплодные. Въ иныхъ мѣстахъ попадался кустарникъ и особый видъ шаровиднаго кактуса.

«Сильный снѣгъ, вышавшій въ горахъ,—пишетъ Дарвинъ,—помѣшалъ мнѣ дѣлать экскурсіи за послѣдніе два дня. Мнѣ хотѣ-

лось посѣтить озеро, которое, по мнѣнію туземцевъ, соединено съ моремъ подземнымъ каналомъ. Думали, было, провести изъ озера каналъ для снабженія рудниковъ водою, но патеры увѣрили народъ, что этимъ путемъ хлынетъ море и затопитъ страну. Патерамъ народъ вѣрить, а патеры, къ сожалѣнію, люди невѣжественные, способные скорѣй задерживать развитіе, чѣмъ содѣйствовать ему.

«Добраться до озера мнѣ не удалось. На извѣстной высотѣ снѣгъ былъ такъ глубокъ, что лошади увязали и мы рисковали потерять ихъ. Возвращеніе назадъ было не безопасно. Лошади прыгали съ сугроба на сугробъ, падали и легко могли сломать себѣ ноги, или задавить всадника. Нависли темныя тучи, угрожавшія бурей, а бѣжать скорѣе не было физической возможности. Добравшись до подошвы, мы оглянулись назадъ и возблагодарили Господа. Вверху началась уже вьюга и случись она двумя часами раньше, наше положеніе было бы незавидное».

На слѣдующій день Дарвинъ покинулъ Яхуэль и направился въ С.-Яго, столицу Чили. День былъ настоящій чилійскій: ослѣпительно яркій при совершенно чистомъ воздухѣ. Блестящій покровъ свѣжевыпавшаго снѣга придавалъ величайшей изъ горъ Аконкагуа и всему горному хребту особенно нарядный видъ. Переправившись черезъ Сьерра дель-Тальгуэнъ, путники остановились на ночлегъ въ маленькомъ ранчо, хозяинъ котораго выражался о своемъ отечествѣ очень

неуважительно. «Кто видитъ двумя глазами, кто однимъ, а Чили такъ ничего не видитъ», — говорилъ онъ.

Переваливъ черезъ нѣсколько невысокихъ предгорій, путники спустились на равнину Гюиторнъ.

Эта равнина, круглой формы, несомнѣнно была прежде озеромъ. Растительность въ ней довольно бѣдна; кой гдѣ виднѣются акаціи, никогда не встрѣчающіяся на морскомъ берегу. Переправившись черезъ кряжъ, замыкающій Гюиторнъ, Дарвинъ увидѣлъ С.-Яго, расположенный на берегу рѣки Майпачо у подножія горы. Позлащенные заходящимъ солнцемъ вершины окружали, подобно вѣнцу, столицу Чили. Полюбовавшись этой картиной, путники двинулись далѣе и засвѣтло прибыли въ городъ.

Англійскіе купцы, поселившіеся въ С.-Яго, приняли Дарвина чрезвычайно радушно и старались доставлять ему всякія удобства и развлеченія. Въ теченіи недѣли онъ хорошо успѣлъ осмотрѣть городъ и окрестности, для чего даже не нужно было утомлять себя поѣздками. Посреди самого города возвышается огромный утесъ С.-Люція, составляющій одну изъ достопримѣчательностей С.-Яго. Этотъ колоссальный утесъ, сажень въ 25 вышины и въ версту длины, былъ когда-то крѣпостью. Первый завоеватель Чили, Вальдивія, устроилъ на немъ укрѣпленный лагерь, и отсюда совершалъ набѣги на другія части Чили, населенныя въ то время индѣй-

цами. Впослѣдствіи, когда индѣйцы были покорены и усмирены, вокругъ скалы стали строиться домики, и такимъ образомъ возникъ городъ. Его крѣпость потеряла значеніе и скала была заброшена.

Много лѣтъ спустя, нѣкто Мартинесъ, вздумалъ заняться этой скалой и устроить здѣсь гулянье. Затѣя эта стоила ему громадныхъ денегъ, но удалась на славу. Скала обратилась въ великолѣпный паркъ съ причудливыми сооруженіями и красивыми аллеями. Особенно красивы аллеи изъ перечныхъ деревьевъ съ золотистой листвою и ярко красными плодами. Широкая дорога для экипажей, извиваясь по краю обрыва, ведетъ къ театру, построенному на самомъ возвышенномъ пунктѣ скалы. Но какъ ни эффектно это гулянье, его красоты блѣднѣютъ въ сравненіи съ видомъ, который открывается на окрестность съ безчисленныхъ терассъ и площадокъ, устроенныхъ, какъ бы случайно на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Отсюда, словно въ рамкѣ изъ густой зелени, развертываются очаровательные виды на рѣки, долины, горы съ снѣжными вершинами и все это залито моремъ свѣта: солнечнымъ—днемъ, луннымъ—ночью.

Сентября 5-го. Дарвинъ выѣхалъ изъ С.-Яго, чтобы возвратиться въ Вальпарайзо уже другимъ путемъ. Около полудня путешеники доѣхали до висячаго моста, переброшеннаго черезъ Майну, большую шумную рѣку, протекающую въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ С.-Яго. Было бы правильнѣе

назвать эти мосты костоломными, такъ какъ ни одинъ проѣзжающій по нимъ не можетъ поручиться за цѣлость своихъ костей. Представьте себѣ канаты, перекинутые съ одного берега на другой, и по нимъ настилку изъ фашинника безъ признака перилъ. Канатъ силою своей тяжести образуетъ на срединѣ рѣки сильный изгибъ и всадникъ долженъ продѣлывать маневръ спуска съ покатости и подъема на нее. При этомъ отъ тяжести лошади и всадника мостъ качается какъ пружинный матрацъ, а сквозь раздвинувшіяся фашины зияетъ kloкочущій потокъ. Единственный исходъ — закрыть глаза, опустить поводья и довѣриться инстинкту лошади. Благородное животное вынесетъ.

Путники ночевали въ уютной гашиендѣ и Дарвинъ препріятно провелъ вечеръ въ семьѣ хозяина, у котораго были хорошенькія дочки. Сенориты и ихъ подруги пришли въ ужасъ, узнавъ, что гость ихъ не католикъ, и очень удивились, услышавъ, что протестанты тоже христіане. Онѣ думали, что не католики всѣ язычники и ужасно смѣялись, когда Дарвинъ рассказывалъ имъ, что протестантскіе священники и епископы женятся и имѣютъ семьи. «Даже епископы! — восклицали онѣ. Не можетъ быть! Вы насъ морочите».

Слѣдующую ночь путники провели въ мѣстечкѣ Ранкагуа. Дорога шла по узкой долинкѣ, окаймленной горами. Приходилось переѣзжать нѣсколько рѣчекъ, выбирая способъ переправы или черезъ висячій мостъ,

или посредствомъ брода. Въ эту пору вода была невысока и Дарвинъ предпочелъ бродъ. Но и этотъ способъ не былъ особенно пріятенъ. Рѣчки не глубоки, но порожисты, теченіе быстро; того и гляди, что снесетъ лошадь, или она поскользнется на камнѣ и упадетъ, или самъ упадешь отъ головокруженія. И здѣсь приходится закрыть глаза и отдаться на волю Божію. По большей части переправа обходится благополучно.

Путь шелъ по долинѣ рѣки Чачапуэль, такъ называемой великой чилийской долинѣ, обильно заселенной. Мало-по-малу долина начала суживаться и, наконецъ, до того стѣснила рѣку, что рѣка запрыгала каскадами, вырываясь съ шумомъ изъ узкой щели, гдѣ она пробуравила себѣ русло. Дорога пошла въ гору, извиваясь по обрывамъ и огибая пропасти. На половинѣ подъема, то есть на 400-саженной высотѣ, находятся знаменитые въ Чили минеральные ключи и при нихъ водолѣчебное заведеніе. Гора въ этомъ мѣстѣ образуетъ обширную площадку, на которой, въ тѣни роскошныхъ деревьевъ, расположено длинное одноэтажное зданіе—гостинница для пріѣзжающихъ.

Гостинница выстроена на испанскій ладъ: множество квадратовъ съ комнатами, и внутри ихъ дворики—патіо, которые служатъ публикѣ салонами. Нѣсколько пониже, тамъ, гдѣ горячій цѣлебный источникъ вырывается изъ скалы, устроено купальное заведеніе.

Какъ разъ противъ этого мѣста, рѣка

Чачапудель разбѣгается по двумъ лощинамъ и охвативъ словно двумя руками довольно обширную скалу, сливается вновь. На этой скалѣ устроенъ садъ, который соединенъ съ водолѣчебнымъ заведеніемъ легонькимъ проволочнымъ мостикомъ, висящимъ надъ головокругоужительною пропастью.

Черезъ одну изъ этихъ лощинъ проникъ въ Чили знаменитый разбойникъ Пинчейра и опустошилъ окрестную страну. Это тотъ самый легендарный Пинчейра, который разбойничалъ у Рио-Негро и противъ котораго ополчился генераль Розасъ. Этотъ ренегатъ полуиспанскаго происхожденія собралъ большую шайку индѣйцевъ и засѣлъ въ пампасахъ на берегу какой-то рѣки. Ни одинъ изъ посланныхъ противъ него отрядовъ не могъ отыскать его. Изъ этого пункта онъ, обыкновенно, дѣлалъ вылазки и перебравшись черезъ Кордильеры, по извѣстнымъ ему одному проходамъ, нападалъ на фермы и угонялъ скотъ.

Пинчейра былъ отличный наѣздникъ и обаяніе его, какъ атамана было громадное. Стоило ему мигнуть и массы шли за нимъ безпрекословно. Въ случаѣ послушанія, расправа его была коротка. Ни разговорамъ, ни полумѣрамъ не было мѣста; револьверъ въ руки и человекъ готовъ.

Водолѣчебное заведеніе съ его горнымъ здоровымъ воздухомъ, съ его живописнымъ мѣстоположеніемъ привлекаетъ много посѣтителей. Одни ѣдутъ лѣчиться, другіе —

веселиться. Въ настоящее время, вплоть до подножія горы идетъ желѣзная дорога. Какъ труденъ былъ этотъ путь во времена Дарвина, мы уже видѣли. Понятно, что при такихъ условіяхъ больныхъ съѣзжалось мало и, тогдашній курортъ представлялъ изъ себя не болѣе какъ ничтожный поселокъ, съ нѣсколькими хижинами бѣдно обставленными. Минеральные ключи текутъ по неровной мѣстности, состоящей изъ горныхъ породъ, явно изобличающихъ дѣйствіе огня. Значительное количество газа постоянно выделяется изъ отверстій вмѣстѣ съ водою. Хотя ключи отстоятъ другъ отъ друга всего на нѣсколько сажень, температура ихъ весьма различна. Это, вѣроятно, происходитъ отъ примѣси холодной воды, потому что наименѣе теплые ключи почти не имѣютъ минеральнаго вкуса. Послѣ великаго землетрясенія 1822 года, источники вдругъ изсякли и не вытекали почти цѣлый годъ.

Дождь задержалъ Дарвина у горячихъ ключей на пять дней. Выѣхавъ 13-го сентября, онъ поднялся нѣсколько выше, до того пункта, гдѣ уже не растутъ деревья. За ущельемъ Чачапуэль лѣсъ замѣтно сталъ рѣдѣть и, наконецъ, смѣнился безплодными каменистыми глыбами, на которыхъ кое-гдѣ между осыпавшимся щебнемъ росли укари—деревья изъ породы дубовъ. Это дерево растетъ только въ этомъ районѣ Кордильеръ. Оно красиво, развѣсисто, имѣетъ густую темно-зеленую крону, расцвѣченную ярко-крас-

ными плодами, вродѣ желудей, и могло-бы служить желаннымъ пріютомъ путнику, изнемогающему отъ зноя, еслибъ не пользовалось печальной извѣстностью; его испаренія ядовиты и человекъ, привлеченный его тѣнью, можетъ заснуть подъ нимъ и никогда не проснуться. Это то самое дерево, которое подъ именемъ Манзанилья, растетъ въ изобиліи на Панамскомъ перешейкѣ и по берегамъ Колумбін; тамъ, оно дѣйствительно, ядовито. Здѣсь же зловредность его преувеличена воображеніемъ туземцевъ. Въ дѣйствительности же испаренія укари рѣдко убиваютъ и слѣдствіемъ отравленія является только страшная головная боль и рвота.

Тамъ, гдѣ прекращается древесная растительность, начинается появляться кактусъ, разрастаясь особенно обильно по горнымъ скатамъ, усыпаннымъ щебнемъ, при полномъ отсутствіи влаги. Формы кактуса до нельзя причудливы и разнообразны. Одинъ достигаетъ двухъ-трехъ сажень вышины, другой—стелется по землѣ змѣеобразно извиваясь, или торчитъ колючимъ клубкомъ гдѣ-нибудь между камнями. Онъ очень красивъ въ то время, когда снизу доверху покрытъ ярко красными, или малиновыми цвѣтами. Поближе къ экватору есть древовидный кактусъ, дающій хорошее топливо. Другой кактусъ даетъ питательные плоды, которые очень цѣнятъ индѣйцы. Въ Чили также встрѣчается этотъ плодоносный кактусъ, но за изобиліемъ другихъ плодовъ на него не обращаютъ вниманія.

Много вреда приносить кактусу кошениль — микроскопическій червячекъ, изъ котораго дѣлають красную краску. Кошениль очень любитъ это сочное растеніе, грызеть его а иногда совершенно обгладываетъ.

Въ старину, въ эпоху борьбы колонистовъ съ индѣйцами, кактусами обсаживали заборы, окружающіе дома. Разростаясь, растенія переплетались своими колючими отростками такъ плотно, что образовывали непроницаемую стѣну. Еще и теперь въ пампасахъ Аргентины встрѣчаются остатки подобныхъ насаждений.

Сентября 13-го Дарвинъ оставилъ горячіе ключи и двинулся на С. Фернандо — въ 40 миляхъ отъ С. Яго. Дальше этого пункта онъ не ѣздилъ и повернулъ на западъ къ морю. Четыре дня онъ провелъ у американца Никнсенъ, разрабатывавшаго золотые россыпи Яквиля. Пріиски находились недалеко отъ озера Тагватагва, извѣстнаго своими оригинальными плавающими островами. Эти острова образовались изъ стеблей различныхъ водорослей, спутанныхъ вмѣстѣ, и на этой то почвѣ посѣялись и пустили корни другія растенія. Форма острововъ обыкновенно круглая и тол-

Кактусы.

шина, постоянно нарастая, доходить у иных до 6 футовъ. Острова сидятъ довольно глубоко въ водѣ, и при тихой погодѣ кажутся неподвижными. Но только что подуетъ вѣтеръ, острова сдвигаются съ мѣста и переплываютъ съ одного конца озера на другой, часто перенося съ собой случайныхъ пассажировъ, людей, коровъ и лошадей.

Положеніе рабочихъ на приискахъ Яквилъ было такое-же тяжелое, какъ и на прежде посѣщенныхъ рудникахъ. Они поражали блѣдностью и изнуреннымъ видомъ.

Чтобы рабочіе не воровали золота, здѣсь введена круговая порука. Украденное оцѣнивается и сумма раскладывается на всѣхъ рабочихъ. Такимъ образомъ рабочіе, ради огражденія собственныхъ интересовъ должны слѣдить другъ за другомъ.

Обработка руды производится и здѣсь первобытнымъ способомъ. Измельченную въ порошокъ руду промываютъ въ лоткахъ текучею струею воды; илъ уносится въ нарочно устроенную яму, болѣе тяжелыя частицы золота осѣдаютъ на дно лотка. Отъ времени до времени илъ изъ ямы вынимаютъ, складываютъ въ кучи и подвергаютъ дѣйствию воздуха, подъ вліяніемъ котораго каменистыя частицы вывѣтриваются, освобождая заключенныя въ нихъ частицы золота; различныя соли кристаллизуются и выходятъ наружу; такимъ образомъ получается еще извѣстное количество золота. Процессъ этотъ повторяется до тѣхъ поръ, пока количество добы-

ваемаго металла настолько значительно, что можетъ оплатить трудъ.

Случилось однажды, что партія рудокоповъ, неимѣвшихъ работы, получила позволеніе разработать заброшенные и истощенныя кучи ила. Въ короткое время эти рабочіе промыли золота на 30 долларовъ *).

Въ лабораторіяхъ природы происходитъ также работа, но въ грандіозныхъ размѣрахъ. Горы разрушаются, металлоносныя жилы измельчаются и уносятся водою, металлы окисляются. Но золото, серебро и платина не подвергаются измѣненіямъ, почему они и называются благородными металлами. Они выделяются изъ разрушенныхъ породъ и являются въ новыхъ соединеніяхъ. Прячась въ нѣдрахъ земли, благородныя металлы какъ-бы сохраняютъ себя для человѣка, предоставляя ему розыскивать ихъ...

Какъ ни тяжелъ трудъ рудокопа, но трудъ земледѣльца еще тяжелѣе. Въ Чили много крупныхъ землевладѣльцевъ, но еще больше людей, совсѣмъ безземельныхъ, по здѣшнему — инквилиновъ. Этимъ инквилинамъ помѣщикъ даетъ землю, жилище и за это инквилинъ долженъ работать на помѣщика три дня въ недѣлю, — совершенно такъ, какъ у насъ во время крепостного права. Хотя инквилинъ свободенъ и можетъ уйти, если пожелаетъ, но въ дѣйствительности эта свобода чисто фиктивная. Ничтожный клочекъ, который онъ обра-

* 50 р. на наши деньги.

ботывается, не доставляетъ ему необходимыхъ для жизни продуктовъ. Обращаясь за помощью къ помѣщику, инквилинъ постоянно у него въ долгу и, не выплативши этого долга, никуда уйти не можетъ.

На дѣлѣ выходитъ, что Чилійскій инквилинъ гораздо болѣе закрѣпощенъ, чѣмъ нашъ русскій крестьянинъ. Случается, что для отработки долга хозяинъ посылаетъ инквилина въ отхожіе промыслы. Хорошо, если у инквилина есть сынъ или помощникъ, который можетъ замѣнить его въ собственномъ хозяйствѣ; иначе его участокъ остается невоздѣланнымъ и, по возвращеніи, онъ терпитъ страшную нужду.

У Нинсена Дарвинъ познакомился съ нѣмецкимъ натуралистомъ Ренусомъ и однимъ адвокатомъ. Эти два господина, вполне увѣренныя, что англичанинъ не понимаетъ по-испански, вели презабавный разговоръ.

— Не странно-ли, — говорилъ адвокатъ, — что англійскій король посылаетъ сюда своихъ подданныхъ для собиранія какихъ-то ракушекъ и раздробленія камешковъ?

— А вы думаете, что это не просто? — спросилъ Ренусъ съ напускной серьезностью.

— О, конечно. Здѣсь есть какая нибудь затаенная цѣль. Не стануть-же посылать человека такъ далеко за собираніемъ всякой дряни; вѣдь путешествіе стоитъ денегъ. Еслибъ кто нибудь изъ насъ отправился въ Англію для этой цѣли, развѣ англійскій король не прогналъ-бы его оттуда.

Ренусъ сообщилъ Дарвину, что въ бытность свою въ С. Фернандо, года два тому назадъ, онъ вздумалъ оставить въ одномъ домѣ нѣсколько гусеницъ, поручивъ прислугѣ кормить ихъ, чтобы онѣ могли превратиться въ бабочекъ. Слухъ объ этомъ разнесся по городу и патеры, сообщая съ губернаторомъ рѣшили, что тутъ кроется какая нибудь ересь. Вслѣдствіе этого, Ренусъ, по возвращеніи, былъ арестованъ.

Оставивъ 19-го сентября Яквилъ, путники поѣхали по плоской долинѣ, пересѣкаемой рѣкою Тиндерилика. Благодаря обилію влаги, здѣсь встрѣчаются прекрасныя пастбища, не нуждающіяся въ орошеніи. Вскорѣ долина перешла въ равнину, которая, по мѣрѣ приближенія къ горамъ, дѣлалась все болѣе и болѣе каменистою и бесплодною. Въ крутыхъ скалахъ, ограничивающихъ эту равнину со стороны моря, есть нѣсколько большихъ пещеръ, очевидно промытыхъ водами. Въ одной изъ нихъ устроена часовня.

Дальше къ западу пошли зеленныя равнины, по которымъ путники ѣхали до 22 сентября. Чувствуя себя нездоровымъ, Дарвинъ долженъ былъ остановиться въ домѣ одного помѣщика на морскомъ берегу, гдѣ и пробылъ два дня, собирая морскія раковины. Сентября 27-го онъ прибылъ наконецъ въ Вальпарайзо совсѣмъ больной, тотчасъ-же слегъ и пролежалъ въ постели до конца октября.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ.

о чилийскихъ звѣряхъ и птицахъ. Довольно часто встрѣчается здѣсь пума, изъ породы кошекъ. Это животное имѣетъ широкое географическое распространеніе, начиная отъ экваторіальныхъ лѣсовъ и кончая Огненной Землей. Въ Кордильерахъ пума попадаетъ даже на высотѣ 10,000 ф. Въ Ла-Платѣ она пожираетъ преимущественно мелкихъ дикихъ животныхъ; въ болѣе населенномъ Чили истребляетъ много молодыхъ лошадей и рогатого скота. На людей, говорятъ, не нападаетъ, хотя нѣсколько случаевъ бывало.

Подкарауливъ добычу, пума вскакиваетъ ей на плечи и перегрызаетъ позвонки. Дарвину не разъ случалось находить скелеты гуанако съ поврежденными позвонками.

Наѣвшись до сыта, пума прикрываетъ остатки трупа вѣселяникомъ и ложится сторожить его; этимъ маневромъ онъ и выдаетъ себя. Кондоръ, увидавъ съ высоты прикрытый трупъ, норовитъ на него спуститься, но пума отгоняетъ его. Борьба продолжается иногда такъ долго, что охотники, замѣтивъ движенія кондора, успѣваютъ собрать партію и сдѣлать облаву. Пума попавшаяся въ распахъ, начинаетъ метаться; на нее накидываютъ арканъ и удушаютъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ пуму загоняютъ въ чащу и застрѣливаютъ или затравляютъ собаками. Собаки, употребляемыя для этой цѣли принадлежатъ къ особой породѣ, называемой леонеросами. Онѣ очень быстроноги и одарены хорошимъ чутьемъ. Пума, подобно лисинѣ,

очень хитра. Она подпускаетъ иногда собаку совѣтъ близко и передъ самымъ ея носомъ дѣлаетъ прыжокъ въ сторону. Если пумѣ удастся увернуться, она дѣлается чрезвычайно осторожна, никогда уже больше не сторожитъ добычи, и излѣвшись, уходитъ прочь. Голоса пумы почти не слышно, даже раненая, она не издаетъ звука.

Породы птицъ не особенно разнообразны. Буроватая «il tugo» величиною съ дрозда замѣчательна тѣмъ, что держитъ свой небольшой хвостъ вѣромъ какъ индюкъ и почти не летаетъ, а бѣгаетъ, быстро сѣменя своими тонкими высокими лапками съ узловатыми колѣнями.

Похожая на турко птичка «tapacolo» не только распускаетъ хвостъ, но еще прижимаетъ его къ спинѣ. Она водится у придорожныхъ канавокъ и каменистыхъ заборовъ. Она очень шумлива и поселяне увѣряютъ, что крикъ ея измѣняется, сообразно времени года.

Есть еще два вида колибри изъ которыхъ одинъ больше другого. Этотъ послѣдній видъ наиболѣе замѣчателенъ. Держась надъ цвѣткомъ, птичка то распускаетъ хвостъ, то сжимаетъ его и втеченіе нѣсколькихъ мгновеній паритъ почти неподвижно. Потомъ быстрымъ движеніемъ падаетъ на цвѣтокъ и высасываетъ медъ. Другой видъ колибри прежде чѣмъ опуститься на цвѣтокъ, красиво трепещетъ крылышками. Колеры этихъ птичекъ такъ ярки, что ихъ трудно

отличить отъ цвѣтовъ, на которыхъ онѣ сидятъ. Кромѣ меда онѣ питаются также насекомыми. Не смотря на крошечное тѣлце колибри крикъ ея чрезвычайно пронзительнъ.

ГЛАВА XII.

Чилоэ и острова Чоносъ.

Бригъ плылъ отъ Вальпорайзо къ югу, для изслѣдованія южной части Чили, острова Чилоэ и архипелага Чоносъ, до полуострова трехъ горъ. Ноября 21 бригъ сталъ на якорь въ бухтѣ С. Карлоса, столицы Чилоэ.

Островъ Чилоэ занимаетъ 90 миль въ длину и втрое меньше въ ширину. Онъ скорѣй холмистъ чѣмъ гористъ и за исключеніемъ нѣсколькихъ разчищенныхъ участковъ, покрытъ лѣсами. Климатъ въ немъ отвратительный: дожди, вѣтры и туманы почти не прекращаются. Благодаря такому обилію влаги, лѣса достигаютъ здѣсь громадныхъ размѣровъ и породы деревьевъ крайне разнообразны. Здѣсь можно встрѣтить сѣверную хвою и рядомъ съ нею растенія тропическихъ странъ.

Не смотря на подобную производительность почвы, хлѣбъ родится плохо. Для взрѣванія ему не достаетъ солнечнаго свѣта. Недостатокъ пастбищъ не позволяетъ жителямъ держать крупный скоть и главною пищею имъ служатъ свиньи, рыба и картофель. По наружности жителей можно предположить, что въ нихъ есть частица индѣйской крови, но ростомъ они не велики; одѣты чрезвычайно однообразно въ синюю шерстяную одежду, которую выдѣлываютъ сами, окрашивая ее въ индиго.

Въ самое послѣднее время островъ Чилоэ сдѣлался пунктомъ довольно оживленной торговли лѣсомъ, который здѣсь рубится и сплавляется въ Перу и Чили. Благодаря этому промыслу, туземцы уже не бѣдствуютъ какъ во время Дарвина, когда они не знали даже монеты и продукты пріобрѣтали мѣною, какъ дикари.

Предоставивъ шлюпку и китоловную лодку въ распоряженіе лейтенанта Сюлливана, капитанъ Фицъ-Рой поручилъ ему изслѣдовать восточный берегъ Чилоэ и, обогнувъ его съ южной стороны встрѣтить Бигль на западномъ берегу. Дарвинъ примкнулъ къ этой экспедиціи, но поѣхалъ не водой, а берегомъ, условившись съ Сюлливаномъ встрѣтиться на ночлегъ въ селеніи Чакао. Дорога шла берегомъ, но по мѣстамъ преграждалась лѣсистыми мысами, черезъ которые продѣланы были просѣки. Если бы не бревенчатая настилка, то эти просѣки

были-бы непроѣздимы, такъ какъ отъ постоянно господствовавшаго здѣсь мрака почва превратилась въ болото. Прибывъ въ Чакао, Дарвинъ нашелъ уже разбитыя палатки и своихъ товарищей, занятыхъ приготовленіемъ ужина.

Въ прежнее время Чакао былъ главнымъ портомъ города; но для этой цѣли онъ совсѣмъ не годился. У его скалистыхъ береговъ погибло много судовъ, въ особенности испанскихъ и испанцы, обозленные на жителей ни въ чемъ неповинныхъ, сожгли церковь и раззорили Чакао, а жители переселились въ С. Карлосъ. Чакао превратилось въ деревню съ домиками, живописно расположенными на разчищенныхъ полянкахъ среди лѣса.

Вскорѣ послѣ прибытія моряковъ явился къ нимъ въ лагерь босоногій сынъ губернатора. Увидавъ англійскій флагъ, онъ спросилъ, всегда-ли будетъ развѣваться этотъ флагъ надъ Чилоэ? Ему было, повидимому, совершенно все равно въ чьей власти находится его родина. Чтобы избѣжать ложныхъ толкованій, Сюлливанъ тотчасъ-же послалъ предупредить мѣстныхъ властей и объяснить причину прибытія англичанъ. Власти выказали чрезвычайную вѣжливость и губернаторъ явился съ визитомъ. Онъ служилъ когда-то полковникомъ въ испанской арміи, и теперь доживалъ свой вѣкъ въ большой бѣдности. На слѣдующій день онъ прислалъ гостямъ двухъ овецъ и

взамѣнъ получилъ два бумажныхъ платка, нѣсколько бездѣлушекъ и немного табаку. Вечеромъ, моряки, ради забавы, жгли лѣсной фейерверкъ. Положивъ кусокъ смоляного каната подъ дерево, зажгли его и отбѣжали прочь. Въ одинъ мигъ дерево вспыхнуло и затрещало, разбрасывая искры; за нимъ другое, третье, и наконецъ вся группа. Затѣмъ огонь потухъ, также быстро, какъ вспыхнулъ. Такая иллюминація очень красива и не приноситъ дереву вреда; иначе она была бы варварскою забавою. Огонь пожираетъ только смолистую листву; самое же дерево настолько пропитано сыростью, что даже срубленное, оно требуетъ продолжительной просушки, чтобы годиться на дрова. Въ первые дни послѣ фейерверка, деревья имѣютъ оголенный печальный видъ; но потомъ они вновь покрываются листвою.

Все слѣдующее утро шелъ проливной дождь. Наконецъ онъ прекратился и экспедиція двинулась далѣе, моряки водою, Дарвинъ — берегомъ. Видъ восточнаго берега очень однообразенъ: онъ плоскій, лѣсистый, изрѣзанный заливами. Кой-гдѣ виднѣются расчищенные участки вокругъ хижинъ съ остроконечными кровлями.

Двадцать шестого числа день былъ великолѣпный. Кордильеры, почти всегда закутанные туманомъ, очистились. Изъ вулкана Озорно густыми клубами валить дымъ. Впереди Кордильеръ выдвигалась, въ формѣ конуса, эта великолѣпная гора въ ослѣпи-

тѣломъ бѣломъ покровѣ. Изъ огромнаго жерла другого вулкана съ сѣдлообразною вершиною тоже, вились струйки дыма. Такимъ образомъ путешественникамъ посчастливилось увидать сразу два дѣйствующихъ вулкана и еще нѣсколько конусовъ не дѣйствующихъ.

Видимыя отсюда Кордильеры далеко не такъ высоки, какъ тѣ, которыя видны изъ Чили. Длинная цѣпь горъ кажется, вслѣдствіе оптического обмана, выгнутою, тогда какъ она идетъ съ сѣвера на югъ въ прямомъ направленіи.

Въ полдень, на привалѣ, путешественники встрѣтили семью, которую, по темно красному цвѣту кожи, можно было принять за индѣйцевъ, хотя по складу лица эти люди напоминали европейцевъ. Очень можетъ быть, что это было смѣшанное племя.

Изъ мѣстныхъ историческихъ источниковъ видно, что почти все населеніе Чилоэ—смѣшанной крови. Самъ губернаторъ, хотя и происходитъ со стороны отца и матери отъ испанскихъ дворянъ, но между его предками было столько смѣшанныхъ браковъ, что, по типу, онъ чистый индѣецъ.

По образу жизни смѣшанная раса ничѣмъ не отличается отъ бѣлой. Индѣйцы всѣ христіане, хотя, подобно другимъ новообращеннымъ, придерживаются нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, и сообщаются съ жителямъ горныхъ пещеръ—дьяволомъ. Теперь на это никто вниманія не обращаетъ, но въ

былыя времена, уличенныхъ въ подобныхъ сношеніяхъ отправляли на судъ инквизиціи, въ Лиму. Дальше къ югу, куда еще не проникали европейцы, индѣйскій типъ чище. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ туземцы сохранили даже свои прозвища.

Около восточнаго берега встрѣчается множество маленькихъ острововъ, которые очень живописны. На одинъ изъ такихъ островковъ высадились моряки для ночлега. Во время ужина къ нимъ подсѣлъ чилійскій землемѣръ Дугласъ и въ разговорѣ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ сообщеній. Лѣсистые участки, по его словамъ, здѣсь очень дешевы, но расчистка ихъ затруднительна. Въ сухихъ странахъ прибѣгаютъ къ помощи огня; но въ здѣшнемъ сыромъ климатѣ это невозможно. Приходится рубить дѣвственный лѣсъ, въ которомъ иныхъ деревьевъ не обхватить и четверемъ человѣкамъ; корчевать подобные пни работа для многихъ непосильная. Ктому-же туземцы не могутъ забыть несправедливости первыхъ завоевателей, которые выгнали владѣльцевъ съ воздѣланныхъ участковъ и участки забрали въ казну. Въ настоящее время чилійское правительство надѣлаетъ бѣдныхъ туземцевъ землею, но не воздѣланною.

Два слѣдующіе дня погода стояла прекрасная и путешественники къ ночи прибыли на островъ Кинчао, обработанный болѣе другихъ. На большомъ пространствѣ вдоль берега и прилежащихъ маленькихъ остров-

кахъ лѣсъ быть расчищенъ и пни выкорчеваны. По внѣшнему виду фермъ можно было заключить, что владѣльцы люди зажиточные; но Дугласъ объяснилъ, что при настоящей администраціи внѣшность ничего не доказываетъ. Положеніе страны непрочное; никто не можетъ ручаться ни за одинъ день; и потому благоразумный хозяинъ, если ему удастся, путемъ усиленныхъ трудовъ, скопить что нибудь, сѣшитъ припрятать свои сбереженія подальше. Можно поручиться, что въ каждой хатѣ есть завѣтный сундучокъ, зарытый въ землю.

Въ воскресенье, 30-го Ноября, путешественники прибыли въ Кастро, бывший главный городъ Чилоэ, теперь унылое и пустынное мѣсто. Каменная ограда, общій признакъ испанскихъ городовъ, кое гдѣ уцѣлѣла, но улицы и площади поросли травою и на нихъ паслись овцы. Сиротливо выглядѣла ветхая деревянная церковь, уцѣлѣвшая среди этого пустыря. Въ этой глуши нельзя было купить даже сахару. Кому то понадобился ножъ, и ножа не оказалось. Ни у кого во всемъ городѣ не было часовъ. Одинъ старикъ, котораго считали способнымъ угадывать время, звонилъ въ колоколъ, когда ему вздумается.

Появленіе Европейскихъ судовъ произвело необычайное волненіе, среди жителей. Толпами сбѣжались они на берегъ посмотреть какъ пріѣзжіе разбиваютъ палатки, и на перерывъ зазывали къ себѣ гостей. Той на-

зойливости, которою отличаются полуобразованные люди здѣсь и тѣни не было. Бѣдные обыватели, живя въ такой глуши, просто рады были нежданному развлеченію и очень огорчились, узнавъ, что прїѣзжіе намѣрены провести ночь въ палаткѣ. Одинъ изъ обывателей сбѣгалъ домой и принесъ боченокъ съ напиткомъ, похожимъ на фруктовый квасъ.

Утромъ путешественники посѣтили губернатора, добродушнаго старичка, стоявшаго, по образованію, ниже англійскаго крестьянина. Вечеромъ шелъ дождь, но это не помѣшало любопытнымъ толпиться около палатки. Неподалеку расположилось индѣйское семейство, прибывшее съ товарами на лодкѣ съ сосѣдняго острова. Этимъ бѣднымъ людямъ пришлось вымокнуть до костей и они переносили свою невзгуду съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Когда Дарвинъ спросилъ индѣйскаго юношу, «какъ онъ провелъ ночь?» тотъ отвѣчалъ: «Очень хорошо, синьоръ»; и въ отвѣтъ его не было ни малѣйшей ироніи.

1-го Декабря моряки высадились на островѣ Лемюи съ цѣлію осмотрѣть каменноугольныя копи. Стоялъ весенній разливъ, и на первый взглядъ островъ казался затопленнымъ; съ трудомъ отыскивали сухое мѣстечко для палатокъ, и не успѣли еще устроиться, какъ набѣжала толпа любопытныхъ. Здѣшніе туземцы выглядѣли чистокровными индѣйцами. Они всему удивлялись, всѣмъ поража-

лись и простодушно восклицали: «То-то попугаи нынче больно разлетались, да и чей-кау (маленькая красногрудая птичка) все кричалъ: берегитесь!»

Туземцы спѣшили обмѣняться товарами съ прїѣзжими. Деньги въ ихъ глазахъ не имѣли никакого значенія, но на табакъ они набрасывались съ жадностью. За табакомъ, по цѣнности шелъ индиго, гвинейскій перецъ, старыя платья и порохъ. Послѣдній, впрочемъ, предназначался для самыхъ невинныхъ цѣлей—стрѣлять холостымъ зарядомъ въ дни приходскихъ праздниковъ. Для охоты туземцы предпочитали лассо и холодное оружіе.

Нѣкоторые изъ жителей этой мѣстности имѣютъ лошадей, рогатый скотъ, домашнюю птицу. Рыбу ловятъ они особымъ способомъ. На берегу устраиваютъ плетеные заборчики и рыба, выброшенная приливомъ, не имѣетъ возможности уйти обратно.

Туземцы народъ очень симпатичный. Они гордятся своимъ происхожденіемъ и при первомъ же знакомствѣ заявляютъ, что они не испанцы. Они жалуются на недостатокъ самыхъ необходимыхъ предметовъ и въ особенности табаку, до котораго большіе охотники. На фунтъ табаку моряки вымѣняли двѣ козы, изъ которыхъ у одной была перепонка между пальцами, такъ что она отлично плавала. За нѣсколько бумажныхъ платковъ пріобрѣтены были три овцы и мѣра муки.

Несмотря на кажущееся миролюбіе жи-

телей Сюзливанъ боялся, какъ бы не украли шлюпку, стоявшую на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Не имѣя возможности отличить вора отъ простаго зѣваки, онъ объявилъ губернатору, что караульные будутъ стрѣлять по всякому, кто появится въ этомъ направленіи. Губернаторъ тотчасъ же отдалъ приказъ, чтобы никто ночью не выходилъ изъ дому, что и было исполнено, хотя, по-видимому, эта мѣра была совсѣмъ излишнею.

Четыре слѣдующіе дня экспедиція продолжала подвигаться къ югу. Характеръ страны былъ все тотъ же, но населеніе стало рѣдѣть. На большомъ островѣ Танква едва нашелся одинъ расчищенный участокъ; лѣсъ почти вездѣ доходилъ до берега. Здѣсь растетъ на песчаныхъ скалахъ красивое растеніе «панке», похожее на ревень, но гораздо выше. Стволъ его около сажени и наверху крона изъ 4—5 листовъ съ зубчатыми краями; размѣръ листьевъ колоссальный: футовъ 8 въ поперечникѣ и до 24 фут. въ окружности. Туземцы ѣдятъ его кисловатые стебли и листья, корни употребляютъ для дубленія кожъ и добываютъ изъ нихъ черную краску.

На островѣ с. Педро, моряки высадились не надолго, чтобъ сдѣлать съемку. На скалѣ сидѣла лисица особаго вида, встрѣчающаяся только на этомъ островѣ и то очень рѣдко. Любопытство этой лисицы превышало ея благоразуміе, и осторожность, свойственная ей породѣ совсѣмъ не была ей извѣстна. Она такъ внимательно наблюдала за дѣй-

ствіемъ офицеровъ съ буссолюю, что не замѣтила какъ Дарвинъ подкрался къ ней сзади и пристукнулъ ее своимъ геологическимъ молоткомъ. Рѣдкій экземпляръ этотъ находится въ лондонскомъ зоологическомъ музеѣ. Обогнувъ островъ, моряки увидали Бигль, стоявшій на якорѣ. На слѣдующій день капитанъ фицъ-Рой, нѣсколько офицеровъ и Дарвинъ задумали взобраться на вершину С. Педро, высочайшій пунктъ на островѣ. Скалы изъ слюдистаго сланца, покрытыя дремучимъ лѣсомъ, спускались отвѣсно въ воду, такъ что береговъ собственно не было, и общій видъ мѣстности болѣе напоминалъ Огненную Землю, чѣмъ Чилоэ. Въ лѣсу была такая масса бурелома, что приходилось, иногда въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, балансировать по бревнамъ сажени на 2—3 отъ поверхности; въ иныхъ мѣстахъ соскакивать внизъ и на четверенькахъ пролѣзть подъ стгнившими стволами. На нижней части горы росли величественныя винтеріи, душистый лавръ и много другихъ породъ; все это переплетенное вьющимися растеніями было очень красиво. Выше появились: кедръ, сосна, корявый букъ и, наконецъ, кустарникъ. Туристы, утомленные непрерывными гимнастическими упражненіями, выбились изъ силъ и вернулись.

На утро Бигль снялся съ якоря и поплылъ къ югу. Только что онъ вступилъ въ архипелагъ Чоносъ, разразилась страшная буря. Солнце еще золотило вершины горъ,

сквозь бѣлыя, какъ вата облака виднѣлось еще синее небо, а черныя тучи начали уже атягивать горизонтъ. Поднялся вѣтеръ, взбормоздилъ море огромными валами и разорвавъ тучи, погналъ ихъ клочья съ невѣроятною силою. Мачты и снасти заскрипѣли. Появилась радуга и послѣдніе лучи солнца, преломляясь въ брызгахъ продолжали радугу, на поверхности воды, образовавъ изъ дуги совершенно правильный кругъ. Зрѣлище было чрезвычайно оригинальное. Радужное кольцо на темномъ, почти черномъ фонѣ стояло противъ самага носа корабля. Казалось, что еще мгновенье и онъ ринется въ этотъ магическій кругъ, очутившись за гранью видимаго міра.

Вслѣдствіе дурной погоды пришлось простоять на якорѣ три дня. Объ экскурсіяхъ нечего было и думать. Гигантскія каменные глыбы, сплошь покрытыя лѣсами поднимались изъ нѣдръ океана. Пристать можно было только къ отвѣснымъ скаламъ и карабкаться на нихъ, рискуя каждую минуту обрушиться въ море. На такую попытку охотника не нашлось.

Декабря 18 Бигль вышелъ въ открытое море и, распростившись съ югомъ, пошелъ на сѣверъ. Онъ плылъ мимо живописныхъ высокихъ береговъ, поросшихъ лѣсами, и въ одной уютной бухточкѣ бросилъ якорь. Эта бухта находилась у подножія невысокой горы, въ формѣ сахарной головы, на которую Дарвинъ тотчасъ же задумалъ взобраться.

«Есть что то притягивающее къ вершинамъ горъ, пишетъ онъ. Испытанные раньше трудности не останавливаютъ, имѣющіеся въ виду не пугаютъ; идешь, идешь, и только неодолимое препятствіе можетъ отклонить отъ намѣченной цѣли. Зато очутившись на вершинѣ, чувствуешь себя въ положеніи побѣдителя, болѣе того, взглянувъ внизъ, окинувъ глазомъ огромное пространство, сознаешь себя человѣкомъ, царемъ вселенной. Это то двойное наслажденіе, вѣроятно, и есть та причина, которая тянетъ человѣка въ высь».

Подъемъ на сахарную голову былъ до такой степени крутъ, что мѣстами приходилось влѣзать на дерево, и какъ векша перескакивать на другое. Въ прогалинахъ росли цѣлые кусты фукцій, густо покрытыхъ висячими цвѣтами. Какъ подъемъ, такъ и спускъ совершились благополучно. У подошвы, въ береговой пещерѣ, Дарвинъ нашелъ логовище изъ сухой травы, устроенное, очевидно, руками человѣка. Кто отдыхалъ здѣсь? невольно явился вопросъ. Дикарь ли въ поискахъ за пищей укрылся тутъ отъ непогоды, морякъ ли скиталецъ, выброшенный на берегъ, послѣ крушенія, устроилъ себѣ здѣсь временное жилище? Какъ тотъ такъ и другой не признали, видно, приютъ надежнымъ, такъ какъ покинули его.

Погода продолжала стоять скверная, но не настолько, чтобы окончательно помѣшать изслѣдованіямъ. Декабря 28-го моряки

открыли новую гавань и только что собирались бросить якорь, какъ увидали на берегу человека, который махалъ рубашкой. Послали лодку и она привезла двухъ матросовъ. Это были опять бѣглецы съ китоловного американскаго судна. Они бѣжали вшестеромъ и высадились нѣсколько южнѣе. Лодку ихъ разбило о скалы и они остались въ безпомощномъ положеніи. Еслибы имъ не посчастливилось увидать Бигль, они бы, вѣроятно, были обречены до конца жизни оставаться на островѣ, такъ какъ суда посѣщаютъ эти мѣста очень рѣдко. Одинъ изъ шести матросовъ сорвался съ утеса и убитъ, остальные разбрелись по острову. Этимъ и объяснилось происхожденіе логовища, которое Дарвинъ видѣлъ въ пещерѣ. Болѣе года эти несчастные скитались по острову и такъ тщательно вели счетъ времени, что ошиблись всего на четыре дня.

Декабря 30 Бигль бросилъ якорь въ небольшой бухточкѣ у подошвы трехъ горъ и на слѣдующій день, послѣ завтрака, небольшая компанія отправилась на одну изъ этихъ горъ, вышиною въ 2,400 фут. Особенность горы состояла въ томъ, что она была камениста и почти безплодна, что производило странное впечатлѣніе на путешественниковъ, привыкшихъ видѣть въ этой мѣстности горы, покрытыя сплошь лѣсомъ. Для Дарвина, какъ геолога, восхожденіе на эту гору имѣло научный интересъ, но для остальной компаніи оно интереса не представ-

ляло, если не считать обширную панораму, открывшуюся съ вершины. Но въ этой панорамѣ не было ничего такого, къ чему не привыкъ-бы глазъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Новый годъ ознаменовалъ себя проливнымъ дождемъ и сильнымъ вѣтромъ. Поздравляя другъ друга, моряки прибавляли: «Слава Богу; будущій новый годъ мы будемъ встрѣчать уже далеко отсюда, въ странахъ болѣе гостепріимныхъ. Надъ нашими головами будетъ голубое небо, а не эти, уныніе наводящія тучи, которымъ и конца не видно...»

Цѣлые четыре дня дулъ сильный вѣтеръ и Бигль долженъ былъ держаться подальше отъ берега. Наконецъ явилась возможность бросить якорь. Вѣтеръ утихъ и Дарвинъ съ капитаномъ, сѣвъ въ лодку, направились въ маленькую уютную бухточку. На отмеляхъ и прибрежномъ пескѣ лежали нерпы цѣлыми стадами. Съ приближеніемъ лодки, нерпы быстро прятали головы въ воду, но лишь лодка проходила, онѣ поднимали головы и, вытянувъ шею, съ любопытствомъ слѣдили за невиданнымъ чудомъ. Высоко въ воздухѣ парили коршуны стервятники, отвратительныя птицы съ красною, лысою головою. У каскадовъ, падавшихъ съ горъ, играла рыба, привлекая стаи морскихъ ласточекъ, чаекъ и баклановъ. Тутъ же величаво плавали бѣлые лебеди съ черной шеей и ныряла маленькая морская выдра, мѣхъ которой такъ дорого цѣнится.

Продолжая подниматься вдоль берега, Бигль бросилъ якорь у сѣвернаго края архипелага Чоносъ, въ гавани Ло, гдѣ и постоялъ недѣлю. Характеръ мѣстности былъ такой же, какъ и въ Чилоэ; съ корабля отлично видны были Кордильеры, которыя здѣсь не высоки и вблизи совершенно загораживаются утесистыми островами. Особенно красивы четыре покрытые снѣгомъ конуса, между которыми выделяется своею величавостью Корковадо. Здѣсь моряки встрѣтили пятерыхъ рыбаковъ изъ Кайлена, унылаго острова, который называется «Концемъ христіанскаго міра». На своихъ челнахъ эти рыбаки безстрашно переплыли открытое море между Чоносомъ и Чилоэ.

Песчаная отмели, усыянная раковинами, густо поросли дикимъ картофелемъ. Здѣсь родина картофеля; отсюда онъ и привезенъ въ Европу. Разница между дикимъ и культивированнымъ картофелемъ состоитъ въ томъ, что у перваго ботва гораздо выше, а клубень мельче и водянистѣе. Сваренный, онъ сморщивается и вмѣсто мучнистости, свойственной европейскому картофелю, онъ волокнистъ и невкусенъ. Замѣчательно, что это растеніе встрѣчается какъ на безплодныхъ горахъ средняго Чили, гдѣ очень рѣдко выпадаетъ дождь, такъ и въ болотистыхъ лѣсахъ южныхъ острововъ.

Лѣса архипелага Чоносъ имѣютъ тотъ же характеръ какъ и лѣса Чилоэ, съ тою разницею, что въ первыхъ преобладаетъ букъ,

тогда какъ въ послѣднихъ его совсѣмъ почти не видно. Почва здѣсь также какъ и на Огненной Землѣ торфяная а въ Чилоэ, не смотря на болотистую почву, торфа не встрѣчается. Объясняется это тѣмъ, что климатъ Чоноса и Огненной Земли задерживаетъ разложеніе растений, чѣмъ и способствуетъ образованію торфа.

Архипелагъ Чоносъ чрезвычайно бѣденъ фауной. Въ изобиліи здѣсь водится только выдра, которая питается рыбою и раками, плавающими цѣлыми стаями на поверхности воды. Одинъ офицеръ видѣлъ выдру, поѣдавшую каракатицу, и прослѣдилъ какъ другая выдра тащила въ свою норку большую раковину. Дарвину удалось поймать въ западную маленькую мышъ и онъ никакъ не могъ додуматься какимъ путемъ эта мышъ попала на островъ.

Изъ птицъ водится здѣсь чейкау, о которой говорено было выше. Эта птичка, по словамъ туземцевъ, кричитъ двоякимъ образомъ, смотря по тому, что она предвѣщаетъ. Туземцы ей вѣрятъ и съ суевѣрнымъ страхомъ прислушиваются къ ея крику. Чейкау обладаетъ большою юркостью: появится совершенно неожиданно, прокричитъ надъ самымъ ухомъ и исчезнетъ. Эта то юркость и создала ей, вѣроятно, репутацію особаго рода.

Есть птица, схожая съ чейкау, но покрупнѣе; это, по мѣстному гуйд-гуйдъ, а по англійски «barking bird», т. е. лающая птица. Ея

крикъ, въ особенности издали, поразительно похожъ на лай маленькой собачки.

Здѣсь также водится черный королекъ Огненной Земли, мухоловка съ бѣлымъ хохломъ, издающая съ вершины дерева свои жалобные стоны, и колибри, который при полетѣ трещитъ, какъ стрекоза.

Въ этихъ широтахъ, какъ въ открытомъ морѣ, такъ и въ проливахъ встрѣчается много буревѣстниковъ. Самый крупный видъ это «*procellaris gigantea*» или костоломъ. Офицеры видѣли какъ этотъ хищникъ преслѣдовалъ утку, нанося ей удары въ голову. Не находя спасенія въ волѣ, утка поднялась на воздухъ, но костоломъ продолжалъ наносить ей удары. Утка палала, опять взлетала и, наконецъ, была добита окончательно. Особенно жутко приходится отъ этихъ хищниковъ чайкамъ, которыхъ они пожираютъ во множествѣ. Другой видъ буревѣстника, помельче, замѣчательнѣе тѣмъ, что летаетъ огромными стаями. На островѣ Чилоэ Дарвину случалось видѣть, какъ сотни тысячъ этихъ птицъ проносились по одному направлению; а когда птицы опускались на воду, чтобы отдохнуть, то слышался шумъ, похожій на отдаленный говоръ множества людей.

Есть еще видъ буревѣстника, составляющій какъ бы переходную ступень къ пингвину. Эта птица никогда не покидаетъ спокойныхъ внутреннихъ водъ. Если ее спугнуть, то она нырнетъ и проплыветъ довольно

долго подъ водою; потомъ выплывъ на поверхность, взлетитъ вверхъ. Крылья у нея короткія и она быстро ими двигаетъ. Пролетѣвъ нѣкоторое пространство, она какъ убитая падаетъ въ воду, нырнетъ и опять взлетитъ. По наружности, формѣ клюва и ноздрей, длинѣ ногъ и окраскѣ перьевъ эта птица принадлежитъ къ буревѣстникамъ, а короткія крылья, форма хвоста, отсутствіе на ногахъ задняго пальца приближаютъ ее къ пингвинамъ. Издали, въ особенности при ея неловкомъ полетѣ, птицу эту прямо можно принять за пингвина.

Глава XIV.

Чилоэ и Консенсьонъ. Сильное землетрясеніе.

В января 15-го Бигль вышелъ изъ гавани Ло, и на четвертый день бросилъ якорь въ Чилоэ, въ бухтѣ С. Карлоса. Ночью на 19-ое число морякамъ удалось полюбоваться рѣдкой картиной: изверженіемъ вулкана Озорно. Въ полночь, вахтенный замѣтилъ надъ Озорно яркую звѣзду, которая разростаясь болѣе и болѣе превратилась въ пламя. Разбуженные офицеры поспѣшили выбѣжать на палубу. Зрѣлище было величественное; Озорно находился въ полномъ изверженіи. Пламя было такъ велико, что не смотря на дальность разстоянія, отблескъ его отражался въ морѣ длиннымъ столбомъ. Видно было какъ изъ пламени вылетали

огромные камни и падали внизъ. Каменные глыбы, выбрасываемыя изъ нѣдръ земли такъ велики, что ихъ видно за 100 миль отъ вулкана. Иногда они принимаютъ причудливыя очертанія деревьевъ, животныхъ и т. под. Поутру изверженіе кончилось; вулканъ затихъ.

Оказалось, что въ ту же ночь дѣйствовалъ вулканъ Аконкагва въ Чили и происходило сильное изверженіе Козегвины, сопровождаемое землетрясеніемъ. Хотя эти три вулкана расположены на пространствѣ 2700 миль, но они принадлежатъ къ одной цѣпи и, очевидно, между ними есть подземная связь. Это предположеніе кажется еще болѣе основательнымъ, если принять во вниманіе, что равнины, лежащія вдоль восточнаго берега на протяженіи 2000 миль, поднялись почти одновременно, о чемъ можно судить по степени свѣжести находимыхъ на нихъ раковинъ.

Для изслѣдованія западнаго берега, капитанъ Фишъ-Рой отрядилъ Дарвина и офицера Кинга въ Кастро, откуда они должны были проѣхать поперекъ острова въ Капеллоде-Кукао, на западномъ берегу. Путешественники наняли лошадей, проводника и выѣхали утромъ 22-го января. При выѣздѣ, къ нимъ присоединилась женщина и два мальчика, пожелавшіе чужеземцамъ хорошаго пути. Такая привѣтливость произвела на путниковъ очень пріятное впечатлѣніе. По слухамъ, край былъ вполнѣ спокоенъ, и еслибы не цѣль охоты, можно было бы совсѣмъ не брать

огнестрѣльнаго оружія. Такія извѣстія не мало способствовали хорошему расположенію духа.

«Но если въ здѣшнихъ мѣстахъ путешественникъ застрахованъ отъ нападенія, то это еще не значитъ, что его безопасность обезпечена, пишетъ Дарвинъ. Здѣшнія дороги словно нарочно существуютъ для того, чтобы вымотать проѣзжему нервы. Онѣ состоятъ сплошь изъ бревенчатой настилки, положенной гдѣ вдоль, гдѣ поперекъ. Съ боковъ эта настилка придерживается колышками и если будешь имѣть несчастіе упасть съ лошади, то весьма легко можешь оказаться посаженнымъ на колъ. А упасть вовсе не трудно. Зимой настилка дѣлается весьма скользкою, осенью почва отъ дождей разбухаетъ, выпячивается бревно, въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ выталкиваетъ ихъ и путнику приходится напрягать всѣ усилія, чтобы удержаться на сѣдлѣ. Здѣсь, какъ и на костоломныхъ мостахъ въ Чили, самое лучшее отлечь на волю лошади. Эти животныя обладаютъ замѣчательнымъ навыкомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ настилка развѣхалась, онѣ перескакиваютъ съ ловкостью собаки и, если не разбиты на ноги, то почти никогда не оступаются. Дорога чрезвычайно однообразна: по обѣимъ сторонамъ лѣсъ, плотный какъ стѣна. Иногда дорога взвивается въ гору, и тогда ненавистная настилка прекращается».

Отъ С. Карлоса до Кастро всего 12 верстъ, но и на этомъ протяженіи устрой-

ство дороги стоило неимовѣрныхъ трудовъ. Вырубать дѣвственный лѣсъ и корчевать пни не легко, въ особенности, когда нѣтъ инструментовъ для опредѣленія направленія. Первый человѣкъ, прорубившій просѣку, былъ индѣецъ, награжденный за такой подвигъ землею. Индѣйцы часто бродятъ по лѣсу, отыскивая воровъ, укрывшихся въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Надо имѣть нюхъ индѣйца и его проницательный глазъ, чтобы въ этихъ непролазныхъ чащахъ отыскать того, кто желаетъ спрятаться. Одинъ изъ такихъ ищекъ усмотрѣлъ случайно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, англійское судно, потерпѣвшее крушеніе у вѣшняго берега, и сообразивъ что экипажъ добрался до твердой земли, онъ розыскалъ его. Экипажу угрожала голодная смерть и безъ помощи индѣйца моряки едва ли бы выбрались изъ этихъ непроходимыхъ дебрей. Одинъ уже успѣлъ умереть отъ истощенія. Индѣйцы отыскиваютъ направленіе по солнцу и въ туманную погоду въ путь не пускаются.

День стоялъ великолѣпный и множество деревьевъ въ полномъ цвѣту наполняли воздухъ благоуханіемъ. Но не смотря на это, лѣсистая громада производила тяжелое впечатлѣніе. На ряду съ зелеными великанами, стояли, какъ скелеты, высохшіе на корню деревья; нѣтъ некуда было свалиться и ихъ присутствіе наводило уныніе.

Послѣ заката солнца путники расположились на ночлегъ бивуакомъ. Ихъ спутница,

хотя и принадлежала къ одной изъ значительныхъ фамилій Кастро, была босая и сидѣла на сѣдлѣ по мужски. Не смотря на свою миловидность, она не отличалась ни воспитанностью, ни деликатностью. Поужинавъ вмѣстѣ съ братьями взятой съ собою провизіей, она такъ безцеремонно смотрѣла въ ротъ чужеземцамъ, когда они ужинали, что пришлось всѣхъ троихъ пригласить принять участіе въ трапезѣ.

На утро, путешественники встали рано и къ двумъ часамъ достигли мирнаго хорошенькаго городка Кастро. Тотъ губернаторъ, съ которымъ они раньше познакомились, уже умеръ и его должность исправлялъ Чилиецъ, Донъ Педро. Онъ оказался очень милымъ человекомъ, снабдилъ путниковъ свѣжими лошадьми и вызвался самъ имъ сопутствовать. Партія направилась къ югу, придерживаясь берега и миновала нѣсколько деревушекъ; въ каждой изъ нихъ была своя капелла, очень бѣдная, иногда наскоро сколоченная, но все таки капелла. Въ маленькомъ портѣ Валипалья, путешественники были встрѣчены комендантомъ, который вызвался сопровождать ихъ, выразивъ при томъ удивленіе, что два образованныхъ англичанина вздумали посѣтить такую глушь какъ Кукао. Такимъ образомъ чужеземцы, продолжая путь въ обществѣ двухъ высшихъ сановниковъ страны, были вездѣ встрѣчаемы съ подобающимъ подобострастіемъ. Въ мѣстечкѣ Чанчи путники свернули на западъ и

поѣхали по холмистой мѣстности, перерѣзанной воздѣланными лугами и нивами съ зерновымъ хлѣбомъ и бананами. «Эта мѣстность напомнила мнѣ Англію, пишетъ Дарвинъ, и я смотрѣлъ на нее съ наслажденіемъ...»

Кукао оказалось большимъ индѣйскимъ селеніемъ, расположеннымъ на озерѣ въ 12 миль длины. Чтобы добраться до селенія сухимъ путемъ, надо было частью снова ѣхать по бревенчатымъ клавинамъ, частью карабкаться на горы. Комендантъ предложилъ англичанамъ ѣхать въ лодкѣ и тотчасъ командовалъ шестерыхъ индѣйцевъ на весла, не удостоивъ даже сказать, получаютъ ли они за то плату. Лодка, по мѣстному «періагва» была ничто иное какъ выдолбленный пенъ огромныхъ размѣровъ; подъ стать лодкѣ были и гребцы; они, впрочемъ, гребли дружно и усердно, издавая при этомъ какіе то крики, очевидно, ободряющаго свойства. На озерѣ Кукао постоянно дуетъ вѣтеръ и путешественникамъ пришлось какъ разъ плыть ему навстрѣчу. вмѣстѣ съ ними плыла корова. Чтобы движенія такого крупнаго животнаго не опрокинули лодку, корову попросту связали и повалили на дно. Процессъ водворенія коровы на лодкѣ былъ довольно забавенъ: корова ни за что не хотѣла ступить въ воду. Тогда подъ брюхо ей подложили весла, концы ихъ индѣйцы подняли на плечи и такимъ образомъ перенесли животное. Путешественники прибыли въ Кукао еще

засвѣтло. Здѣсь они нашли пустую хижину, занимаемую обыкновенно пасторомъ, когда онъ прѣзжаетъ сюда на требы и отлично устроились на ночь.

Въ округѣ Кукао обитаетъ отъ 30—40 индѣйскихъ семействъ. Въ смыслѣ удовлетворенія жизненныхъ потребностей эти люди, повидимому, не бѣдствовали, но въ нравственномъ отношеніи они выглядѣли такими загнанными, что жалко было смотрѣть. Мѣстные власти, обращающіеся съ иностранцами съ изысканной любезностью, третировали этихъ несчастныхъ какъ животныхъ; требовали провизіи, свѣжихъ лошадей и не только не торговались, но даже и не намѣрены были, кажется, что либо заплатить. Иностранцы чувствовали себя въ очень неловкомъ положеніи, но давать совѣты мѣстнымъ сановникамъ не рѣшались. Все, что они могли сдѣлать, это, улучивъ минуту, когда ихъ никто не видѣлъ, дать бѣднымъ индѣйцамъ нѣсколько сигаръ и иныхъ бездѣлокъ. Большой кусокъ сахару, раздѣленный между ними, возбудилъ ихъ живѣйшее любопытство. Почувявъ друзей, эти люди стали очень довѣрчивы. Они жаловались на свое положеніе и говорили: «мы бѣдняки, оттого такъ и обращаются съ нами».

На слѣдующій день путешественники отправились за нѣсколько миль на сѣверъ чтобъ осмотрѣть пикъ Хуантамо. Дорога шла широкимъ берегомъ, около котораго билъ сильный прибой, явленіе обыкновенное

на этомъ озерѣ. По слухамъ, послѣ бури, ревъ прибоя бываетъ такъ силенъ, что слышенъ даже въ Кастро.

Дорога была отвратительная; мѣстами прямо топъ, едва проходима. Пунта Хуантамо оказалась ничѣмъ не замѣчательною. Это былъ просто каменный холмъ, выдающийся въ море. На немъ въ изобиліи росъ «чепонесъ», нѣчто вродѣ артишока, съ вкусной сладкой мякотью. Туземцы ѣдятъ это растеніе какъ лакомство и изъ него же готовятъ свой «чичо». «Чичо» на языкѣ индѣйцевъ называется всякій напитокъ, подвергшійся броженію. Онъ готовится изъ разныхъ растений и плодовъ, между прочимъ изъ пальмы Иятаи, которой изобилуютъ лѣса южной Америки. Иятаи замѣчательно полезное дерево: его плодъ, съ большой орѣхъ, даетъ вкусное масло, а выжимки—прекрасный кормъ скоту. Изъ сока его готовятъ это самое «чичо», напоминающее вкусомъ французскій сидръ. Для добыванія сока дѣлаютъ надрѣзы на корѣ, потомъ соку даютъ бродить и тѣмъ фабрикація кончается. Когда сокъ варятъ до густоты, онъ обращается въ леденецъ, который замѣняетъ сахаръ. Дерево этой пальмы даетъ отличный уголь, а широчайшими ея листьями кроютъ кровли.

Берегъ къ сѣверу отъ Пунта Хуантамо скалистъ и неровенъ. Около него ходятъ сильныя буруны и море вѣчно реветъ. Путникамъ хотѣлось вернуться въ С. Карлосъ

берегомъ, но проводникъ объявилъ, что это немыслимо; пришлось ѣхать обратно старой дорогой.

Переправившись черезъ озеро на періагвѣ, путешественники сѣли на лошадей и углубились въ лѣсъ. Въ лѣсу пахло дымомъ; пользуясь хорошей погодой туземцы принялись расчищать участки, выжигая лѣсъ. Но эта операція здѣсь, вслѣдствіе сырости почвы, плохо удается; деревья богаты сокомъ и не горятъ.

Съ холма, на которомъ ночевали путешественники, видѣнъ былъ вулканъ Корковадо, а дальше какой то другой съ плоскою вершиною. Кромѣ этихъ двухъ великановъ, въ длинной цѣпи горъ не выдавалось почти ни одной увѣнчанной снѣгомъ вершины. Бросивъ прощальный взглядъ на Кордильеры, путешественники двинулись далѣе; въ Кастро простились съ комендантомъ и на слѣдующее утро прибыли въ С. Карлосъ.

Въ послѣднюю недѣлю Дарвинъ сдѣлалъ много экскурсій; побывалъ на холмѣ, состоявшемъ изъ раковинъ, и нашелъ, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ видамъ еще существующимъ. Такой странный составъ почвы не мѣшалъ, однако же, большимъ деревьямъ съ успѣхомъ произростать здѣсь. Проводникъ индѣецъ называлъ Дарвина каждую рѣчку, каждое озерко, каждый мысокъ и, судя по тѣмъ названіямъ, которые онъ могъ перевести по испански, онѣ были даны очень мѣтко.

Февраля 4-го Бигль ушелъ съ Чилоэ и взять курсъ на сѣверъ по направленію къ Вальдивіи, городу, лежащему миляхъ въ 10-ти отъ морского берега. Туманъ мѣшалъ плаванію и бригъ достигъ намѣченнаго пункта только на третій день. Дарвинъ и нѣсколько моряковъ высадились и поплыли въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ Калье-Калье. Изрѣдка попадались избушки на небольшихъ расчищенныхъ участкахъ; все остальное было сплошной лѣсъ.

Городокъ Вальдивіи — чисто яблочный рай. Яблоня растутъ здѣсь по канавкамъ, по краямъ дорогъ и даже городскія улицы заповлонены ими такъ, что походятъ больше на фруктовые сады, чѣмъ на улицы. Яблони сами сѣются и даютъ превосходные плоды; а кто желаетъ развести ихъ, стоитъ только взять сучекъ и воткнуть его въ землю. Сучекъ живо укореняется и иногда уже на другой годъ даетъ плодъ, а на третій — непременно. Дарвинъ самъ видѣлъ трехгодовалую яблоню, обремененную плодами. Изъ яблокъ туземцы дѣлаютъ сидръ, изъ выжимокъ — душистую водку. Посредствомъ другого процесса добываютъ патоку. Яблоками здѣсь упитываются не только люди, но и свиньи. Видѣть въ саду дѣтей рядомъ съ поросятами — самая обыкновенная картина въ здѣшней мѣстности.

Взявъ проводника, Дарвинъ переѣхалъ рѣку и углубился внутрь страны. Не смотря на то, что эта мѣстность отстоитъ отъ Чи-

лозъ всего на 150 миль, разница въ растительности громадная. Здѣсь меньше мрачнаго бука и хвой, почему лѣсъ имѣетъ болѣе веселый характеръ. Подлѣсокъ состоитъ изъ высокаго, толстаго тростника, вродѣ бамбука, изъ котораго индѣйцы дѣлаютъ свои «чузо» т. е. копья. Ночевать Дарвинъ расположился въ туземной избушкѣ, но его выгнали оттуда блохи и онъ предпочелъ провести ночь на улицѣ.

Рано утромъ Дарвинъ двинулся далѣе. Дорога шла лѣвственнымъ лѣсомъ. Изрѣдка встрѣчались индѣйцы конные и пѣшіе, гнавшіе навьюченныхъ муловъ. Послѣ полудня одна изъ лошадей путешественниковъ пала отъ утомленія. Поднявшись на холмъ, Дарвинъ и его спутникъ увидали воздѣланныя равнины, по злѣшнему—ліаносы. Человѣческій глазъ не выноситъ однообразія; въ преріяхъ онъ утомляется безконечной гладью, въ лѣсахъ—безпрерывнымъ моремъ зелени. Поэтому, взгляды на ліаносы положительно радовали душу. Ліаносы—наиболѣе плодородная и заселенная часть края. Они гораздо живописнѣе прерій или пампасовъ. Небольшія лужайки, расположенныя между холмами напоминаютъ англійскіе парки. Деревьевъ на ліаносахъ не растетъ. Но видъ воздѣланныхъ нивъ, похожихъ на цвѣточные ковры, чрезвычайно привлекателенъ.

Усталость лошади заставила Дарвина остановиться въ миссіи Кудико, у одного монаха, къ которому онъ имѣлъ рекомендательное письмо.

Кудико — округъ, лежащій между лѣсомъ и лѣаносами. Въ немъ много сельскихъ домиковъ и воздѣланныхъ полей, принадлежащихъ почти исключительно индѣйцамъ. Индѣйцы почти всѣ христіане, хотя патеръ жаловался на ихъ неохоту ходить въ церковь.

Индѣйцы Чилоэ.

Индѣйцы рослы, мускулисты; волосы у нихъ черные, длинные, перевязанные на лбу краснымъ платкомъ; другого убора они не носятъ. Ихъ мѣдно-красныя лица съ грубыми чертами, дышутъ рѣшимостью и отвагой. Въ нихъ и тѣни нѣтъ той приниженности, которою отличаются жители Чилоэ.

Встрѣчаясь съ чужеземцемъ они, какъ бы мимоходомъ бросаютъ свое «маримари» т. е. здравствуй, и проходятъ не склоняя головы. Это племя, чуть ли не единственное изъ туземныхъ племенъ, одержавшее верхъ въ борьбѣ съ испанцами. Этимъ и объясняется гордая осанка его представителей.

Патеръ оказался гостепріимнымъ и милымъ человѣкомъ. Прибывъ сюда изъ С. Яго, онъ сумѣлъ устроить себѣ комфортабельное жилище, но горько жаловался на отсутствіе общества. Къ счастью индѣйцевъ онъ не былъ фанатикомъ, но для него самого было бы лучше, еслибъ онъ увлекался своимъ дѣломъ; его жизнь была бы полнѣе.

На другой день, на возвратномъ пути, путешественники встрѣтили семерыхъ индѣйцевъ съ кашикомъ во главѣ. Они только что получили отъ чилійскаго правительства ежегодную награду за вѣрность и на радостяхъ выпили; а такъ какъ подъ вліяніемъ вина обнаруживается настоящий характеръ человѣка, то эти дѣти лѣсовъ выглядѣли еще свирѣпѣе, чѣмъ обыкновенно; въ особенности кашикъ, который, вѣроятно, и выпить больше всѣхъ.

Вскорѣ къ путешественникамъ присоединились два индѣйца, бѣжавшіе въ Вальдивію. Одинъ изъ нихъ былъ веселый старичокъ, больше похожій на старуху своимъ безбородымъ морщинистымъ лицомъ. Дарвинъ угощалъ индѣйцевъ сигарами и они охотно принимали, но не благодарили. Индѣецъ изъ

Чилоз непременно бы воскликнулъ: «Dios le pague» «Богъ васъ храни» снявъ при этомъ шляпу.

Дорога была скверная и утомительная. Безпрестанно приходилось останавливаться, чтобъ убирать лежавшія поперекъ дороги деревья, или объѣзжать ихъ, дѣлая порядочно крюку. Переночевавъ на пути, Дарвинъ прибылъ въ Вальдивію и вернулся на корабль.

Спустя нѣсколько дней Дарвинъ съ офицерами высадился у форта Ниебло, построеннаго испанцами для обороны береговъ. Крѣпость была въ разрушеніи и лафеты такъ дряблы, что пушки на нихъ держались какимъ то чудомъ. На замѣчаніе офицера, что такая крѣпость не выдержитъ натиска, комендантъ съ гордостью замѣтилъ, что выдержитъ и два.

Практичные и хозяйственные англичане наткнулись на интересный образчикъ распорядительности здѣшнихъ властей. На дворѣ крѣпости лежала какая то каменная глыба, возбуждавшая любопытство моряковъ. Оказалось, что это было ничто иное какъ цементъ, привезенный изъ Чили и стоившій на наши деньги около 15,000 руб. Оставленный безъ употребленія и безъ призора, цементъ окаменѣлъ и представлялъ собою цѣнный памятникъ людской безпечности.

Дарвину захотѣлось побывать въ одной мѣстности, до которой было всего 1½ миль. Проводникъ провелъ его тропинкою, про-

топанной скотомъ. Только привычному глазу могла быть замѣтна такая тропинка; непосвященный—ни за что не различилъ бы ее. Проводникъ Дарвина, индѣецъ, былъ специалистъ по части отысканія заблудившагося скота. Казалось что онъ долженъ былъ бы знать лѣсъ хорошо. Но и специалистъ этотъ проплуталъ здѣсь однажды два дня, безъ всякой пищи.

Индѣйцы народъ чрезвычайно выносливый. Отправляясь въ далекое путешествіе индѣецъ беретъ только мѣшечекъ жареной пшеницы, которой и питается понемногу два раза въ день.

Двадцатое февраля ознаменовалось землетрясеніемъ, которое и до сихъ поръ помнятъ старожилы. Оно появилось внезапно, безъ всякихъ предостереженій. «Я случайно былъ на берегу, пишетъ Дарвинъ и, лежа въ лѣсу, отдыхалъ. Вдругъ почва заколебалась. Я вскочилъ на ноги и почувствовалъ точь въ точь такое ощущеніе какъ на кораблѣ, при качкѣ. Голова кружилась и мнѣ казалось, что я непременно долженъ упасть».

Землетрясеніе было не очень сильно и не продолжительно. Самый сильный ударъ случился въ минуту отлива; морскія волны не откатились, по обыкновенію, а какъ то разомъ свалились, словно вылитая изъ ведра вода. Въ лѣсу, впрочемъ, землетрясеніе было менѣе ощутительно; деревья качались какъ отъ сильнаго вѣтра, вотъ и все. Но въ городѣ, гдѣ былъ въ это время Фишъ-Рой и

нѣсколько офицеровъ, дѣло обстояло иначе. Дома тряслись и трещали. Жители въ ужасѣ повывѣгали на улицу. Замѣчено, что люди, уже разъ испытавшіе землетрясеніе, всего больше поддаются страху. И дѣйствительно, это явленіе перепутываетъ всѣ наши понятія. Почва, которая насъ поддерживаетъ, (отсюда выраженіе: имѣть твердую почву подъ ногами) вдругъ начинаетъ колебаться. Умъ отказывается работать и душа наполняется леденящимъ ужасомъ.

Вечеромъ было еще нѣсколько ударовъ, но слабыхъ.

Когда десять дней спустя Бигль бросилъ якорь въ гавани Консепціонъ, мэръ города, выѣхавшій встрѣтить моряковъ, сообщилъ что въ этой мѣстности землетрясеніе 20 го февраля произвело сильное опустошеніе: ни въ Консепціонѣ, ни въ другой гавани Талькахуано не уцѣлѣло ни одного дома; 70 селеній погибло, а развалины Талькахуано смыты и унесены моремъ.

«Все это я видѣлъ собственными глазами, пишетъ Дарвинъ, и признаюсь, никакая фантазія не могла бы сравниться съ дѣйствительностью. Только что мы высадились, глазамъ нашимъ представилась такая картина: берегъ былъ устланъ обломками и другими предметами, словно послѣ крушенія сотни кораблей; столы, стулья, шкафы валялись въ безпорядкѣ и между ними лежали тростниковыя кровли, занесенныя изъ деревень. Около разрушенныхъ лавокъ лежали тюки

хлопка, лекарственныхъ травъ и другихъ товаровъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ торчали осклизлыя каменные глыбы, покрытыя свѣжими водорослями, словно въ насмѣшку выброшенные моремъ взамѣнъ поглощеннаго добра. Одна изъ глыбъ, громадныхъ размѣровъ, наглядно свидѣтельствовала о силѣ, вышвырнувшей ее изъ нѣдръ океана.

«Едва ли кто изъ посѣщавшихъ прежде Консепсионъ и Талькахуано, узналъ бы теперь эти города. Бывшія жилища представляли такую смѣшанную грудку развалинъ и вся мѣстность такъ мало походила на жилое мѣсто, что трудно было представить себѣ ея прежній видъ. Въ Консепсионѣ многіе дома, хотя и разрушились, но остались на мѣстѣ; видно, по 'крайней мѣрѣ, гдѣ они были. Въ Талькахуано все смыто водою; уцѣлѣла только грядка мусора отъ разрушенной городской стѣны.

«Людей погибло сравнительно не много, менѣе сотни. Это потому, что землетрясеніе случилось днемъ. Случись оно ночью, погибшихъ было бы нѣсколько тысячъ. Глядя на опустошенія, трудно даже представить себѣ, какъ могъ кто нибудь уцѣлѣть. Положимъ, жители выбѣгали изъ домовъ, но вѣдь дома валились, и наружу, и во всѣ стороны и могли залавить ихъ. Англійскій консулъ, Раузь, рассказывалъ, что онъ завтракалъ, когда случился первый ударъ. Онъ выбѣжалъ, но едва успѣлъ добѣжать до половины двора, какъ одна сторона его дома

рухнула. Рауэ съхранилъ еще настолько присутствія духа, чтобъ сообразить, что если онъ взберется на эту грудъ развалинъ, то будетъ въ безопасности. Но не имѣя возможности стоять на ногахъ отъ колебанія земли, онъ поползъ на четверенькахъ. Едва успѣлъ онъ вскарабкаться на грудъ, какъ обрушилась другая сторона его дома и большія балки пролетѣли мимо него, едва не разоживъ ему голову. Ослѣпленный облакомъ пыли, залѣпившимъ ему ротъ и глаза, онъ едва опомнился и наконецъ добрался до улицы. Удары повторялись почти ежеминутно и никто не смѣлъ подойти къ развалинамъ, чтобъ посмотреть не погибаютъ ли за недостаткомъ помощи родные и друзья. Тѣ, кому удалось спасти что нибудь изъ своего имущества должны были оберегать его, потому что воры такъ и сновали кругомъ, и при каждомъ колебаніи почвы одной рукою ударяли себя въ грудь съ восклицаніемъ: «*misericordia!*», а другой норовили стащить что нибудь. Во многихъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ. Тысячи жителей были раззорены въ конецъ и многія остались безъ крова и безъ пищи».

Землетрясеніе распространилось далеко внутри страны. Почва во многихъ мѣстахъ дала трещины; иныя у подножія утесовъ были настолько широки и глубоки, что подходили на пропасти. Нѣкоторые утесы раскрошились такъ, какъ будто бы они были взорваны порохомъ. Многія изъ береговыхъ

скаль обрушились, а тѣ, которыя еще кое какъ держались, должны были обрушиться съ наступленіемъ періода дождей. Стало коровъ въ 70 головъ, пасшееся на берегу, было снесено въ море и потонуло. Вообще, скота погибло много.

Въ Талькахуано землетрясеніе началось въ половинѣ двѣнадцатаго утра. Вскорѣ послѣ перваго удара, въ морѣ, миляхъ въ трехъ отъ берега, поднялся громадный валъ и буруномъ накатился на берегъ, превзойдя на 32 фута вышину обыкновеннаго прилива. Сила этой волны была такова, что въ фортѣ одна пушка, вмѣстѣ съ лафетомъ была отброшена на 15 футовъ. Въ развалинахъ города, на полуверстномъ разстояніи отъ берега, нашли выброшенную шхуну. За первою волною, послѣдовали другія, постепенно смывавшія дома и все что было на берегу. Въ одномъ мѣстѣ бухты былъ выброшенъ на берегъ корабль и снова унесенъ въ море; потомъ вторично выброшенъ и вторично унесенъ. Въ другомъ мѣстѣ два большія судна, стоявшія на якорѣ, были сдвинуты вмѣстѣ и канаты ихъ перепутаны. Была минута, когда вода внезапно отлила и суда очутились на сухомъ днѣ, хотя якоря ихъ были брошены на 36-футовой глубинѣ. Набѣжавшая волна снова подкинула ихъ и трепала, пока не обратила въ щепы. Тѣ изъ моряковъ, которые во время успѣли броситься въ лодки, спаслись; множество народа погибло. Одна старуха съ пятилѣтнимъ вну-

комъ тоже бросилась въ лодку, но не съумѣла справиться съ волнами. Лодку нанесло на якорь и разбило, старуха утонула, а ребенокъ ухватился за обломокъ лодки и его спасли нѣсколько часовъ спустя. Когда жители увидали поднимавшійся водяной столбъ, они поняли, что это значитъ, и, побросавъ свое имущество, устремились въ горы, стараясь взобраться какъ можно выше.

Въ первые часы, послѣдовавшіе за главнымъ ударомъ, въ бухтѣ видѣли два взрыва: одинъ, похожій на столбъ дыма, другой—на всплескъ огромнаго кита. Вода словно кипѣла и издавала сильный сѣрный запахъ.

Когда удары стали стихать, жители возвратились домой. Домой! Какой ироніей звучитъ это слово. Домовъ они не нашли, а вмѣсто нихъ—морскую пучину.

Въ Консепсіонѣ, гдѣ наводненіе не смыло развалинъ, между ними стояли огромныя лужи соленой воды и ребятишки, понадѣлавъ себѣ лодокъ изъ поломанной мебели, были, кажется, столько же довольны такимъ положеніемъ дѣлъ, сколько родители ихъ—огорчены и несчастны. Замѣчательно, однако, что обыватели не предавались такому отчаянію, какого можно было бы ожидать. По пословицѣ «на людяхъ и смерть красна», бѣдствіе, постигшее всѣхъ одинаково, казалось менѣе ужаснымъ; положенія и состоянія вдругъ уравнились; общее горе сблизило всѣхъ. Г. Раузь предоставилъ нѣсколькимъ семействамъ свой садъ, и большое общество

прожило цѣлую недѣлю подъ яблонями. Сначала было всѣмъ весело, словно на пикникъ, но когда начались дожди, то пришлось позаботиться о болѣе благонадежномъ приютѣ.

По мнѣнію жителей это было одно изъ самыхъ страшныхъ землетрясеній, случившихся въ Чили, хотя такое мнѣніе было чисто произвольно. По счастью, подобныя землетрясенія бывають черезъ большіе промежутки, и можетъ быть предки настоящихъ жителей испытали нѣчто, еще худшее.

Въ теченіи послѣдующихъ 12-ти дней жители были въ постоянномъ страхѣ. Удары, хотя слабые, повторялись довольно часто. Кто то насчиталъ ихъ до трехсотъ.

Простой народъ въ Талькахуано приписывалъ это землетрясеніе колдовству какихъ то индѣйскихъ старухъ, которыхъ года два тому назадъ чѣмъ то обидѣли, и онѣ будто бы изъ мщенія заклепали жерло вулкана Антуко; потому подземный огонь, не имѣя возможности вырваться черезъ вулканъ, произвелъ землетрясеніе.

Изъ этой басни видно, что даже простой народъ понимаетъ соотношеніе землетрясенія съ изверженіями. При землетрясеніи 20-го февраля мѣстности, въ которыхъ вулканы бездѣйствовали, пострадали болѣе тѣхъ, гдѣ они были въ изверженіи, хотя первыя лежали гораздо дальше отъ Консепсіона и Талькахуано, чѣмъ вторыя. Въ Вальдивіи, напр., пострадавшей очень мало, дровосѣки,

работавшіе у подножія вулкана въ изверженіи, совсѣмъ не ощущали толчковъ.

Самымъ замѣчательнымъ дѣйствіемъ землетрясенія является постоянное возвышеніе почвы. Берега вокругъ залива Консепсіонъ поднялись фута на два или на три; островъ св. Маріи, лежащій въ 30 миляхъ отъ берега, поднялся еще выше. Капитанъ Фицъ-Рой, посѣтившій его послѣ землетрясенія, видѣлъ ракушки еще прикрѣпленныя къ скаламъ на десять футовъ выше черты, до которой доходилъ приливъ. За этими раковинами жители прежде ныряли на дно. Островъ св. Маріи замѣчателенъ тѣмъ, что онъ вынесъ нѣсколько сильнѣйшихъ землетрясеній; этимъ путемъ, вѣроятно, онъ и возникъ. О постепенности его поднятія можно судить по стѣпени находимыхъ на немъ раковинъ. Раковины попадаются на высотѣ 600 и даже 1,000 футовъ. Въ Вальпарайзо находятся такія же раковины на высотѣ 1,300 ф. Едва ли можно отрицать, что эта высота образовалась повышеніемъ почвы вслѣдствіе землетрясеній.

Островъ Хуанъ-Фернандезъ, лежащій въ 360 миляхъ къ с. в., сильно пострадалъ отъ землетрясенія. Деревья съ трескомъ выскакивали изъ земли, сталкивались другъ съ другомъ и ломались; у самаго берега разверзся подводный вулканъ.

«Трудно описать, — говоритъ Дарвинъ, гнетущее впечатлѣніе, которое производитъ на человѣка эта картина разрушенія. Все, что

созидалось руками человеческими въ теченіи многихъ лѣтъ, уничтожается въ одну минуту. И какъ ничтоженъ кажется человѣкъ съ своей муравьиной дѣятельностію въ сравненіи съ всеокружающими силами природы!»

Спустя два года и девять мѣсяцевъ Вальдавія и Чилоэ снова пострадали отъ землетрясенія; одинъ изъ острововъ архипелага Чоносъ сразу поднялся на 8 футовъ. Дѣйствіе вулканической силы происходило на протяженіи 720 миль въ одномъ направленіи и 400 въ другомъ, подъ прямымъ угломъ. Весьма вѣроятно, что подъ этой мѣстностью клокотало озеро лавы, по пространству, вдвое большее площади Чернаго моря. Если мы возьмемъ пространство, занимаемое среднею Европою, отъ Сѣвернаго до Средиземнаго моря съ Франціей включительно, и разставимъ вулканы въ Голландіи, въ Юрѣ на границахъ Франціи и въ Ирландіи, мы будемъ имѣть довольно вѣрное представленіе о площади, захваченной землетрясеніемъ въ Чили.

Глава XV.

Переходъ черезъ Кордильеры.

Простоявъ три дня у Консепціона, Бигль поплылъ въ Вальпарайзо. Вѣтеръ дулъ противный и къ наступленію сумерекъ бригъ былъ только у выхода изъ бухты. Вслѣдствіе тумана капитану показалось рискованнымъ идти дальше и онъ отдалъ приказъ бросить якорь.

Вдругъ изъ тумана вынырнуло и очутилось почти у самага борта большое американское китоловное судно. Капитанъ Фишъ-Рой зычнымъ голосомъ закричалъ, чтобъ на китоловѣ тотчасъ же спустили якорь; но тамъ стоялъ такой крикъ и гвалтъ, что голосъ Фишъ-Роя, заглушенный прибоемъ, потерялся въ пространствѣ. «Отдай якорь, спусти канатъ, поднимай паруса!» кричали

всѣ разомъ на китоловномъ суднѣ. Англичане, привыкшіе къ строгой дисциплинѣ, пришли въ ужасъ отъ такой неурядицы. Но потомъ они ужасно смѣялись, узнавъ, что капитанъ китолова былъ заика и что весь экипажъ, непрерывно, помогая ему отдавать приказанія.

Одиннадцатаго марта Бигль пришелъ въ Вальпарайзо и Дарвинъ предпринялъ путешествіе черезъ Кордильеры, въ Мендосу *). Въ Мендосу вели два перевала: сѣверный—Аконкагва или Успалата, и южный—Портильо. Послѣдній былъ ближе, но круче и опаснѣе.

Снарядившись надлежащимъ образомъ, Дарвинъ 18-го марта выступилъ изъ С. Яго, гдѣ отдыхалъ послѣ продолжительнаго морскаго переезда и волненій, испытанныхъ въ Консепсьонѣ. Любезность и предупредительность обывателей чилийской столицы оставили по себѣ самое пріятное воспоминаніе. Вообще о вѣжливости чилийцевъ Дарвинъ отзывается съ величайшей похвалой. Какъ образчикъ этой вѣжливости онъ приводитъ слѣдующій случай: «Около Мендозы, пишетъ онъ,—мы встрѣтили, верхомъ на мулѣ, толстую негритянку съ безобразно большимъ

*) Въ настоящее время можно кататься по рельсамъ отъ Буэнос-Айреса до города Мендозы, около тысячи верстъ, изъ нихъ въ городъ Мендосѣ нанимъ муловъ, переѣхать верхомъ черезъ Кордильеры, на что требуется отъ трехъ до пяти дней. Такимъ образомъ добираются до города Санто-Роза, откуда опять идетъ желѣзная дорога до Вальпарайзо и С. Яго. Такимъ образомъ, чтобы проѣхать съ Атлантическаго океана на Тихій нужно всего недѣлю. Юинъ, Ю. Америкъ.

лбомъ. Едва ли бы нашлось много образованныхъ Европейцевъ, способныхъ не подсмѣяться надъ этой уродливостью. Американцы, сочли бы даже унизительнымъ оказывать вѣжливость члену отверженной расы. Чилийцы же, сопутствовавшіе Дарвину, поосторонились и, снявъ шляпы, очень любезно привѣтствовали негритянку».

Эти чилийцы были: Маріано Гонзалесъ, уже раньше сопровождавшій Дарвина въ экскурсіяхъ по Чили и «агтіею» погонщикъ десяти выючныхъ муловъ, предводительствуемыхъ увѣщанною колокольчиками «мадриною». «Madrina» или матка, особа весьма важная. Она ведетъ стадо и мулы слѣдуютъ за нею, какъ послушныя дѣти. Привязанность этихъ животныхъ къ своей мадринѣ замѣчательна. Въ равнинахъ, гдѣ пасутся большіе табуны муловъ, погонщику достаточно собрать матокъ и зазвонить въ ихъ колокольчики, чтобы всѣ мулы, будь ихъ хоть нѣсколько сотенъ, узнали колокольчикъ своей матки и собрались къ желаемому пункту. Мулъ отыскиваетъ свою мадрину по чутью, какъ собака охотника. Мулъ одаренъ большой силой, и несмотря на свои тонкія ноги, выноситъ значительныя тяжести. Онъ очень уменъ, понятливъ и способенъ къ привязанности. Мулы, взятыя Дарвиномъ, были раздѣлены на двѣ смѣны: три шли подъ верхомъ, два—подъ выюкомъ. Черезъ известный промежутокъ времени они мѣнялись.

Не желая стѣснять себя опредѣленными

маршрутомъ, Дарвинъ рѣшилъ останавливаться, гдѣ вздумается, чаще всего подъ открытымъ небомъ. Разводили костеръ, варили похлебку и весело бесѣдовали подъ безоблачнымъ небомъ; а ночью, закутавшись въ одеяла, крѣпко засыпали подъ звуки мѣрно побрякивавшихъ колокольчиковъ мадрины, имѣя надъ головою темно синій сводъ усыянный звѣздами.

Долина, по которой ѣхали путники, была, вѣроятно когда-то русломъ рѣки. Начинаясь въ горахъ въ видѣ ущелья, она, по пути къ морю, постепенно расширялась. Осыпи хряща, образовавшіяся отъ размытыхъ водою горныхъ породъ, устилали бока долины, что еще болѣе подтверждало предположеніе о ея образованіи.

Всѣ рѣки Чили имѣютъ видъ потоковъ; ихъ паденіе круто и воды мутны. Шумъ Майны не уступаетъ шуму моря. Издали слышенъ грохотъ сталкивающихся камней и этотъ грохотъ раздается день и ночь на всемъ протяженіи рѣки.

Горы, окаймляющія долины, очень высоки, снизу пологи и хрящеваты, вверху отрубисты и обнажены. Общій колоритъ отрубовъ темно-красный и наслоеніе очень отчетливо видно. Для геолога эти наслоенія очень интересны.

По мѣрѣ поднятія по долинѣ, населеніе болѣе и болѣе рѣдѣетъ; соразмѣрно этому рѣдѣетъ и растительность. Въ одномъ мѣстѣ путники встрѣтили огромное стадо коровъ,

спускавшихся съ горныхъ пастбищъ; это означало, что приближалась зима. Хотя нѣкоторыя горныя площадки были еще покрыты роскошными цвѣтами, но приближеніе зимы было замѣтно по отсутствію птицъ и насѣкомыхъ. Вершины горъ были уже покрыты снѣгомъ и по наблюденіямъ «агтѣго» линія эта значительно расширилась въ послѣдніе дни.

Не желая быть застигнутымъ снѣжною метелью, весьма опасною въ горахъ, Дарвинъ сократилъ остановки, хотя это было очень невыгодно для его геологическихъ изслѣдованій.

Двадцатаго числа путники добрались до рудника, расположеннаго на вершинѣ С. Педро де Ноласко. Присутствіе рудниковъ на такомъ высокомъ мѣстѣ, въ Кордильерахъ не рѣдкость. Металлическія жилы тверже, чѣмъ окружающіе ихъ слои и по мѣрѣ того, какъ послѣдніе вывѣтриваются, жилы выходятъ наружу. Въ Чили всѣ почти поселяне имѣютъ понятіе о признакахъ существованія руды. Вслѣдствіе бѣдности въ топливѣ имъ приходится обыскивать всевозможные закоулки и этому то обстоятельству страна обязана открытіемъ многихъ рудниковъ. Чанунчилио, доставившій въ короткое время массу серебра, былъ открытъ арьеро, который бросилъ камнемъ въ упрямаго мула. Замѣтивъ, что камень необычайно тяжелъ, арьеро снова поднималъ его и увидалъ, что это серебряный слитокъ. Такимъ образомъ открыта была бо-

гатѣйшая жила, представлявшая собою почти сплошной слитокъ. Рудокопы часто отправляются по воскресеньямъ въ горы, взявъ съ собою ломъ; но чаще всего открытія дѣлаются случайно пастухами, проводящими на горахъ большую часть года.

Дарвина чрезвычайно поражали изломы нѣкоторыхъ вершинъ, находящихся большую часть года подъ снѣгомъ. Казалось бы, что подъ снѣговымъ покровомъ горныя породы должны были менѣе вывѣтриваться, но на дѣлѣ выходило иначе. Оставалось только предположить, что трещины и изломы произведены водой отъ тающаго снѣга. Иначе нельзя было объяснить происхожденіе той массы обломковъ, которые постоянно скатываются на ледники, лежащіе ниже снѣговой линіи.

Было уже темно, когда путники прибыли въ котловину Iezo, гдѣ и расположились ночевать. Проснувшись вмѣстѣ съ солнцемъ, Дарвинъ долго не могъ оторвать глазъ отъ оригинальной картины, въ центрѣ которой онъ находился. Окруженная мѣловыми, бѣлыми какъ снѣгъ утесами, раздѣленными зелеными лужайками, котловина походила на декорацію. Пасшяся на различныхъ высотахъ стада и погонщики, нагружавшіе муловъ мѣломъ, довершали иллюзію.

Двинувшись въ путь рано утромъ, путешественники пошли вдоль рѣки, которая приняла уже характеръ бурливаго горнаго потока и, наконецъ, достигли подошвы хребта,

составляющаго водораздѣлъ между бассейнами Атлантическаго и Тихаго Океановъ. Дорога, которая до сихъ поръ была не дурна и шла поднимаясь постепенно, теперь взвилась крутымъ зигзагомъ на переваль, отдѣляющій Чили отъ Мендозы.

Не вдаваясь въ научное описаніе строенія Кордильеръ, скажемъ только, что по находимымъ на нихъ на значительной высотѣ раковинамъ предполагаютъ, что они были когда то морскимъ дномъ и силою огня выдвинуты оттуда. Нѣкоторыя части образованы, вѣроятно, и изверженіями. Весь кряжъ состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ цѣпей; изъ нихъ самыя высокія: Пеквенская цѣпь со стороны Чили и Портильянская—со стороны Мендозы.

Маленькій караванъ продолжалъ двигаться впередъ. На отвѣсной высотѣ мулы стали приставать. Крикнетъ на нихъ погонщикъ, послушныя животныя сдѣлаютъ 50 шаговъ и опять остановятся.

— Это рипа—говоритъ погонщикъ.

— Что это такое, рипа? — спрашиваетъ Дарвинъ и въ тоже время чувствуетъ, что ему тяжело дышать; ощущеніе вродѣ того, какъ изъ теплой комнаты выйдешь на сильный морозъ.

— Гдѣ снѣгъ тамъ и рипа,—объясняетъ погонщикъ.

Всѣ начинаютъ ощущать вліяніе разрѣженнаго воздуха; всѣмъ тяжело дышать. Проводники жалѣютъ, что не взяли съ со-

бою луку; это будто бы помогает отъ рипы.

— Очень возможно, — говоритъ Дарвинъ, — что лукъ полезенъ для дыхательныхъ путей; имъ здѣсь лечатъ грудныя болѣзни.

Проводники рассказывали ему, что въ мѣстечкѣ Потози, иностранцы не могутъ выжить и года, тогда какъ туземцы не страдаютъ отъ рипы. Потози лежитъ на высотѣ 13,000 ф. надъ уровнемъ моря. Что касается Дарвина, то для него самымъ лучшимъ лѣкарствомъ оказались раковины, которыя онъ нашелъ на этой высотѣ. Находка заинтересовала его и онъ позабылъ о рипѣ.

На полдорогѣ встрѣтился караванъ въ 70 навьюченныхъ муловъ, спускавшихся съ горы. Съ зигзага, идущаго въ гору ихъ нѣсколько разъ было видно. Постепенно становились они мельче и мельче и, наконецъ, представились въ видѣ линіи ползущихъ букашекъ, погоняемыхъ комарами.

Съ приближеніемъ къ перевалу поднялся порывистый холодный вѣтеръ. Путники находились въ поясѣ вѣчной зимы и шли по снѣгу. Мадрина осторожно ступала впередъ, а за нею смѣло шли ея подчиненные. Достигнувъ перевала, Дарвинъ остановился, чтобы взглянуть на разстилающуюся передъ нимъ панораму. «Необыкновенная прозрачность воздуха позволяла видѣть далеко и глубоко, — пишетъ онъ. — Передо мной развернулась грандіозная картина: зеленая равнина, дикіе угловатые утесы, груды облом-

ковъ, накопившихся вѣками, разноцвѣтные отрубы горъ, снѣговья вершины и надъ всѣмъ этимъ ярко голубое небо... такого пейзажа ни перомъ, ни кистью изобразить невозможно, а кто его видѣлъ, тотъ никогда не забудетъ. Въ созерцательномъ экстазѣ я забылъ даже мои задачи естествоиспытателя и на великолѣпныхъ кондоровъ, вившихся надъ моею головою, не обратилъ вниманія. Кому не суждено созерцать природы во всемъ ея величїи, тотъ пусть вообразитъ себя въ концертѣ, гдѣ исполняется образцовое произведеніе образцовымъ оркестромъ. Онъ ощутитъ нѣчто подобное тому, что ощутилъ я, т. е. преобладаніе духа надъ матерїею, доставляющее наслажденіе самаго высшаго порядка».

Отъ созерцанія вернувшись къ дѣйствительности, Дарвинъ замѣтилъ, что мулы, ступая по снѣгу, оставляютъ на немъ красноватый, словно кровяной слѣдъ. Снѣгъ былъ окропленъ только тамъ, гдѣ онъ былъ притоптанъ; натертая имъ бумага получала блѣдно розовый цвѣтъ. Полагая, что это космическая пыль, столь извѣстная мореплавателямъ по арктическимъ морямъ, Дарвинъ рассмотрѣлъ ее подъ микроскопомъ и нашелъ, что это мельчайшіе микроорганизмы въ видѣ красныхъ шариковъ, заключенныхъ въ прозрачную оболочку.

Переваливъ черезъ Пеквенскій хребетъ, путники спустились въ горную страну, лежащую на 11,000 ф. надъ уровнемъ моря.

Это и была провинція Мендоза, представлявшая пока пустыню съ весьма скудною растительностью. До населенной мѣстности было еще далеко, а Дарвинъ страшно усталъ и потому рѣшилъ провести здѣсь ночь. Набрали корявыхъ кустарниковъ и съ трудомъ развели огонь. Между тѣмъ дулъ вѣтеръ пронзительно холодный. Укутавшись, усталые путники уснули. Проснувшись около полуночи, Дарвинъ замѣтилъ, что стало особенно тихо и взглянувъ на небо, увидалъ нависшія свинцовыя тучи. Онъ слышалъ, что въ Кордильерахъ лѣтомъ, всегда ясное небо и дождя не бываетъ, но за то зимой часто свирѣпствуютъ снѣговыя бури. Бѣда путнику, застигнутому этими бурями въ горахъ. Здѣсь нѣтъ нарочно выстроенныхъ приотровъ, какъ это бываетъ, въ иныхъ мѣстахъ, и если не найдется по близости пещеры, гдѣ можно было бы укрыться отъ непогоды, путешественникъ можетъ поплатиться жизнью.

Дарвинъ разбудилъ арьеро и указалъ ему на небо. «Безъ грома и молніи здѣсь метели не бываетъ», сказалъ арьеро и, повернувшись на другой бокъ, снова захрапѣлъ.

Костеръ горѣлъ всю ночь, а картофель, кипятившійся надъ нимъ въ котлѣ, и къ утру не сварился. Дарвину было понятно, что причина такого явленія заключалась въ слишкомъ маломъ давленіи атмосферы; но проводники увѣряли, что всему виноватъ проклятый котелъ, который не хотѣлъ варить картофель.

По утру путники спустились съ Пеквенскаго хребта, чтобъ начать подъемъ на Портильанскій. Между двумя хребтами царствовала полнѣйшая зима; стада были уже все угнаны и даже гуанако ушли.

Второй подъемъ показался еще тяжелѣе перваго; устали путники, устали ихъ животныя. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали большіе конусы краснаго гранита; внизу лежали широкія поляны, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ массы снѣга сплотились въ высокія ледяныя глыбы или колонны, стоявшія такъ близко другъ къ другу, что выючныя животныя едва могли протискаться между ними. На одной изъ такихъ ледяныхъ колоннъ лежала замерзшая лошадь съ вытянутыми вверхъ ногами. Это животное, вѣроятно, упало въ оврагъ, когда онъ былъ занесенъ снѣгомъ и снѣгъ потомъ кругомъ обтаялъ. Почему снѣгъ таялъ такъ неравномѣрно—Дарвинъ не объясняетъ.

Добравшись до перевала Портильо, путники попали въ облако тончайшей снѣжной пыли, сопровождавшее ихъ въ теченіи цѣлаго дня. За два шага ничего не было видно; приходилось двигаться наобумъ.

Проходъ Портильо, т. е. ворота, получилъ названіе отъ узкой расщелины въ скалѣ, на самой вершинѣ перевала. Ворота, по счастью, не были занесены снѣгомъ, что случается нерѣдко, и путники, счастливо миновали ихъ. Спустившись до пояса первой растительности и отыскавъ подъ скалами уютный уголокъ,

они расположились на ночлегъ. Здѣсь неожиданно встрѣтились нѣсколько путешественниковъ, поднимавшихся на переваль. Путешественники съ тревогой спрашивали о состояніи воротъ. Передъ наступленіемъ ночи небо очистилось; взошла луна. Облака сползли съ верхушекъ, закрывъ молочною завѣсою остальное пространство, и горы, освѣщенные луною, еще рѣзче выдѣлялись надъ этимъ молочнымъ моремъ, въ которомъ словно утопали лежащіе подъ скалою люди. Подъ утро стало сильно морозить, но такъ какъ вѣтеръ утихъ, то путники спали очень хорошо.

Увѣренія проводника, что снѣжная метель здѣсь всегда сопровождается грозой, на этотъ разъ не оправдались; но въ большинствѣ случаевъ это, вѣроятно, такъ и бываетъ, потому что присутствіе электричества здѣсь ощутительно. Стоитъ погладить животное, чтобы его шерсть издавала трескъ и искры; всѣ вещи, кожаные ремни и даже простыни, при треніи даютъ искры; Дарвинъ обронилъ фланелевую фуфайку и быстро нашелъ ее, потому что она словно плавала въ морѣ свѣта. Одинъ путешественникъ, застигнутый здѣсь грозой, былъ свидѣтелемъ поразительнаго явленія: лошади и всадники окружены были фосфорическимъ свѣтомъ точно сіяніемъ.

Спускъ съ восточной стороны Кордильеръ гораздо короче, но за то круче, чѣмъ со стороны Тихаго океана.

Подъ ногами путниковъ разстилалась ров-

ная, блестящая скатерть облаковъ, которая скоро и поглотила ихъ; они шли въ туманѣ, рискуя каждую минуту наткнуться на какую нибудь скалу. Такъ продолжалось весь день. Напавъ на площадку, поросшую кустарникомъ, годнымъ для топлива, путники расположились на ночлегъ.

— «Меня очень поразила,—пишетъ Дарвинъ,—рѣзкая разница между растительностью этихъ восточныхъ долинъ и тѣхъ, которыя лежатъ со стороны Чили, тогда какъ климатъ и свойство почвы почти одни и тѣже. Также велика разница и въ царствѣ животномъ. Могу привести примѣръ мышей, которыхъ я собралъ на восточныхъ склонахъ 13 видовъ, а на западныхъ—пять, и ни одинъ не походить на другой. Исключеніе составляютъ только тѣ животныя, которыя живутъ на высокихъ горахъ и свободно переходятъ съ одной стороны на другую.

«Флора и фауна Мендозы гораздо болѣе напоминали Патагонію, чѣмъ Чили. Здѣсь мы встрѣтили такіе же, какъ и въ Патагоніи колючіе кустарники, травы и мелкія растенія. Изъ животныхъ: агуті — американскій кроликъ, три вида броненосцевъ, страуса, нѣсколько видовъ куропадокъ и другихъ птицъ. Попадались даже горные, тихо ползущіе жуки, которыхъ я встрѣчалъ въ Патагоніи.

«Я всегда жалѣлъ, что намъ не удалось по рѣкѣ С. Круцъ добраться до горъ; теперь я убѣдился, что не открылъ бы ничего новаго.

«Рано утромъ я взобрался на одну изъ скалъ, съ которой открывался видъ на пампасы. Я ожидалъ много наслажденія отъ этой картины, но картина оказалась довольно однообразною: море зелени и только на сѣверѣ дѣль рѣки въ видѣ серебряныхъ нитей, сверкавшихъ на солнцѣ—вотъ и все».

Въ полдень путники спустились въ долину и пришли къ сторожевому посту, гдѣ находились офицеръ и трое солдатъ для осмотра паспортовъ. Одинъ изъ солдатъ былъ чистѣйшій индѣецъ пампасовъ, поставленный тутъ въ качествѣ ищейки, чтобы слѣдить за пѣшими и конными путешественниками. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ контрабандистъ пытался было скрыться, пробираясь по крутизнамъ, доступнымъ однимъ орламъ, но солдатъ-ищейка слѣдилъ за нимъ втеченіи цѣлаго дня и, наконецъ, накрылъ его.

На посту путники услышали, что сопровождавшіе ихъ серебристыя облака разразились здѣсь проливнымъ дождемъ.

Съ этого пункта равнина начала болѣе и болѣе расширяться, а горы понижаться; онѣ казались холмами въ сравненіи съ тѣми гигантами, которыхъ путники оставили позади. Равнина шла пологой покатою, пока не слилась съ безбрежными пампасами. Добравшись до станціи Чакайо, путники расположились на ночлегъ.

Ночью пала сильная роса—обстоятельство въ этой мѣстности очень рѣдкое. Дорога шла нѣкоторое время на востокъ, пересѣкая бо-

П О Л У Н О Ч Н О

лотистую низменность, потомъ, круто повернувъ на сѣверъ, пошла по сухой равнинѣ къ Мендозѣ. Для перехода этого пространства потребовалось два дня. Мѣсто было незаселенное; на всемъ пути встрѣтилось всего два—три дома. Солнце сильно пекло и путешествіе было лишено всякаго интереса; бѣдность въ водѣ дѣлала его еще болѣе тягостнымъ. Ручьи текли съ горъ, но не добѣгая до равнины, всасывались пересохшею почвою. Во многихъ мѣстахъ встрѣчались солончаки съ свойственными этой почвѣ растеніями. Вообще вся мѣстность, между Магеллановымъ проливомъ и Ріо-Колорадо, по всему восточному берегу Патагоніи, очень однообразна.

На востокъ отъ этой выгнутой линіи лежитъ бассейнъ зеленыхъ равнинъ Буэнос-Айреса. Равнины Мендозы и Патагоніи состоятъ изъ слоевъ хряща, измельченного и нанесеннаго волнами океана, тогда какъ тучные пампасы образовались изъ рѣчнаго ила, отложившагося въ устьяхъ Ла-Платы.

Приятно было послѣ такого труднаго пути увидеть ряды тополей, возвѣщавшихъ о близости благоустроенной мѣстности. Но прежде этого путникамъ пришлось увидеть нѣчто другое, совсѣмъ особенное. Съ юга показались какія то красныя клубившіяся пятна—не то облака, не то дымъ. Оказалось, что это ничто иное, какъ саранча, летѣвшая такимъ толстымъ слоемъ, что изъ за нея неба не было видно. Шумъ отъ ея полета похо-

диль на шумъ тысячи телѣгъ, или на вой вѣтра въ корабельныхъ снастяхъ. Жители окрестныхъ селеній и фермъ, завидя зловѣщее облако, выбѣжали вооруженные различными орудіями, но ни шумъ, ни маханье, ни огни костровъ не могли остановить крылатыхъ хищниковъ. Туча опустилась на землю, насѣкомыя расползлись въ различныхъ направленіяхъ и вмигъ все зеленое было съѣдено и дугъ сдѣлался бурымъ какъ послѣ пожара.

Переѣхавъ Люксонъ, довольно большую рѣку, путники остановились на ночлегъ въ селеніи Люксонъ, лежащемъ въ пяти миляхъ къ югу отъ столицы округа.

«Незавидную ночь я провелъ, — пишетъ Дарвинъ. — На меня накинудись бенчуки, большіе черные клопы, водящіеся въ пампасахъ. Признаюсь, я предпочелъ бы нападеніе люсого хищнаго животнаго, потому что ничего нѣтъ противнѣе ползающаго по тѣлу насѣкомаго, да еще вонючаго. Этотъ клопъ, въ тощемъ видѣ, похожъ на облатку; но по мѣрѣ того, какъ онъ насасывается, онъ округляется. Поймавъ одного совершенно тощаго клопа, я положилъ его на столъ и поднесъ ему палецъ. Онъ тотчасъ же выпустилъ жало и бросился на палецъ. Менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ онъ изъ облатки превратился въ шаръ. Уколъ его почти не вѣдственъ, но потомъ ранка сильно зудитъ».

Окрестности Мендозы воздѣланы рос-

кошно. Всякихъ плодовъ здѣсь изобиліе и они баснословно дешевы. Арбузъ вдвое больше человѣческой головы, сладкій и сочный, стоитъ 1½ коп.; полтелѣжки чудныхъ персиковъ—три; здѣсь также воздѣлывается виноградъ. Въ Мендозѣ какъ и въ Чили земля обязана своимъ плодородіемъ искусственному орошенію, превратившему безплодныя хрящеватыя равнины въ роскошныя плантаціи.

Мендоза послѣ С. Яго показалась Дарвину очень скучнымъ городомъ. Она такова и была до постройки желѣзной дороги, о которой говорено было выше. Въ настоящее время всѣ торговыя сношенія между Чили и Аргентиной производятся по этому направленію и Мендоза сдѣлалась важнымъ торговымъ центромъ. Въ 1894 году долженъ быть окончиться туннель черезъ Кордильеры и установиться непрерывное сообщеніе между Тихимъ и Атлантическимъ океанами. Такимъ образомъ трудности переходовъ черезъ Кордильеры, со всѣми сопровождавшими ихъ катастрофами отойдутъ въ область преданій.

Для обратнаго пути Дарвинъ выбралъ, ради разнообразія, проходъ Успалату, въ сѣверной части Кордильеръ. Пришлось ѣхать цѣлыхъ 15 миль по мѣстности совершенно безплодной, только кое гдѣ поросшей ползучимъ кустарникомъ и кактусомъ съ необычайно длинными иглами. Солнце палило немилосердно, а копыта животныхъ поднимали тучи мельчайшей пыли, которая наби-

валась въ носъ, глаза и уши. Дорога шла параллельно Кордильерамъ, постепенно приближаясь къ нимъ. Мало по-малу песчаная равнина стала отходить вправо и путники вступили въ долину, которая все суживаясь, превратилась въ ущелье. Тутъ на возвышенности красовалась вилла Вицензія, столь милая сердцу каждаго проѣзжающаго.

Объ этой виллѣ упоминаютъ всѣ путешественники, такъ отрадно человѣку, послѣ странствованій по пустынямъ, увидать человеческое жилье. Въ сущности же, вилла Вицензія совсѣмъ не вилла, а просто постоянный дворъ, живописно расположенный на возвышенности, у подошвы которой течетъ порядочная рѣчка. За этой рѣчкой путники прослѣдили съ минуты ея рожденія. Въ равнинѣ русло ея было совсѣмъ сухо; мало-по-малу оно стало сырѣть; потомъ появились небольшія лужи. Лужи соединились въ ручеекъ и у Вицензіи текла уже порядочная рѣчка. Мулы, цѣлый день не видавшіе воды, съ жадностью принялись ее пить.

Мѣстность такъ понравилась Дарвину, что онъ рѣшилъ пробыть здѣсь нѣсколько дней. Хозяинъ Вицензіи, старый Чилиецъ, водилъ его по горамъ, а хозяйка угощала касуэлой, національнымъ блюдомъ, которое Дарвинъ очень любилъ.

Касуэла, это нѣчто вродѣ нашего борща. Хорошая касуэла заключаетъ въ себѣ безчисленное количество вещей, производимыхъ

почвою Чили; и чѣмъ этихъ вещей больше, тѣмъ касуэла лучше. Куски курицы или говядины варятся вмѣстѣ съ ломтиками кукурузы, картофеля, лука, тыквы, разныхъ другихъ кореньевъ и съ примѣсью перца. Чилийскія женщины большія мастерицы приготавливаютъ это кушанье. Кромѣ того онѣ пекутъ пироги съ разною начинкою. Пироги сочны, вкусны и чрезвычайно напоминаютъ русскіе подовые пирожки. Очень вкусно еще одно національное кушанье «Lunitas»: Мамалыга изъ крупной кукурузной муки съ большимъ количествомъ лука и какого нибудь жира завертывается въ свѣжій большой кукурузный листъ и тушится въ горшкѣ.

Окрестныя горы доставили ученому богатый матеріалъ для наблюдений. Ему удалось дѣлать такъ называемые геологическіе разрѣзы и наносить на карту въ какой послѣдовательности лежатъ въ хребтѣ пласты различныхъ горныхъ породъ.

По строенію хребта ему казалось, что здѣсь должны встрѣтиться окаменѣлыя деревья и дѣйствительно онъ не ошибся. Въ одномъ обнаруженномъ отрубѣ горы онъ увидалъ бѣлые, блестящіе, словно соляные, столбы. Это то и были окаменѣлыя деревья, покрытыя налетомъ кристаллизованнаго известковаго шпата. На виду ихъ было штукъ до 60, а въ глубинѣ горы скрывался, вѣроятно, цѣлый лѣсъ. Деревья стояли не плотно другъ къ другу, какъ въ настоящемъ лѣсу; вершины и сучья ихъ были отломаны, но

объемъ пней поражалъ своими размѣрами. Легко себѣ представить, какъ обрадовался ученый такой находкѣ, которая вполнѣ подтверждала его предположенія. Химикъ, изслѣдовавшій кусокъ этого дерева въ Лондонѣ, нашелъ, что оно принадлежитъ къ семейству елей и араукарій и имѣетъ нѣкоторое сходство съ тиссомъ. Вулканическій песчаникъ, въ которомъ залегли эти деревья сохранилъ еще отпечатокъ древесной коры.

«Воображеніе мое разыгралось,—пишетъ Дарвинъ и я представлялъ себѣ такую картину: группа зеленыхъ гигантовъ стоитъ, помахивая вѣтвями на берегу Атлантическаго океана въ ту эпоху, когда Океанъ, нынѣ уже отступившій на 700 миль, подходилъ къ самымъ горамъ. Земля поколебалась и деревья вмѣстѣ съ почвою, на которой росли, опустились на дно океана и надъ ихъ вершинами заходили волны. Въ глубинѣ продолжали работать подземныя силы. Лѣсную землю покрыли осадочные слои, на которые излились потоки подводной лавы, потомъ опять осадочные слои, опять лава и такъ повторялось до пяти разъ. Вдругъ океанъ, словно утомленный тяжестью, лежавшей въ его нѣдрахъ, изрыгнулъ ее вонъ и на поверхности земли очутилась горная цѣпь.

Въ хребтѣ Успалаты очень много обнаженныхъ утесовъ, на которыхъ различныя наслоенія весьма явственно видны. Красныя, зеленыя различныхъ оттѣнковъ, бѣлыя оса-

дочныя породы кой гдѣ перерѣзанныя черной лавой и различные слои порфира всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ отъ темнобураго, до ярколиловаго поражаютъ глазъ. Для геолога эти горы чистый кладъ.

Оставивъ 1-го апрѣля виллу Вицензію, путешественники миновали переваль и стали спускаться. Вскорѣ они прибыли къ потоку Люксонъ, который здѣсь такъ стремителенъ, что едва возможно было переправиться черезъ него въ бродъ. На слѣдующій день пришлось переправляться черезъ самую бурную Кордильерскую рѣку: Рио-де-ласъ-Вакасъ. Горныя рѣки имѣютъ всѣ одинъ и тотъ же характеръ: днемъ, отъ таянія снѣговъ, онѣ многоводны, бурны и мутны. Съ закатомъ солнца, когда таяніе снѣговъ прекращается, воды успокаиваются, свѣтлѣютъ и потому, самое лучшее время для переправы — раннее утро или лунная ночь.

Далѣе пошла невыносимо однообразная мѣстность, на которой, кромѣ торчавшихъ кой гдѣ между острыми камнями кактусовъ, никакой растительности не было. Бѣдные мулы, два дня ничего не ѣвшіе, совсѣмъ отошались.

Съ приближеніемъ къ проходу «las Animas» (души) проводники стали волноваться.

— Здѣсь многимъ приходится разставаться съ своей душой, — говорили они.

«Въ дѣйствительности же, всѣ эти опасности преувеличены южнымъ воображеніемъ, говоритъ Дарвинъ. — Попадаются, конечно,

мѣста, откуда, если мулъ оступится, легко полетѣть въ пропасть. Но мулы здѣсь привычны, ихъ ноги цѣпки и крѣпки. Гораздо опаснѣе для животныхъ, когда они идутъ съ выюками; выюкъ можетъ задѣть за утесы и животному, потерявшему равновѣсіе, легко сорваться и погибнуть. Весною, опасности больше: дороги размываетъ; иногда ихъ приходится прокладывать по новымъ мѣстамъ. По большей же части дорога настолько широка, что и повернуть мула и развѣхаться можно.

«О переправѣ черезъ рѣки я уже писалъ; вотъ тутъ дѣйствительно опасность не шуточная; но стоитъ только довѣриться опытному «аггiero», а арьеро посовѣтуетъ довѣриться мулу, и дѣло въ шляпѣ. Я что то не слыхалъ, чтобы тонули люди. Съ выючными мулами это изрѣдка бываетъ: ноги мула застрянуть между камнями, выюкъ лишаетъ животное свободы движеній, теченіе сбиваетъ его съ ногъ и оно погибаетъ».

4-го Апрѣля путники переправились черезъ мостъ Инковъ, который правильнѣе было бы назвать чертовымъ мостомъ. Горячій источникъ пробилъ себѣ ходъ въ скалѣ, оставивъ какимъ то чудомъ тонкій хрящеватый слой, на который потомъ нанесло земли и камней—это то и есть мостъ. За мостомъ пошли порядочныя пастбища и, хотя было еще рано, но Дарвинъ заблагоразсудилъ остановиться здѣсь на ночлегъ, имѣя въ виду тяжелый подъемъ на слѣдующій день.

Переваль Кумбръ находится на высотѣ 12,454 фут. Подъемъ на него занялъ цѣлый день; полъ дня пришлось идти почти по сплошному снѣгу. На вершинѣ перевала дулъ пронзительный вѣтеръ, захватывало дыханіе и несмотря на это видъ внизъ былъ такъ хорошъ, что нельзя было не остановиться хоть на нѣсколько минутъ. При удивительной прозрачности воздуха дальнѣйшія очертанія горъ были явственно видны на темноголубомъ фонѣ безоблачнаго неба. Тоны были такъ мягки и пріятны, что глазъ съ наслажденіемъ покоился на нихъ. И вѣтеръ и усталость — все было позабыто.

Къ ночи путники миновали уже линію снѣговъ и въ небольшой ложбинѣ остановились на ночлегъ.

Здѣсь случилась неожиданная бѣда: воры увели одного мула и сняли колокольчики съ мадрины. Грустно было думать, что и эти дѣвственные пустыни осквернены порочными дѣянiями челоуѣка! Арьеро обшарилъ всѣ лошины, но ничего не нашелъ, а въ поискахъ пропалъ цѣлый день.

Съ этого мѣста начался обычный чилийскій пейзажъ. Растительность пока не могла назваться роскошною: канделяброобразные кактусы и низкорослыя деревья не блистали красотою; но при сравненіи съ безплодными восточными склонами они пріятно ласкали глазъ. Одно изъ этихъ деревьевъ «*quillago saroparia*» замѣчательно тѣмъ, что его кора употребляется какъ мыло.

Это дерево вѣроятно, скоро совсѣмъ переведется, такъ какъ съ развитіемъ мѣстной промышленности кора его во множествѣ вывозится въ Европу. Кора эта, дающая обильную мыльную пѣну, чрезвычайно пригодна для мытья шерсти. Недавно открыли, что въ ней отлично моются некрашенныя шелковые ткани.

8-го Апрѣля путники спустились въ плодородную долину Аконкагва и остановились въ селеніи С. Роза *). Была уже глубокая осень; большая часть фруктовыхъ деревьевъ потеряла листья; жители заняты были сушкою плодовъ, разложенныхъ по крышамъ. Нѣкоторые собирали еще виноградъ. Какъ отраденъ былъ видъ жилого мѣста и кипучей дѣятельности послѣ продолжительнаго странствованія по безлюднымъ каменистымъ пустынямъ. Десятаго числа Дарвинъ прибылъ въ С. Яго и отдохнувъ немного, отправился въ Вальпарайзо. Вся экскурсія, длившаяся 24 дня, дала много цѣннаго научнаго матеріала и доставила массу эстетическихъ наслажденій.

*) Нашъ городъ.

ГЛАВА XVI.

Сѣверное Чили и Перу.

Даспростившись съ живописнымъ Вальпарайзо, Дарвинъ 27-го числа отправился на сѣверъ, избравъ конечнымъ пунктомъ Копіано въ 420 миляхъ отъ Вальпарайзо; тамъ онъ долженъ былъ съѣсть на Бигль.

Не желая стѣснять свой маршрутъ, рѣшивъ ѣхать куда вздумается и останавливаться гдѣ заблагоразсудится, Дарвинъ купилъ четырехъ лошадей и двухъ муловъ, которые должны были чередоваться подъ багажемъ. Всѣ шесть животныхъ стоили 25 фунтовъ стерлинговъ, а въ Капіано они были перепроданы за 23 фунта, такъ что перевозочныя средства обошлись почти да-

ромъ—выгода, на которую путешественникъ совсѣмъ не разсчитывалъ. Имѣя въ виду геологическія изслѣдованія, Дарвинъ свернулъ съ большой дороги къ подошвѣ Квильотскаго Колокола, и проѣхалъ аллювіальнымъ округомъ, богатымъ золотомъ. Жители множества деревушекъ, разбросанныхъ по берегамъ золотоносныхъ ручьевъ, существуютъ промывкою золота и какъ всѣ люди, не имѣющіе опредѣленнаго заработка, живутъ изо дня въ день безпечно и бѣдно.

На слѣдующій день путники прибыли на ферму, которую содержалъ арендаторъ. Этотъ человѣкъ былъ такъ бѣденъ, что едва могъ прокормить себя и семью. Здѣшніе мелкіе землевладѣльцы вообще очень бѣдны. Зачастую, для оборота, они должны продавать хлѣбъ на корню, почему, на мѣстѣ, онъ гораздо дороже, чѣмъ у подрядчиковъ въ Валь-параизо.

На слѣдующій день, по дорогѣ въ Коквимбо, путники были настигнуты сильнымъ дождемъ, первымъ съ Сентября, т. е. въ промежуткѣ 7^{1/2} мѣсяцевъ. Впрочемъ, въ этотъ годъ періодъ дождя начался въ Чили позднѣе обыкновеннаго. Въ горахъ дождь превратился въ снѣгъ и на утро далекія Кордильеры явились въ ослѣпительномъ бѣломъ убранствѣ.

Дорога шла теперь вдоль морского берега, окаймленнаго первымъ уступомъ Кордильеръ. Все что доступно было глазу: долины, ложбины, скалы, утесы казалось до

нельзя миниатюрнымъ въ сравненіи съ только что посѣщеннымъ величественнымъ главнымъ хребтомъ. Точно такой же видъ представляло, вѣроятно, и дно прилежащаго моря, усѣянное рифами. Древесная растительность была здѣсь крайне бѣдна и скоро совсѣмъ прекратилась.

На слѣдующій день, 3-го Мая, путники ѣхали уже по совершенно безплодной мѣстности, гдѣ не было корма даже для козъ. Весною, однако-же, послѣ зимнихъ дождей, здѣсь быстро вырастаетъ трава и скотъ сгоняется, на короткое время, на эти луга. Чрезвычайно интересно наблюденіе, какъ травы и другія растенія принаравливаются къ количеству влаги, выпадающей въ различныхъ частяхъ берега. Одинъ ливень на сѣверъ отъ Коніано производитъ такое же дѣйствіе на растительность какъ два къ югу, и какъ три, четыре еще южнѣе. Сухая зима въ Вальпарайзо бываетъ губительна для растительности, тогда какъ ближе къ сѣверу вредъ ея совсѣмъ ничтоженъ. Сама природа идетъ какъ бы на встрѣчу потребностямъ прозябаемаго царства. Въ Кончали, который находится всего въ 67 миляхъ къ сѣверу отъ Вальпарайзо, дождя не выпадаетъ до конца Мая, тогда какъ въ Вальпарайзо онъ начинается уже идти въ началѣ Апрѣля, словно торопясь напоить пересохшую отъ зноя почву.

Прибрежныя скалы и маленькіе острова, отскочившіе отъ материка, покрыты слоемъ гуано, доставляющимъ большіе доходы пред-

принимателямъ. Въ иныхъ мѣстахъ слои этого драгоценнаго удобренія возвышаются на нѣсколько сажень. Какая масса птицъ должна была слетаться сюда, чтобъ нанести такую толщу помета! Въ слояхъ помета—попадаютъ цѣлые остовы птицъ, которые для натуралистовъ—сушая находка. Нѣкоторые изслѣдованія показали, что предки теперешнихъ породъ были гораздо крупнѣе. Напрасно нѣкоторые мыслители приписываютъ измельчаніе человѣческой породы ея вырожденію; измельчаніе это замѣчается и въ животномъ и въ растительномъ царствѣ.

Наскучивъ однообразіемъ береговой полосы, путники 4-го числа свернули въ долину Иллапеля. Эта долина, какъ и всѣ чилийскія долины хорошо воздѣлана. По окружающимъ ее бурымъ скаламъ видно, какова-бы она была, еслибъ о ней не заботилась рука человѣка; при рѣдко выпадающихъ дождяхъ, безъ орошенія здѣсь ничего-бы не выросло; а теперь снимается нѣсколько жатвъ въ одинъ годъ. Въ данную эпоху долины, засѣяныя алфальфой (родъ клевера), походили на роскошные яркозеленые ковры.

Далѣе пошелъ рудоносный округъ Лось Хорнось, гдѣ главная гора была истыкана какъ гигантскій муравейникъ. Къ сожалѣнію жизнь здѣшнихъ рудокоповъ не упорядочена, подобно жизни ихъ собратьевъ въ Англіи. Имѣя въ рукахъ сразу много денегъ, они кутятъ, пьянствуютъ и, зачастую, возвращаются домой въ одномъ рубищѣ, да еще съ придаткомъ пороковъ и болѣзней.

Чилійскіе рудокопы носятъ довольно живописную одежду, состоящую изъ длинной клѣтчатой рубашки и кожаннаго передника, перевязаннаго яркимъ поясомъ. Костюмъ до-

Добыча гуано.

вершаютъ широкіе штаны и маленькая красная шапочка, кокетливо надѣтая на бекрень. Путники встрѣтили цѣлую партію рудокоповъ въ такомъ нарядѣ, провожавшихъ тѣло умер-

шаго товарища. Четверо скакали верхомъ, четверо несли тѣло, бѣгомъ догоняя верховыхъ; остальные тоже бѣжали, дикими криками подзадоривая другъ друга. Все это представляло весьма странную картину, мало похожую на похоронную процессію.

Путники двигались къ сѣверу, часто уклоняясь въ сторону и останавливаясь, гдѣ день, гдѣ два, смотря по обстоятельствамъ. Двѣнадцатаго числа Дарвинъ осмотрѣлъ мѣдный рудникъ, который разрабатывался такимъ-же первобытнымъ способомъ какъ и раньше посѣщенные рудники. Здѣсь, какъ и въ Яквиѣ, руду изъ шахтъ таскали люди, такъ называемые апиры. Эти апиры—нѣчто въ родѣ нашихъ крючниковъ, составляютъ особую артель, имѣющую специальностью выносить руду изъ шахты. Взявъ на спину кусокъ пудовъ въ 7—8, апиръ начинаетъ карабкаться по бревну съ перекладами изъ глубины въ нѣсколько десятковъ сажень, одолевая весь путь безъ передышки. Разъ двѣнадцать въ сутки совершить онъ это гимнастическое упражненіе, а въ промежуткахъ работаетъ внутри шахты.

Тяжело и больно смотрѣть на апира, когда онъ вылѣзаетъ изъ своей норы. Подъ тяжестью ноши онъ стибается такъ, что руками почти касается земли. Ноги его выгнуты, мускулы напряжены, поздри раздуты, зрачки расширены, дыханіе вырывается со свистомъ. Но только что онъ свалитъ свой грузъ, выпрямится, вздохнетъ полной грудью,

и передъ вами молодецъ хоть куда: здоровый и веселый. Передохнувъ минутъ пять, апиръ снова исчезаетъ въ дырѣ. По истинѣ можно

Рудники изъ Чили.

сказать, что по способности приспособляться къ извѣстнымъ условіямъ, человѣку — въ животномъ царствѣ нѣтъ равнаго.

Управляющій рудникомъ чиліецъ, очень

симпатичный молодой человек, охотно давал Дарвину желаемыя объясненія. «Мнѣ теперь часто приходится имѣть дѣло съ иностранцами, — говорилъ онъ, — а еще недавно мы боялись ихъ чуть ли не больше самого Вельзевула. Когда я учился въ Коквимбо, насъ повели однажды въ праздникъ посмотрѣть на англійскаго капитана, пріѣхавшаго въ гости къ губернатору. Съ благоговѣйнымъ страхомъ смотрѣли мы на это чудо, и ни за что не согласились бы подойти и прикоснуться къ нему. Одна почтенная дама, которой довелось обѣдать съ англичаниномъ, пресерьезно увѣряла, что на видъ, онъ ничего себѣ, какъ и другіе люди. Эта же особа сообщала, что во времена ея молодости она не разъ была свидѣтельницей, какъ при одномъ восклицаніи «Los Ingleses», жители схватывали что было поцѣнище и бросались въ горы».

Прибывъ въ Коквимбо 14-го числа Дарвинъ остановился тамъ на нѣсколько дней. Утромъ выпалъ дождь и фермеры воспользовались этимъ, чтобъ сдѣлать всаашку; послѣ вторичнаго дождя они посѣяли, а если выпадетъ третій, то урожай обезпеченъ.

Любопытно было наблюдать дѣйствіе такого незначительнаго дождя. Спустя 12 часовъ почва казалась такою же сухою, какъ прежде; однако, черезъ недѣлю всѣ холмы покрылись зелеными пятнами жидкой волокнистой травы, тогда какъ до дождя вся почва была обнажена какъ на большой дорогѣ.

Въ Коквимбо Дарвинъ сошелся съ своими товарищами моряками и они пріятно проводили время у гостепріимнаго англійскаго резидента. Семнадцатаго числа во время обѣда случилось землетрясеніе. Женщины принялись кричать, слуги забѣгали, мужчины бросились къ дверямъ. Съ нѣсколькими дамами сдѣлалось дурно. На этотъ разъ, однако-же, тревога не соотвѣтствовала опасности. Дѣло обошлось безъ несчастія. Когда всѣ успокоились, начались рассказы. Одинъ молодой человѣкъ, отецъ котораго, незадолго передъ тѣмъ, потерялъ все состояніе въ Талькахуано, сообщилъ, что онъ самъ едва выскочилъ изъ обрушившагося дома въ Вальпарайзо. Онъ съ нѣсколькими пріятелями игралъ въ карты. Вдругъ одинъ изъ игроковъ всталъ, и на вопросъ, куда онъ идетъ, пояснилъ, что идетъ отворить дверь, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ съ открытой дверью безопаснѣе. Едва успѣлъ онъ открыть дверь, какъ вскрикнулъ: начинается! Мгновенно всѣ побросали карты и выбѣжали. Тотчасъ-же послѣдовалъ страшный ударъ и домъ обрушился.

Отворять или пріотворять двери—предосторожность въ этихъ мѣстахъ далеко не лишняя. Случается, что ударъ, потрясая домъ, перекоситъ плинтуса и тогда отворить дверь невозможно.

Нельзя отказать чилійцамъ въ мужествѣ и присутствіи духа, но землетрясеніе наводитъ и на самыхъ храбрыхъ панической ужасъ.

Причина этого главнымъ образомъ заключается въ неизвѣстности того, что можетъ воспослѣдовать и въ сознаниіи полнѣйшей беспомощности. Выказывать страхъ въ этомъ случаѣ вовсе не считается стыдомъ. Въ глазахъ туземцевъ гораздо преступнѣе равнодушіе. Два англійскихъ матроса спали во время землетрясенія на берегу и слыша толчки, не встали, увѣренные, что имъ не угрожаетъ опасность. «Посмотрите, эти еретики даже встать не хотятъ!» кричали съ негодованіемъ, указывая на нихъ, туземцы.

«Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, — пишетъ Дарвинъ, — я осматривалъ уступы Кордильеръ въ видѣ терасъ ихъ хряща, нанесеннаго, по мнѣнію натуралиста Лайяля, моремъ во время постепеннаго возвышенія страны. Объясненіе ученаго подтверждается еще тѣмъ, что на этихъ терассахъ множество раковинъ и по нынѣ существующихъ видовъ. Пять узкихъ, слегка покатыхъ терасъ возвышаются одна надъ другою, огибая долины, лежащія по берегамъ бухты. Въ Гуаско, на сѣверъ отъ Коквимбо, эти терассы такъ широки, что образуютъ цѣлыя равнины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ образуютъ пять, въ иныхъ — шесть уступовъ. Терассы Гуаско въ маломъ видѣ похожи на тѣ, которыя идутъ вдоль патагонскаго берега и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ образовались посредствомъ постоянного прибоя морскихъ волнъ во время долгихъ промежутковъ покоя между постепенными поднятіями почвы».

21 мая Дарвинъ отправился въ обществѣ г. Эдвардса, англійскаго резидента, осматривать принадлежащіе сему послѣднему серебряные рудники. Къ ночи туристы были уже на мѣстѣ и прекрасно выпались, благодаря отсутствію блохъ, отъ которыхъ въ Коквимбо житья нѣтъ. Рудники оказались въ плохомъ положеніи, тогда какъ въ прежнія времена они давали до 50 пудовъ серебра въ годъ. Здѣсь существуетъ поговорка: «отъ мѣдной руды доходъ всегда, отъ серебряной иногда, отъ золотой—никогда». Но эта поговорка вѣрна только относительно. Мѣдные рудники, дѣйствительно всегда даютъ какой нибудь доходъ; въ разработкѣ благородныхъ металловъ всегда есть рискъ, но за то, въ случаѣ удачи затрата покрывается сторицею. Еще недавно одинъ англійскій медикъ, вернувшійся въ Англію изъ Копіано, привезъ 24,000 ф. стерл., вырученныхъ на его пай.

Помимо риска, владѣльцы рудниковъ не мало теряютъ отъ воровства, котораго пресѣчь невозможно. Одинъ владѣлецъ держалъ съ другимъ пари на сигары, что работникъ на глазахъ его украдетъ металлъ. Стали слѣдить. Рабочіе обивали руду. Вдругъ двое изъ нихъ со словами: «а ну ка, чей кусокъ дальше полетитъ!» швырнули по куску шлака. Владѣлецъ и его пріятель переглянулись. Вечеромъ рабочій принесъ хозяину отброшенный имъ кусокъ руды съ металломъ и пристыдилъ его словами: «из-

вольте-ка посмотрѣть; вотъ на что вы выиграли сигары».

На слѣдующій день Дарвинъ съ своимъ спутникомъ спустились въ плодородную долину Коквимбо и ночевали въ гашиендѣ, у родственниковъ Эдвардса. Отсюда они слѣлали маленькую экскурсію по долинѣ, которая оказалась превосходно воздѣланною.

Въ долинѣ, у подошвы предгорій Кордильеръ, живописно разбросано нѣсколько селеній. Дарвина увѣряли, что на предгоріяхъ много окаменѣлостей; но по изслѣдованію, всѣ онѣ оказались голышами.

Было уже 3-е іюня, но здѣшнему зима, но влаги почти не выпадало. Слѣды дождя, судя по растительности, дѣлались менѣе и менѣе ошутительными и, наконецъ, совсѣмъ прекратились; пошла голая каменистая пустыня, а затѣмъ песчаная равнина, усѣянная морскими раковинами. По мѣстамъ стояли лужи соленой воды. Раковины да улитки были единственными живыми существами въ этой печальной мѣстности. Словно для нихъ здѣсь растетъ рѣдкая ползучая травка, которою онѣ и питаются. Гуассо увѣряють, что улитки рождаются изъ росы. Имъ потому такъ кажется, что улитки появляются только рано утромъ, а днемъ зарываются въ песокъ. Въ округѣ Коризаль путники не безъ удивленія увидали нѣсколько хижинъ; но ихъ обитатели, по крайней бѣдности, едва могли удѣлить проѣзжающимъ нѣсколько хлѣба для нихъ, и соломы для лошадей.

Переваливъ черезъ нѣсколько невысокихъ кряжей, путники снова очутились на морскомъ берегу, въ долину Гуаско.

Этотъ маленькій приморскій оазисъ замѣчателенъ своими плодами; персики, апельсины, фиги, и особенно виноградъ такъ хороши, какъ нигдѣ. И между тѣмъ апельсины и виноградъ не мѣстные фрукты. Они завезены изъ Европы, но отлично акклиматизировались и подъ вліяніемъ тропическаго солнца сдѣлались нѣжны, ароматны и чрезвычайно сладки.

Въ долину Гуаско лежатъ четыре городка, изъ которыхъ чрезвычайно привлекательна Фрейрина съ ея игрушечными домиками, размаляванными, по мѣстной модѣ, нѣжными колерами.

Растительность этой мѣстности, обыкновенно роскошная, находилась въ данную минуту въ самомъ жалкомъ положеніи; 13 мѣсяцевъ уже здѣсь не было дождя. Жители ужасно завидовали населенію Коквимбо, узнавъ, что тамъ былъ дождь. Двѣ недѣли спустя дождь осчастливилъ и ихъ. Все это время Дарвинъ былъ въ Копіано, гдѣ завидовали жителямъ Гуаско. Здѣсь не рѣдкость періоды въ 2—3 года, когда можетъ быть разъ выпадетъ незначительный дождь. Но за то, послѣ годовъ засухи наступаетъ дождливый годъ, и отъ него больше горя, чѣмъ радости. Рѣки разливаются, размываютъ арыки*), заносятъ пескомъ плодородные

*) Оросительные каналы.

участки. Послѣ этого бѣдствія жители долго не могутъ наладить свое хозяйство.

«Отсюда до Копіано мы ѣхали три дня,—пишетъ Дарвинъ,—и если-бы я сталъ описывать эту дорогу, то слова «обнаженный» и «безплодный» пришлось-бы повторять безконечное число разъ. Впрочемъ все въ мірѣ сравнительно и относительно. Я называлъ безплодными равнины Патагоніи, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ колючаго кустарника и жидкой травы; а тѣ равнины могутъ считаться плодоносными въ сравненіи съ сѣвернымъ Чили. Но и тутъ попадаются мѣста, гдѣ торчитъ жалкій кактусъ, или стелется лишайникъ. За то въ почвѣ скрываются сѣмена, готовая при первомъ обильномъ дождѣ дать роскошную зелень. Настоящая-же пустыня находится въ Перу, гдѣ онѣ простираются на огромныя пространства безъ всякаго признака растительности. Если тяжело было на этомъ пути намъ, людямъ, имѣвшимъ съ собою провизію, то что-же чувствовали несчастныя лошади, которыя не пили и не ѣли въ теченіи цѣлыхъ 55 часовъ. А взглянувъ на нихъ, никто-бы этого не подумалъ. Наконецъ, 11-го числа мученія наши кончились: мы достигли долины Копіано и остановились въ гашіендѣ г. Бингли, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо».

Долина Копіано, лежащая ярко зеленою лентою въ пустынѣ, тянется по направленію къ югу, и имѣетъ значительное протяженіе до своего начала въ Кордильерахъ. Она

идеть по обѣимъ сторонамъ рѣки и въ иныхъ мѣстахъ такъ узка, что не можетъ быть орошаема; тутъ она совершенно безлюдна. Количество обрабатываемой земли соразмѣряется съ количествомъ воды, которую можетъ доставить рѣка на орошеніе. Эта рѣка въ верхней части очень широка и полноводна; но по мѣрѣ того какъ она разбирается на орошеніе, рѣка становится мельче и мельче и, наконецъ, исчезаетъ, не доходя до моря. Въ сухіе годы пользованіе водою регулируется правительствомъ и для наблюденія за порядкомъ посылается на плотины отрядъ солдатъ. Жители съ упованіемъ смотрятъ на Кордильеры и радуются малѣйшему признаку бури; бури въ горахъ обезпечиваютъ ихъ урожай. Снѣгъ въ горахъ несравненно полезнѣе дождя внизу, т. к. онъ сохраняется дольше и питаетъ рѣку. Если-бы снѣгъ въ горахъ не выпадалъ, долина Копіано была-бы необитаема. Бывали, говорятъ, случаи, когда жители, вслѣдствіе продолжительныхъ засухъ должны были переселяться на югъ. Пробывъ въ гашиендѣ г. Бингли нѣсколько дней, Дарвинъ нанялъ муловъ и направился къ ущелью Холквера въ центральныхъ Кордильерахъ. Погода хмурилась и ночью было нѣсколько подземныхъ ударовъ.

Существуетъ ли связь между землетрясеніемъ и бурями? Этотъ вопросъ разрабатывался еще Гумбольдомъ и онъ пришелъ къ положительному выводу. Въ Гаяквилѣ сильныя ливни въ сухое время года обыкновенно

сопровождаются землетрясениями. Въ сѣверномъ Чили, гдѣ дожди такъ рѣдки, жители настолько убѣждены въ взаимодѣйствіи атмосферныхъ и подземныхъ силъ, что обитатели Копіано, узнавъ о землетрясеніи въ Коквимбо, съ радостью воскликнули: «ну, значитъ у насъ будетъ нынче урожай!» Для нихъ землетрясеніе также вѣрно предвѣщаетъ дождь, какъ дождь—урожай. Дѣйствительно случилось такъ, что въ тотъ же самый день, когда было землетрясеніе, пошелъ проливной дождь, благодаря которому все зазеленѣло. Это явленіе особенно рѣзко бросается въ глаза, когда дождь идетъ въ такое время года, когда его обыкновенно не бываетъ. Во время сильнаго вулканическаго изверженія въ Козегвинѣ дождь лилъ потокомъ въ самое не свойственное ему время года, чему почти не было примѣровъ въ южной Америкѣ.

Не встрѣтивъ ничего интереснаго въ ущельѣ Холквера, Дарвинъ вернулся въ долину Копіано и пробылъ два дня въ гапцендѣ донъ Бенито, разыскивая ископаемые раковины и деревья. Послѣднія онъ нашелъ въ неѣроятномъ количествѣ, заложеными въ конгломератѣ. Это были въ полномъ смыслѣ гиганты футовъ по 11—15 въ окружности. Чилийцевъ чрезвычайно интересовали изысканія иностранца. Они были увѣрены, что онъ отыскиваетъ руду. «Неужели васъ не интересуютъ явленія природы?» спрашивалъ Дарвинъ туземцевъ. Отчего происходятъ землетрясенія, почему мало выпадаетъ

дождя и т. д. Но туземцы относились къ этимъ вопросамъ съ полнымъ равнодушіемъ, а другіе прямо съ недоброжелательствомъ, — «на что пытаться Бога», говорили они.

Въ своихъ экскурсіяхъ Дарвинъ постоянно натыкался на трупы собакъ и, наконецъ, узналъ, что недавно вышелъ приказъ истреблять этихъ животныхъ. Въ послѣднее время появилось много бѣшеныхъ собакъ, перекусавшихъ людей. Въ этой долинѣ не разъ уже появлялась гидрофобія *), отъ которой погибло не мало людей. Замѣчательно, что какъ здѣсь, такъ и въ Англіи, гидрофобія появляется отъ времени до времени въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Докторъ Унану говоритъ, и другіе ученые подтверждаютъ, что эта болѣзнь возникла впервые въ 1803 г. въ центральной Америкѣ и распространилась къ югу. Въ 1807 году она достигла Арквини, гдѣ нѣсколько негровъ умерли отъ водобоязни, поѣвъ мяса взбѣсившагося быка. У людей укушенныхъ бѣшенымъ животнымъ, болѣзнь появлялась спустя 12—15 дней и принимала быстрое теченіе, за которымъ неминуемо слѣдовала смерть. Въ Вандименовой землѣ, въ Австраліи, на мысѣ Доброй Надежды и на Азорскихъ островахъ о гидрофобіи не имѣютъ понятія. Вѣроятно климатическія условія содѣйствуютъ распространенію этой болѣзни въ одной мѣстности больше, чѣмъ въ другой.

*) Водобоязнь.

Передъ отъѣздомъ Дарвина изъ дома Бенита, къ послѣднему пріѣхалъ новый гость, тоже путешественникъ. Но этому гостю не посчастливилось въ дорогѣ; онъ 17 дней проплуталъ въ горахъ и потерялъ своихъ муловъ, упавшихъ въ пропасти.

Распростившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, Дарвинъ двинулся далѣе и 22-го числа прибылъ въ Копіано *).

Копіано типичный чилійскій городъ. Онъ выработалъ особый типъ людей удалыхъ, беззаботныхъ и вольныхъ, также какъ пампа выработала гаучо. Гаучо гоняется по зеленой пампѣ за скотомъ, катеадоро гоняется по чилійскимъ горамъ и пустынямъ за серебромъ, золотомъ и т. п. И внѣшній видъ катеадора напоминаетъ гаучо; тѣ же огромныя шпоры, огромная шляпа и пончо (плащъ). Только гаучо дальше степи не идетъ, а катеадора можно встрѣтить вездѣ, гдѣ есть гора и въ горѣ этой какой нибудь металлъ.

Катеадоръ не ученый геологъ; онъ просто наблюдатель. По формѣ пластовъ известняка, по горнымъ породамъ, по тѣмъ, или другимъ сортамъ растений онъ отыскиваетъ рудоносныя жилы, преодолевая при этомъ страшныя трудности, часто сопряженныя съ серьезною опасностью. Опытные катеадоры

*) Копіано былъ первый пунктъ въ Ю. Америкѣ, гдѣ построили желѣзную дорогу съ морского берега.

очень цѣнятся предпринимателями, которые нанимають ихъ за большую плату *).

Нанявъ проводника съ восемью мулами и запасшись провизіею, Дарвинъ выѣхалъ изъ Копіано, чтобы снова подняться на Кордильеры. Миляхъ въ двухъ отъ города началась пустыня и потянулась длинною безотрадною полосою, лишенною всякой растительности. Отъ восхода солнца и до сумерекъ не встрѣтилось ни одного источника. Къ вечеру доѣхали до колодезь, называемыхъ «аqua amarga», т. е. горькая вода. Вода оказалась не только горькою, но и соленою, и затхлою; нельзя было даже заварить чаю. Немного далѣе явилось на пути нѣкоторое разнообразіе въ видѣ остатковъ стариннаго индѣйскаго поселенія. Подобныя развалины встрѣчаются во многихъ частяхъ Кордильеръ, въ особенности въ сѣверной части. Онѣ стоятъ группами и имѣютъ видъ небольшихъ квадратныхъ комнатъ съ низкими дверями; въ иныхъ уцѣлѣли и двери изъ глѣнаго куска плиты. Въ развалинахъ находятъ клочки тканей, сѣмена кукурузы, серебряныя и золотыя украшенія, агатовые наконечники стрѣлъ, подобные тѣмъ, которые и теперь употребляются жителями Огненной Земли.

Принимая во вниманіе, что эта часть южно-американскаго материка поднялась очень сильно и еще продолжаетъ подниматься, можно безошибочно предположить, что при-

*) Юинъ, Ю. Америка.
ПУТЕШЕСТВІЕ ДАРВИНА.

сушей краю сухости воздуха въ давнія времена не существовало, а потому и равнины, бесплодныя нынѣ, могли быть, въ прежнія отдаленныя времена, прекрасно орошаемы. Безъ воды не могъ бы существовать человекъ, а что онъ существовалъ—доказано наукою. Еще не такъ давно докторъ Лундъ нашелъ въ Бразильскихъ пещерахъ скелеты, изслѣдованіе которыхъ привело его къ убѣжденію, что индѣйская раса—существовала въ Ю. Америкѣ съ незапамятныхъ временъ. Такъ какъ поднятіе почвы не могло произойти безъ страшныхъ переворотовъ, то на первый взглядъ кажется страннымъ, какъ уцѣлѣли хижины. Но стоитъ приглядѣться къ этимъ развалинамъ, чтобы разгадать загадку. Хижины сбиты изъ грязи и такъ затвердѣли, что ихъ топоръ не беретъ. Надо полагать, что онѣ поднимались и опускались съ почвою, на которой стояли, причемъ многія, конечно, разрушились, и уцѣлѣла только часть.

Натуралистъ Тамплъ рассказываетъ, что во время своего путешествія по верхнему Перу онъ видѣлъ множество развалинъ индѣйскихъ жилищъ на самыхъ горныхъ вершинахъ, свидѣтельствующихъ о былой населенности этихъ мѣстъ, совершенно необитаемыхъ въ настоящее время. Нѣкто Джилъ, горный инженеръ въ Лимѣ, хорошо знающій страну, сообщилъ Дарвину по этому предмету нѣсколько интересныхъ данныхъ. Онъ увѣренъ, что та мѣстность, гдѣ теперь встрѣчаются индѣйскія развалины, была пре-

жде годною для поселеній. Во многихъ мѣстахъ онъ видѣлъ слѣды оросительныхъ каналовъ и даже подземный арыкъ, узкій, но очень длинный. Не удивительно ли, что подобное сооруженіе выполнили люди, не знавшіе употребленія желѣза и пороха! Г. Джилъ видѣлъ русло большой рѣки, питавшей арыки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высохшаго русла еще виднѣлись осадки песка и гальки. Русло шло круто въ гору и переваливъ черезъ нея, спускалось внизъ. Такъ какъ подобнаго явленія не бываетъ въ природѣ, то очевидно, что поперекъ древняго русла поднялась горная цѣпь и вода сбѣжала; долина лишилась оплодотворяющей ея влаги и превратилась въ пустыню. Видъ пустыни подъ яснымъ сіяніемъ безоблачнаго неба, кажется сначала очень величественнымъ, но это впечатлѣніе скоро притупляется и однообразная картина становится болѣе и болѣе скучною. Глаза пытливо всматриваются въ даль, въ надеждѣ увидать признаки растительности и какъ отрадно бываетъ увидать эти признаки!

27-го Іюня путники достигли лошины, гдѣ текъ ручеекъ, росла трава и довольно много альгаррабы, деревья изъ породы мимозъ. Топлива оказалось достаточно и путники хорошо провели ночь, хотя было довольно холодно.

28 числа, продолжая подниматься, видѣли нѣсколько гуанако и довольно много мелкихъ лисицъ, питающихся мышами и другими грызунами, которые водятся въ изобиліи вездѣ, гдѣ есть хоть малѣйшая растительность.

Слѣдующій привальъ былъ сдѣланъ у подошвы водораздѣла, на берегу огромнаго соленаго озера, лежащаго на 10,000 фут. надъ поверхностью моря. Кругомъ все было покрыто снѣгомъ, притомъ дуть холодный вѣтеръ, а ночью морозило, такъ что вода въ кувшинѣ замерзла. Жутко было ночевать въ подобной мѣстности, особенно при отсутствіи топлива.

Въ Кордильерахъ путешественники нерѣдко погибаютъ отъ холода и метелей. Холодъ дѣйствуетъ особенно губительно на людей непривычныхъ. Проводникъ разсказывалъ Дарвину, что когда онъ былъ мальчикомъ лѣтъ 14-ти, и проѣзжалъ, однажды въ маѣ мѣсяцѣ, съ партіей путешественниковъ черезъ Кордильеры, поднялся при безоблачномъ небѣ такой вѣтеръ, что путешественники должны были держаться за муловъ, чтобы не упасть. Вѣтеръ съ страшною силою срывалъ камни и они сыпались вокругъ, ежеминутно угрожая проѣзжающимъ. Притомъ было такъ холодно, что руки коченѣли. Буря длилась цѣлый день; путники и животныя выбились изъ силъ. Братъ проводника вздумалъ вернуться и погибъ. Его нашли много времени спустя, лежащаго съ муломъ, съ поводьями въ окоченѣвшихъ пальцахъ. Двое путешественниковъ отморозили себѣ пальцы на рукахъ и ногахъ, а изъ 300 муловъ и 30 коровъ уцѣлѣло только 14 муловъ. Нѣсколько лѣтъ спустя погибла другая партія, вся безъ остатка, и даже трупы не были найдены.

«Мы съ радостью спустились въ долину къ мѣсту нашего перваго ночлега,—пишетъ Дарвинъ,—а оттуда въ Аква-Амарга. 1-го Іюля мы вернулись въ долину Копіано. Запахъ свѣжей зелени казался особенно восхитительнымъ, послѣ безплоднаго Деспобладо и, если пустыня могла показаться сносной, то только въ виду возможности вернуться въ населенную и воздѣланную мѣстность».

Недалеко отъ Копіано находится гора «el Gramador», т. е. ревунъ. Это небольшая возвышенность, покрытая пескомъ, который отъ движенія людей и животныхъ скатывается и производитъ шумъ. Неразвитые туземцы не хотятъ признавать естественной причины шума и приписываютъ его сверхъестественнымъ силамъ. Лошадь, ступая по сухому крупному песку, производитъ скрипъ, какъ у насъ по снѣгу въ морозные дни. Тотъ же скрипъ подъ ногами лошади замѣчается и на морскомъ берегу.

Спустя три дня по возвращеніи изъ горъ, Дарвинъ узналъ о прибытіи Бигля и простившись съ Копіано и своимъ проводникомъ, сопутствовавшимъ ему во всѣхъ экскурсіяхъ, направился къ морю. Портъ, лежащій въ 18 миляхъ отъ города, оказался простой деревней въ нѣсколько хижинъ, сколоченныхъ изъ досокъ на подобіе ящиковъ.

Ни магазиновъ, ни пакгаузовъ не было; тюки товаровъ валялись на берегу, ничѣмъ неприкрытые. Въ настоящее зимнее время,

портовые обыватели ликовали; у нихъ текла рѣка и прѣсная вода была подъ рукою. Лѣтомъ за нею приходится ѣздить за нѣсколькими милями, потому что рѣка вся разбирается на орошеніе и до моря не доходитъ.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу плылъ Бигль, тѣмъ пустыннѣе и мрачнѣе становились берега. Изъ-за черныхъ скалъ, обугленныхъ немилосердно палящими лучами солнца, поднимались другія скалы, прямые, словно нарочно выровненные стѣны. Едва только тамъ и сямъ блеснетъ налетъ соли или селитры, или выступятъ бурые силуэты горъ, уходящихъ вдаль. Нигдѣ не видно ни долины, ни лощины, ни оврага, ведущаго внутрь земли; берегъ кажется неприступенъ какъ крѣпость. Все мертво, тихо, нигдѣ ничего не шелокнется; иногда только вѣтерокъ дунетъ со стороны Кордильеръ и мрачная стѣна берега задымится вверху золотистою пылью песка, смѣтаемаго вѣтромъ въ море.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣется нѣчто вродѣ каскадовъ узенькихъ, блестящихъ, словно струи воды льющейся въ море. Иллюзія полная; но только иллюзія! Это ничто иное какъ блестящій кварцевый песокъ смѣшанный съ солью и селитрой, который сползаетъ по углубленіямъ скалъ и застрѣвая здѣсь, образуетъ каменные неподвижные водопады, которые искрятся на солнцѣ какъ струи живой воды. По этимъ признакамъ опытные люди узнаютъ существованіе залежей селитры.

Въ другихъ мѣстахъ по отвѣснымъ стѣнамъ берега проходятъ сверху внизъ или поперекъ, или вкось узкія бѣлыя жилы, такъ что берегъ кажется полосатымъ; это признакъ присутствія металла, по большей части серебряной руды *).

12-го Іюля Бигль бросилъ якорь въ гавани Иквике, на Перуанскомъ берегу. Городокъ въ нѣсколько хижинъ, лишенный воды и растительности, лежитъ на плоской песчаной отмели у подножія высочайшихъ скалъ, идущихъ вдоль берега отвѣсно, на подобіе стѣны. Мѣстность здѣсь совершенно пустынная; дождя не выпадаетъ по нѣскольку лѣтъ и обыватели испытываютъ танталово мученіе, видя, какъ облака клубятся надъ океаномъ, а къ нимъ не заходятъ. Далѣе на сѣверъ, ближе къ экватору, прибрежныя мѣстности, зимою увлажняются туманами, но дальше двухъ—трехъ миль отъ берега эти туманы не распространяются. Лѣтомъ-же всюду ясно и все безжалостно накаляется отвѣсными лучами солнца. Это происходитъ только до границъ Эквадорской республики; но тамъ декорация вдругъ мѣняется; тамъ зимою сухо и нѣтъ тумановъ, а лѣтомъ уже льютъ безъ перерыва дожди; т. е., когда солнце стоитъ въ зенитѣ въ южномъ полушаріи, дожди господствуютъ тогда на всемъ пространствѣ южныхъ тропиковъ; но только у береговъ Тихаго океана ихъ царство ограничивается

*) Заимствовано у Гюинна, Ю. Америка.

7-ою южною параллелью, а тамъ, за Кордильерами, и по берегамъ Атлантическаго океана лѣтніе дожди льютъ до 25 и даже до 30-го градуса.

Холодное тихо-океанское теченіе, омывающее берега Америки, начиная съ Огненной Земли, кончается у сѣверной оконечности Перу, а вмѣстѣ съ нимъ кончается и пустыня. Кордильеры одѣваются великолѣпнымъ лѣсомъ, также какъ и внутри страны, на скатахъ, обращенныхъ къ Арауканіи. Лѣсъ, растущій по склонамъ этихъ Кордильеръ, очень высокаго качества. Главная масса деревьевъ принадлежитъ къ породѣ буковъ, роскошныхъ гигантовъ, прямыхъ какъ стрѣла, достигающихъ 180 ф. вышины. Иной стволъ не обхватить и шести человѣкамъ. Это дерево преимущественно идетъ на корабельныя мачты. Съ букомъ соперничаютъ робле, породы котораго очень разнообразны. Бываютъ робле оранжеваго цвѣта, часто переходящаго въ красный, а древесиной напоминаютъ нашъ дубъ. Для столбовъ и стропиль это самое лучшее дерево; оно не гниетъ даже въ водѣ. Дерево это имѣетъ пріятный запахъ, нѣсколько похожій на кипарисъ.

Очень красиво «Cipres», родъ Туи, которое рѣзко выдѣляется своею тусклою сѣрою зеленою среди глянцевитыхъ или густо-зеленыхъ листьевъ остальныхъ деревьевъ. Дерево это имѣетъ правильную конусообразную форму, словно его кто выровнялъ ножницами.

Затѣйливо громоздятся эти гиганты по склонамъ горъ и по обрывамъ, свѣшивая надъ ними свою листву, увѣшанную ліанами какъ кружевомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ ліанъ покрыты яркими цвѣтами, что вмѣстѣ съ подлѣскомъ изъ темной мирты производить поразительный эффектъ.

Возвратимся къ Иквике и его печальнымъ окрестностямъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ города начинается обширная пустыня «Пампа Тamarуга» *), представляющая собою богатую, почти сплошную залежь селитры, толщина которой, вмѣстѣ съ солью, доходитъ въ иныхъ мѣстахъ до сажени. Въ первый разъ эта соль была открыта въ 1830 году и въ первый же годъ ее вывезено въ Европу на сумму около милліона рублей. Изъ нея выдѣлываютъ азотную кислоту и употребляютъ на удобреніе.

Читатель, конечно, не посѣтуетъ на насъ, если мы слѣлаемъ маленькое отступленіе и позаимствуемъ у Юнина описаніе теперешняго города Иквике и его селитряныхъ копей. Все то, что засталъ Дарвинъ въ зародышѣ, развилось и окрѣпло и въ настоящее время служить неисчерпаемымъ источникомъ обогащенія и благоустройства страны.

Нынѣшній городокъ Иквике не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, который описываетъ Дарвинъ. Въ немъ много прекрасныхъ домовъ, затѣйливо украшенныхъ, много банковъ,

*) Нынѣ отождѣленъ съ Чили.

правлений, магазиновъ; есть театръ, циркъ, электрическое освѣщеніе. И все это создалъ одинъ предприимчивый человѣкъ, англичанинъ Нортъ, извѣстный подъ названіемъ «селитрянаго короля». Этотъ король прокладываетъ теперь черезъ пустыни, вдоль своихъ владѣній, водопроводъ, болѣе чѣмъ на сто верстъ и черезъ какіе нибудь два три года городъ Иквике, получивши воду изъ-подъ Кордильеръ, будетъ утопать въ цвѣтахъ и тропической растительности.

Между тѣмъ, не болѣе какъ какихъ нибудь 30 лѣтъ тому назадъ, Нортъ былъ простымъ машинистомъ на одной изъ первыхъ южно-американскихъ дорогъ. Ѣздилъ себѣ, да приглядывался, да смекалъ и, наконецъ, смекнувъ окончательно, гдѣ раки зимуютъ, бросилъ свое ремесло, составилъ небольшую компанію, вложилъ туда свои сбереженія и сталъ копать селитру. Дѣло приняло такой оборотъ, что Нортъ нашелъ нужнымъ расширить предпріятіе. Онъ съѣздилъ въ Лондонъ, составилъ нѣсколько компаній и повелъ дѣло такъ, что теперь владѣетъ чуть ли не милліардомъ.

Но какъ истый англичанинъ, имѣющій высокое представленіе о своихъ общественныхъ обязанностяхъ, Нортъ не замкнулся въ тѣсный кругъ личной жизни. Онъ явился настоящимъ провидѣніемъ обогатившей его мѣстности. Онъ обстроилъ городъ, нарылъ артезіанскихъ колодцевъ, настроилъ школы, церкви, освѣтилъ городъ сперва газомъ,

потомъ электричествомъ, провелъ нѣсколько мелкихъ линій желѣзныхъ дорогъ и теперь мечтаетъ о грандіозной вѣтви на Кордильеры.

Селитра залегаетъ очень неглубоко, въ иныхъ мѣстахъ прямо на поверхности, и тогда она поразительно походитъ на снѣгъ; также блестятъ, также горятъ радужными огнями ея кристаллы. Селитру копаютъ просто заступомъ, а затѣмъ везутъ на фабрику, гдѣ ее промываютъ и очищаютъ отъ песка и соли. Соль и селитру сгребаютъ потомъ въ особыя кучи и, по просушкѣ, отвозятъ въ порты и грузятъ на корабли для отправки въ Европу.

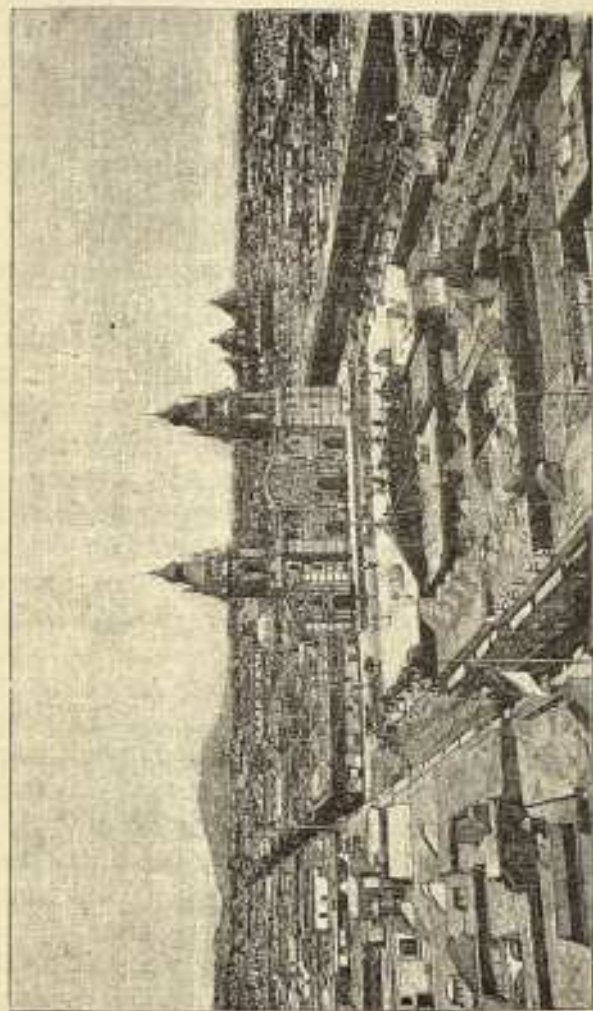
Копь, посѣщенная Дарвиномъ находилась въ той самой пампѣ Тамаруга, которая потомъ обогатила страну. Она имѣетъ видъ огромнаго озера, которымъ, вѣроятно и была, пока не выдвинулась такъ высоко (2,000 футовъ).

Продолжая плыть къ сѣверу, Бигль 14-го іюля бросилъ якорь въ портѣ Каллао, въ недалекомъ разстояніи отъ Лимы, столицы Перу. Бригъ простоялъ здѣсь 6 недѣль, но къ сожалѣнію, Дарвинъ не могъ воспользоваться этимъ временемъ для своихъ изслѣдованій. Политическіе безпорядки помѣшали ему основательно ознакомиться со страной.

Когда испанское правительство было изгнано изъ Америки, на развалинахъ его владѣній разныя бывшія колоніи образовали изъ себя отдѣльныя республики. Чтобъ разграничиться между собою, они рѣшили придер-

живаться тѣхъ же границъ, которыя при испанскомъ правительствѣ существовали между разными колоніями и губернаторствами. Но были мѣстности пустынные, никому ненужныя, на которыя никто не заявлялъ претензій. И вдругъ въ нѣдрахъ этихъ пустынь, какъ, напр., въ Атокамѣ и Тамаругѣ открылись несмѣтные богатства. Прилежащія къ нимъ республики Перу и Чили тотчасъ же затѣяли споръ о правѣ владѣнія, споръ привелъ къ кровопролитному столкновению и Чили осталась побѣдительницей. Богатая «Пампа Тамаруга» отошла къ Чилийской республикѣ.

«Хваленый климатъ Перу совсѣмъ не оправдалъ моихъ ожиданій,—пишетъ Дарвинъ.—Небо было постоянно покрыто тучами и въ первыя двѣ недѣли мнѣ только изрѣдка, сквозь разорванные облака, удавалось полюбоваться Кордильерами. Въ нижней части Перу дождь—большая рѣдкость, но за то туманъ такъ увлажняетъ почву, что на улицахъ стоитъ грязь. Обыватели называютъ эту влагу перувианскою росой. При жгучемъ тропическомъ солнцѣ, влага, конечно, быстро испаряется, и плоскія крыши домовъ, покрытыя утрамбованною землею, нисколько отъ нея не страдаютъ. Обыватели говорятъ, что лѣтомъ климатъ пріятнѣе; но какъ лѣтомъ, такъ и зимой здѣсь свирѣпствуютъ лихорадки, разсадникомъ которыхъ служатъ болота, окружающія Каллао. Почва вокругъ Ріо Жанейро также болотиста, но тамъ не

Городъ Лича.

знають лихорадокъ, потому что роскошная растительность оздоравливаетъ воздухъ. Здѣсь же нѣтъ ничего, кромѣ грубой жесткой травы. Въ такихъ точно условіяхъ находится городъ Арика, но тамошніе жители догадались осушить болота и климатъ значительно улучшился.

«Міазмы особенно злокачественны ночью, а потому никакъ не слѣдуетъ спать на открытомъ воздухѣ. Замѣчательно, что изъ иностранцевъ, люди, остающіеся на судахъ, страдаютъ отъ лихорадки гораздо менѣе тѣхъ, которые остаются на берегу и чѣмъ разстояніе больше, тѣмъ опасность меньше».

Волненія и неурядицы, господствовавшія въ странѣ, сильно мѣшали Дарвину заниматься изслѣдованіями. Четыре военачальника боролись изъ-за верховной власти. Какъ только одному изъ нихъ удавалось одержать верхъ, другіе тотчасъ соединялись противъ него; но едва одолѣвали противника, какъ тотчасъ же перессоривались между собою. При подобныхъ условіяхъ экскурсіи внутри страны были опасны; приходилось довольствоваться пустыннымъ портомъ с. Лоренцо и его окрестностями.

Самый высокій пунктъ этой мѣстности лежитъ въ предѣлахъ облаковъ и, увлажняемый ими, производитъ нѣсколько видовъ травъ и цвѣтовъ. На холмахъ близъ Лимы растительность еще разнообразнѣе; здѣсь цѣлыя поля прелестныхъ желтыхъ лилій. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ климатъ ста-

новится сырѣе и такъ продолжается до Гва-яквиля, почти подъ Экваторомъ, гдѣ появляются уже роскошнѣйшіе лѣса.

Лима лежитъ на равнинѣ, образовавшейся во время постепеннаго удаленія моря. Она находится въ 7 миляхъ отъ Каллао, на 500 ф. выше. Но подъемъ такъ отлогъ, что почти незамѣтенъ. Равнина разбита на участки, засѣянные различными злаками и обнесенные низенькими глиняными стѣнами, такъ что издали походить на шахматную доску. Кое гдѣ виднѣются группы банановъ и апельсиновыхъ деревьевъ.

Лима—городъ очень древній, бывшій городъ Королей. Въ прежнія времена онъ славился великолѣпіемъ. Множество церквей придаютъ ему и теперь очень оригинальный видъ, особенно издали.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Лимы находятся развалины древняго поселенія. Еще видны слѣды арыковъ и другихъ сооружений. При раскопкахъ находятъ посуду, каменные орудія, золотыя и серебряныя украшенія съ драгоцѣнными камнями и т. п. Видно, что народъ, здѣсь жившій, обладалъ значительной степенью культуры.

Есть еще развалины другого рода: это древній Каллао, разрушенный страшнымъ землетрясеніемъ. Въ буквальномъ смыслѣ слова отъ города не осталось камня на камнѣ и только груды мусора указываютъ мѣста, гдѣ были дома. Сравнивая прежнія и нынѣшнія карты видно, что берегъ въ этомъ мѣстѣ значительно осѣлъ.

Въ то же время сильно поднялся островъ Санъ-Лоренцо, въ особенности противъ бухты Каллао. Берегъ съ этой стороны об-

Старо-Перувианскія постройки.

разуегъ три терасы, изъ которыхъ нижняя покрыта толстымъ слоемъ раковинъ изъ породъ живущихъ и нынѣ въ водахъ океана.

Верхний слой раковинъ началъ уже вывѣтриваться и превращаться въ известъ.

На одной изъ терасъ, на высотѣ 85 футовъ, Дарвинъ сдѣлалъ неожиданное открытіе. Онъ нашелъ нѣсколько нитокъ, куски плетенки изъ тростника и початокъ кукурузы. Все это засѣло между раковинами и грудой наноснаго сору. Плетенки, схожія съ тѣми, которыя были найдены въ развалинахъ и могильныхъ насыпяхъ древняго поселенія, очевидно, лежали здѣсь съ незапамятныхъ временъ; сухой климатъ предохранялъ ихъ отъ гніенія.

На материкѣ, противъ С. Лоренцо, есть интересная мѣста. Это большая возвышенная равнина изъ красной глины на подпочвѣ изъ гальки и круглыхъ валуновъ; здѣсь попадалось много черепковъ глиняной посуды, которую древніе обитатели этой страны тутъ-же, вѣроятно и выдѣлывали. Во время землетрясенія море залило эту равнину и она на время превратилась въ озеро, такъ же какъ и окрестности Каллао. При новой катастрофѣ дно озера поднялось и вода сбѣжала, оставивъ послѣ себя осадокъ ила и раковинъ.

ГЛАВА XVII.

Архипелагъ Галапагось.

тотъ архипелагъ состоитъ изъ пяти большихъ острововъ и нѣсколькихъ малыхъ. Острова лежатъ подъ Экваторомъ, въ 500 или 600 миляхъ къ западу отъ Американскаго берега. Всѣ они состоятъ изъ вулканическихъ утесовъ, поднимающихся изъ моря въ видѣ конусовъ. На вершинахъ конусовъ находятся громадныя кратеры, а бока изрыты мелкими. Можно смѣло утверждать, что на всемъ архипелагѣ до 2000 конусовъ, состоящихъ изъ лавы, или изъ наслоеній туфа, похожаго на песчаникъ. Конусы изъ туфа большею частью имѣютъ красивую правильную форму и обязаны своимъ происхожденіемъ единственно изверженіямъ вулканическихъ грязей безъ примѣси лавы.

Климатъ здѣсь далеко не такъ жарокъ,

какъ можно было-бы ожидать на островахъ, лежащихъ подъ самымъ Экваторомъ. Это объясняется низкой температурой воды, приносимой сюда теченіемъ съ южнаго полярнаго полюса. Дожди рѣдки, и выпадаютъ неправильно; но облака стоятъ низко и потому верхнія части острововъ покрыты роскошною растительностью, тогда какъ нижнія—безплодны.

Утромъ 17-го числа Дарвинъ съ компанією высадился на островѣ Чатамъ, который, какъ и другіе острова этого архипелага, издали рисуется на горизонтѣ мягкою округленною линією, кой-гдѣ пересѣченною конусами потухшихъ вулкановъ. Первое впечатлѣніе было очень невыгодно. Моряки увидали обширное неровное поле застывшей черной базальтовой лавы, изрѣзанное во всѣхъ направленіяхъ трещинами. На немъ росъ рѣдкій уродливый кустарникъ, опаленный солнцемъ, и ничего больше. Жара стояла невыносимая, воздухъ насыщенъ былъ парами и получалось ощущеніе бани. Несмотря на попытки собрать побольше растений, Дарвинъ нашелъ только нѣсколько экземпляровъ, да и тѣ по жалкому виду своему походили болѣе на арктическіе, чѣмъ на экваторіальныя. Послѣ періода дождей острова покрываются, говорятъ, на короткое время болѣе обильною зеленью.

Бигль обошелъ островъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ бухтахъ, что дало возможность Дарвину осмотрѣть его въ различ-

ныхъ пунктахъ. Одинъ разъ онъ ночевалъ въ мѣстности, до того богатой конусообразными кратерами, что съ возвышенности онъ насчиталъ ихъ до 60-ти. Пространство между конусами покрыто было лавою, которая мѣстами вздулась пузырями, а мѣстами провалилась, образовавъ колодцы съ совершенно гладкими краями.

День былъ знойный и ходьба по неровной мѣстности, и къ тому-же накаленной солнцемъ, очень утомила Дарвина и сопровождавшихъ его офицеровъ, въ особенности послѣднихъ, не заинтересованныхъ научными изслѣдованіями. Что же касается Дарвина, то онъ позабылъ и зной, и усталость, увидавъ двухъ колоссальныхъ черепахъ, пудовъ по пяти, каждая. Одна изъ нихъ сидѣла поднявъ голову и грызла сочный кактусъ. Увидавъ передъ собой человѣка, она бессмысленно на него посмотрѣла своими круглыми глазами и поползла прочь. Также мало вниманія обратили на путешественниковъ и птицы. Очевидно, обитатели этихъ пустынь мало видали людей и не боялись ихъ.

Бигль пошелъ дальше и 23 числа высадилъ ученаго изслѣдователя на островъ Чарльза. Обитатели этого острова почти все цвѣтные, краснокожіе или негры; большинство сослано изъ республики Эквадоръ за политическія преступленія.

Колонія лежитъ въ сторонѣ отъ берега, на высотѣ около тысячи футовъ. Сначала Дарвинъ и его спутники ѣхали по монотон-

ной равнинѣ, покрытой тощимъ кустарникомъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ обильнѣе становилась растительность. Стали попадаться кустарники гуще, деревья выше и переваливъ черезъ невысокій кряжъ, пересѣкающій островъ, путники съ наслажденіемъ вдохнули пріятный южный вѣтерокъ. Передъ ними раскинулась горная равнина, засѣянная картофелемъ и бананами съ разбросанными тамъ и сямъ домиками. Чрезвычайно пріятенъ былъ видъ этой зелени послѣ выжженной солнцемъ почвы Перу и сѣвернаго Чили. Населеніе здѣсь живетъ небогато, но нужды не испытываетъ. Плодородіе почвы даетъ хорошій урожай, въ лѣсахъ водятся кабаны и козы, а на морскомъ берегу—черепахи. Число ихъ значительно уменьшилось на островѣ; тѣмъ не менѣе, одинъ человекъ въ два дня можетъ наловить ихъ столько, что мяса хватитъ на цѣлую недѣлю. Въ прежніе годы, по слухамъ, экипажъ одного корабля налавливалъ ихъ до двухсотъ въ одинъ день.

29 Сентября, Бигль едва не былъ застигнутъ штилемъ между островами Альбемарль и Нарборо. Оба эти острова залиты потоками черной лавы, которая во время изверженія переливалась черезъ край кратеровъ, какъ кипящая смола черезъ край котловъ. Бигль сталъ на якорь у острова Альбемарля въ центрѣ разломаннаго кратера, образовавшаго полукругъ.

Утромъ Дарвинъ высадился и пошелъ бродить по берегу. Увидавъ въ центрѣ дру-

гого кратера голубое озеро, онъ поспѣшилъ спуститься къ нему, чтобы напиться, но къ великому его огорченію, вода оказалась соленою. Изъ щелей утесовъ выползали огромныя зеленныя ящерицы фута въ 3—4 длины, а повыше—грѣлись на солнцѣ желтовато—бурыя, отвратительныя на видѣ. Лапы этихъ ящерицъ снабжены плавательными перепонками и ихъ можно встрѣтить въ морѣ довольно далеко отъ берега. Онѣ, или плаваютъ стоями, или грѣются на прибрежныхъ скалахъ, почему ихъ называютъ маленькими аллигаторами. Предположеніе нѣкоторыхъ натуралистовъ, что эти ящерицы питаются рыбою, невѣрно. Дарвинъ вскрывалъ ихъ желудки и находилъ въ нихъ водоросли, растущія довольно далеко отъ берега; за ними вѣроятно, и плаваютъ маленькія аллигаторы. Эти животныя могутъ оставаться подъ водою довольно долго. Одной такой ящерицѣ привязали камень и опустили на дно; часть спустя вынули ее живою.

По наблюденіямъ Дарвина, бурая ящерица идетъ въ воду только по необходимости и потому не можетъ считаться земноводнымъ животнымъ. Нѣсколько разъ бросалъ онъ одну и ту же ящерицу въ воду и она тотчасъ же старалась вскарабкаться на берегъ. Спугнутыя на берегу ящерицы, не бросаются въ воду, а стараются спастись сухимъ путемъ. Это происходитъ, вѣроятно потому, что на сушѣ ящерица считаетъ себя въ большей безопасности чѣмъ въ морѣ, гдѣ она нерѣдко попадаетъ въ пасть акулы.

Зеленые ящерицы переползая на ногахъ не имѣютъ и не плаваютъ. На островѣ Альбемарль онѣ такъ многочисленны, что трудно найти мѣсто, гдѣ бы ихъ не было. Онѣ живутъ въ норахъ, вырытыхъ ими въ обломкахъ лавы или въ мягкомъ песчанникѣ. Интересно видѣть ихъ за работой. Передняя лапка роетъ землю, а задняя на той же сторонѣ тѣла—эту землю отбрасываетъ. Когда устанутъ правая лапка, начинаютъ работать лѣвая и наоборотъ. Эти ящерицы меньше ростомъ, чѣмъ бурия, и не такъ подвижны. На ходу онѣ часто останавливаются и на нѣсколько минутъ засыпаютъ. Какъ бурия, такъ и зеленые совершенно безвредны. Одной ящерицѣ Дарвинъ наступилъ на хвостъ, чтобы посмотрѣть, что съ ней будетъ. Она преспокойно повернула голову и взглянула на него, словно спрашивая: «а зачѣмъ это тебѣ понадобилось прижать мнѣ хвостъ?» Освобожденная, она юркнула въ норку.

Днемъ, ящерицы лежатъ недалеко отъ своихъ норокъ и грѣются на солнцѣ. Увидавъ человѣка, онѣ слѣдятъ за нимъ глазами, кивая головой; причемъ вертикально поднимаютъ хвостъ. Дарвинъ ловилъ ихъ за хвостъ и онѣ не кусались.

Эти животныя очень любятъ лакомиться кактусомъ. Если бросить въ кучку ящерицъ кусокъ кактуса, онѣ кидаются на него и начинаютъ рвать, какъ собаки кость. Маленькія птички очень хорошо знаютъ незлобивость этихъ тварей. Онѣ преспокойно прилетаютъ

и принимаютъ участіе въ трапезѣ. Иногда, урвавъ кусочекъ, птичка безцеремонно садится на спину ящерицы и начинаетъ расклевывать сочное растеніе. Кактусъ очень любимъ всѣми животными нижней части острововъ.

Кромѣ кактусовъ и другихъ растений ящерица поѣдаетъ еще листья акацій. Чтобы добыть ихъ, она карабкается на деревья и качается на ихъ вѣткахъ. Туземцы утверждаютъ, что вареное мясо ящерицъ чрезвычайно нѣжно и вкусно. Непривычному человѣку трудно рѣшиться попробовать подобнаго блюда. Но съ другой стороны, если ѣдятъ лягушекъ, то почему же не ѣсть ящерицъ. Туземцы ѣдятъ также и яйца ящерицъ.

8-го Октября, Бигль подошелъ къ острову Джемсу, высадивъ Дарвина, офицера Бойно и нѣсколькихъ слугъ, оставилъ палатку, провизіи на недѣлю и отправился наливаться водою.

На островѣ путники встрѣтили партію рыбаковъ и двухъ охотниковъ за черепахами. Послѣдніе жили въ избушкѣ на возвышенности и Дарвинъ переночевалъ у нихъ. По строенію, островъ Джемсъ мало отличается отъ остальной группы. Внизу онъ покрытъ скудной растительностью, но въ верхнемъ поясѣ, увлажненномъ облаками находятся прекрасныя пастбища. Въ мѣстахъ наиболѣе сырыхъ растутъ цинерусъ и водятся водяныя курочки. Черепахъ здѣсь такъ много, что путешественники всю недѣлю питались

ими, находя, что ихъ грудинка, зажареная на щиткѣ очень вкусна; вкусенъ также супъ изъ молодыхъ черепахъ.

«Съѣздивъ я съ рыбаками на соленое озеро, — пишетъ Дарвинъ, — и мнѣ показалось, что я попалъ въ театръ; до такой степени была похожа на декорацию окружающая природа. Совершенно круглое озеро лежитъ въ глубинѣ кратера какъ въ чашкѣ. Тяжелый соляной растворъ блеститъ какъ зеркало, отражая отвѣсные почти бока кратера, одѣтые лѣсомъ».

Во время недѣльной стоянки у острова, на небѣ не было ни одного облачка; жара стояла невыносимая. Песокъ былъ до того накаленъ, что въ сапогахъ съ толстыми подошвами неприятно было ходить. Погруженный въ песокъ термометръ Цельзія показывалъ 137°, высочайшую точку, до которой доходила ртуть. Несмотря на это, Дарвинъ дѣятельно изучалъ фауну острововъ и одинѣхъ птицъ собралъ 26 видовъ. По его мнѣнію, птицы этого архипелага, также какъ мыши и крысы явились извнѣ и подъ вліяніемъ мѣстной природы видоизмѣнились, измельчали и потеряли яркость колеровъ. Также безцвѣтны и насѣкомыя. Спрашивается: почему же въ мѣстностяхъ лежащихъ въ одинаковыхъ широтахъ флора и фауна не одинаковы? Потому что вторая находится въ тѣсной зависимости отъ первой. Яркая окраска птицъ и насѣкомыхъ Бразиліи обуславливается не однимъ тепломъ и свѣтомъ, а

также роскошной растительностью и богатством ея колеровъ.

Черепахъ на островѣ Джемса также много, какъ и на остальныхъ островахъ этого архипелага и размѣры ихъ такъ громадны, что 6—7 человекъ едва могутъ поднять одно животное.

Черепахи, живущія въ нижнихъ бесплодныхъ частяхъ острова, питаются преимущественно сочными кактусами. Тѣ же, которыя живутъ на влажныхъ возвышенностяхъ, ѣдятъ листья разныхъ деревьевъ, кислая ягода гуайявита и волокнистый лишайникъ, растущій пучками на стволахъ деревьевъ.

Черепаха очень любитъ воду, пьетъ ее въ большомъ количествѣ и валяется въ грязи. Тамъ, гдѣ вода далеко, черепахи ходятъ на водопой все по одной и той же тропинкѣ, благодаря которой находятъ воду и путешественники. Увидавъ въ первый разъ эту тропинку, Дарвинъ никакъ не могъ понять, какое животное ее вытоптало; только добравшись по ней до ручья, онъ увидалъ въ чемъ дѣло. Множество черепахъ, вытянувши шеи, жадно пили воду, другія, уже напившись, нѣжились на пескѣ. По словамъ туземцевъ, черепахи, живущія далеко отъ ручья, остаются близъ него два три дня и потомъ возвращаются къ своимъ норамъ. Какіе промежутки существуютъ между этими переходами—неизвѣстно. Черепаха долго можетъ жить безъ воды. У нея, какъ и у лягушки, существуетъ пузырь, въ которомъ сохра-

няется запасъ воды довольно долго. Туземцы, во время продолжительныхъ переходовъ по бесплоднымъ частямъ острова, вскрываютъ эти пузыри и утоляютъ жажду. Дарвинъ попробовалъ эту воду и нашелъ ее нѣсколько горьковатою, но не противною. Влагоу, находящуюся въ предсердіи, туземцы пьютъ даже съ удовольствіемъ.

Отправляясь на водопой, черепаха идетъ день и ночь и достигаетъ цѣли скорѣе, чѣмъ можно было бы предполагать. По расчету, она проходитъ мили четыре въ день. Яйца черепахъ бѣлаго цвѣта, скорѣе шарообразны, чѣмъ овалы, величиною — больше куриныхъ. Эти яйца очень вкусны.

Въ песчаныхъ мѣстахъ, черепаха зарываетъ свои яйца въ песокъ; въ каменистыхъ — складываетъ въ яму, или трещину. Солнце заботится о выводѣ птенцовъ. Множество молодыхъ, только что вылупившихся, черепахъ дѣлаются добычею коршуновъ. Старыя погибаютъ отъ какого нибудь несчастнаго случая. По мнѣнію туземцевъ эти животныя никогда не умираютъ естественною смертію.

Туземцы увѣрены, что черепахи совершенно глухи. «Идя за ними, я нарочно стучалъ ногами, — пишетъ Дарвинъ, — и онѣ не обращали на меня вниманія. Но только что я обгонялъ одно изъ этихъ животныхъ, оно издавало свистъ, втягивалось въ свою броню и шлепалось на землю. Я усаживался на броню и начиналъ поцарапывать края щитка.

Животное поднималось и нѣкоторое время несло меня, пока я не терялъ равновѣсія и не соскакивалъ съ него».

Въ черепахѣ цѣнны всѣ части. Мясо ея ѣдятъ свѣжее и соленое, изъ жира топятъ масло, броня идетъ на выдѣлку изящныхъ бездѣлушекъ. Чтобы посмотрѣть много ли въ черепахѣ жиру, ей просверливаютъ броню и если окажется мало, животное опускаютъ. Говорятъ, что черепаха нисколько не страдаетъ отъ этой странной операціи и отверстіе въ бронѣ зарастаетъ безъ слѣда. Чтобы изловить черепаху, ее стараются перевернуть на спину. Неуклюжему животному трудно снова встать на ноги, хотя зеленой разновидности это и удастся. Можно представить себѣ, что перевернуть махину въ 5 пудовъ не такъ то легко, и потому охотники за черепахами никогда не ходятъ въ одиночку.

Жабъ и лягушекъ совсѣмъ нѣтъ на вулканическихъ островахъ, исключая острова Маврікія, гдѣ послѣднихъ искусственно развели для ѣды.

Самая замѣчательная особенность архипелага Галапагосъ, состоитъ въ томъ, что каждый островъ имѣетъ, ему одному свойственную, флору и фауну, хотя всѣ острова отстоятъ другъ отъ друга не болѣе какъ на 50—60 миль, причемъ строеніе и климатъ ихъ почти одинаковы. «Я менѣе удивился бы, — пишетъ Дарвинъ, — если бы, напр., на одномъ островѣ жилъ дроздъ, а на другомъ его не было; если бы тутъ водился одинъ

видъ ящерицъ или черепахъ, а тамъ совсѣмъ другой, или вовсе не водилось бы этихъ животныхъ. Тоже можно сказать о растеніяхъ и деревьяхъ. А между тѣмъ, животныя и растенія на всѣхъ островахъ принадлежатъ, повидимому, къ однимъ и тѣмъ же семействамъ, а по составу и физиологическимъ особенностямъ бесконечно разнятся другъ отъ друга».

Единственное возможное объясненіе этихъ странныхъ явленій заключается въ морскихъ теченіяхъ. Сильныя теченія при большой глубинѣ моря разъединяютъ острова, а отсутствіе сильныхъ вѣтровъ не способствуетъ переносу сѣмянъ и насѣкомыхъ. Отсюда предположеніе, что органическая жизнь, возникшая на островахъ послѣ ихъ поднятія изъ нѣдръ океана, развивалась самостоятельно, а тѣ особи, которыя занесены случайно съ сосѣднихъ острововъ, смѣшались съ другими формами и видоизмѣнились.

Безлюдность острововъ Галапагосскаго архипелага, рѣдко посѣщаемыхъ промышленниками и еще рѣже путешественниками, выработала въ здѣшнихъ птицахъ необыкновенную довѣрчивость.

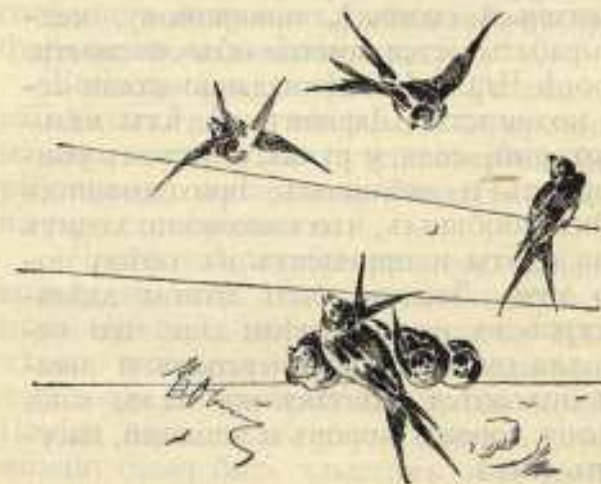
«Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе производила на меня довѣрчивость этихъ невинныхъ созданій, — пишетъ Дарвинъ. — Къ сожалѣнію, интересы науки заставляли меня предательски злоупотреблять этимъ довѣріемъ. Птицы подходили такъ близко, что ихъ можно было бить хлыстомъ или накрывать

шляпой. Разъ мнѣ удалось столкнуть ястреба дуломъ съ вѣтви. Однажды я, лежа на травѣ, держалъ въ рукахъ чашку съ водой, изъ которой только что отпилъ. Прилетѣлъ дроздъ, сѣлъ на край чашки и преспокойно началъ пить. Я взялъ его руками, поддержалъ, опять посадилъ на край чашки и онъ нисколько не смутился. Кромѣ того, мнѣ не разъ удавалось ловить этихъ птицъ за ноги. По разсказамъ путешественниковъ въ прежнія времена птицы были еще довѣрчивѣе. Горлицы садились людямъ на шляпы и на плечи и ихъ можно было ловить руками сколько угодно. Послѣ того, какъ по нимъ выстрѣлили, онѣ стали осторожнѣе. Теперь онѣ подлетаютъ близко, но не садятся на плечи. Должно быть изъ поколѣнія въ поколѣніе передается на птичьемъ языкѣ преданіе о коварствѣ иностранцевъ.

Въ птичьей головкѣ, повидимому, медленно вырабатывается понятіе объ опасности. На островѣ Чарльзѣ, гдѣ недавно стали селиться колонисты, Дарвинъ видѣлъ мальчика, который, сидя у ручья, хлыстомъ убивалъ горлицъ и зябликовъ, приходившихъ пить. Онъ сообщилъ, что ежедневно ходитъ сюда для охоты и приносить къ обѣду порядочно дичи. Должно быть птицы здѣшнихъ острововъ не уразумѣли еще, что человѣкъ для нихъ опаснѣе черепахъ и ящерицъ, и опасаются его такъ-же мало, какъ европейскія вороны коровъ и лошадей, пасущихся въ полѣ.

На Фалкландскихъ островахъ замѣчается тоже явленіе. Горный гусь, выюшій гнѣзда на скалахъ, неприступныхъ для лисицы, человека совсѣмъ не боится. Между тѣмъ, той же породы гусь на Огненной землѣ, гдѣ за нимъ охотятся туземцы, очень пугливъ. Охотникъ на Фалкландскихъ островахъ можетъ въ одинъ день набить гусей сколько пожелаетъ, а на Огненной землѣ трудно застрѣлить даже одного.

Пернети, посѣщавшій острова Южной Америки въ 1763 г., рассказываетъ поразительные факты о довѣрчивости птицъ. Онъ исключаетъ изъ этой категоріи перелетныхъ, которыя, путешествуя по различнымъ странамъ вѣроятно, на опытѣ узнаютъ цѣну осторожности.

Глава XVIII.

Таити и Новая Зеландія.

смотря на Галапагосскій архипелагъ, Дарвинъ возвратился на Бигль. 20-го Октября Бигль снялся съ якоря и пошелъ къ острову Таити, отстоящему отъ Галапагосса на 3,200 миль. Черезъ нѣсколько дней онъ распростился съ сумрачной и туманной областью океана и вступилъ въ полосу, надъ которой разстилалось безоблачное небо. Пользуясь пассатнымъ вѣтромъ, бригъ шелъ скоро, дѣлая отъ 150—160 миль въ день. Вскорѣ онъ миновалъ коралловые рифы, названные мореплавателями опаснымъ архипелагомъ. Эти рифы, едва замѣтные, образуютъ мѣстами извилистые контуры безъ начала и конца; а мѣстами кольца съ пу-

стотою внутри. Не будь они тщательно нанесены на карту, ихъ легко было бы не замѣтить, когда по нимъ гуляютъ волны бурнаго моря, не по заслугамъ названнаго «Тихимъ» океаномъ.

Ровно мѣсяцъ спустя по уходѣ съ Галапагосса, Бигль бросилъ якорь въ заливѣ Матаван у Таити. Этотъ островъ навсегда останется классическимъ для всѣхъ посѣтителей Южнаго океана. Онъ очарователенъ и своеобразенъ; въ немъ есть что-то привлекательное, что не поддается описанію.

Множество лодокъ окружило корабль. Англичане думали, что они прибыли въ Воскресенье, а это оказалось въ здѣшнихъ широтахъ понедѣльникомъ; иначе никто не выѣхалъ бы къ нимъ на встрѣчу; здѣсь свято соблюдается четвертая заповѣль.

Высадившись на берегъ, путешественники сдѣлали визитъ миссіонеру и потомъ разбрелись по острову.

Много было писано о роскошной природѣ острововъ Таити *), что не мѣшаетъ поговорить о ней еще. О хорошемъ поговорить всегда пріятно. Начнемъ съ гавани, которая устроена самой природою. Огромное пространство моря у залива Матаван отдѣлено коралловымъ рифомъ точно моломъ. За рифомъ ходятъ бурныя волны, а между нимъ и берегомъ водная поверхность гладка какъ зеркало. Какъ бы ни бушевала буря на

*) Русскіе Мореплаватели, Лялиной.

океанѣ, корабли, стоящіе здѣсь, находятся въ полной безопасности.

Воздѣлываются на островѣ главнымъ образомъ низменности, прилежащія къ морю, но и среди лѣса есть расчищенные участки, на которыхъ растутъ ямсъ, сладкій картофельъ, сахарный тростникъ и ананасы. Лѣса здѣсь еще роскошнѣе, чѣмъ въ Бразиліи; и вдобавокъ они изобилуютъ полезными породами деревьевъ. Бананы, кокосы, апельсины, хлѣбное дерево попадаютъ на каждомъ шагѣ. Все это гиганты, на подобіе столѣтнихъ европейскихъ дубовъ, гиганты съ великолѣпной листвою, дающіе тѣнь, прохладу и пищу. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить полезное, такъ счастливо соединенное съ пріятнымъ.

Дарвинъ нашелъ туземцевъ уже значительно цивилизованными. Высшій классъ носилъ европейскіе костюмы и только рабочій людъ былъ оголенъ до пояса и татуированъ. Мѣстные художники до того изощрились въ искусствѣ татуировки, что ихъ узоры, даже избалованному европейцу, показались изящными. У женщинъ руки были татуированы до половины, такъ что казалось будто онѣ въ перчаткахъ; у нѣкоторыхъ стариковъ точно также были разукрашены ноги. Но подобное украшеніе уже вышло изъ моды и молодыми не практикуется. Кто бы подумалъ, что и Таитяне рабы моды и не только высшій классъ, но и простой народъ. «Въ бытность мою на Таити, — пишетъ Дарвинъ, —

женщины придерживались безобразной моды сбивать волосы на макушкѣ, оставляя только вѣнчикъ. Миссіонеры пробовали уговаривать ихъ бросить этотъ обычай, но противъ моды и они оказались безсильными. По счастью, эту безобразную моду скрадывалъ головной уборъ изъ пальмовыхъ листьевъ сплетенныхъ на подобіе полей шляпы. Очень понравился мнѣ обычай носить цвѣты, продѣтые въ ушныя скважины. Что-же касается красоты, то мужчины въ этомъ отношеніи далеко оставляютъ за собой женщинъ.

«Вечеромъ, возвращаясь къ лодкамъ, мы остановились и залюбовались оригинальной картиной. На берегу разложены были костры, освѣщавшіе море и деревья. Вокругъ сидѣли таитяне и пѣли пѣсни. Тутъ же рѣзвились дѣти. Мы присѣли къ кострамъ и стали прислушиваться. Пѣсни, повидимому, импровизировались и составляли нѣчто вродѣ «славы» въ честь прибывшихъ. Запѣвала одна дѣвушка, остальные подхватывали и выходило очень красиво. Эта сцена, напоминавшая намъ, что мы находимся среди знаменитаго Южнаго океана, была очень характерна».

День 16-го Октября былъ записанъ въ судовомъ журналѣ 17-мъ. и матросы никакъ не могли понять, куда это дѣвался одинъ день. Утромъ прибыло опять множество лодокъ и когда туземцамъ позволили войти на палубу, ихъ оказалось, по крайней мѣрѣ, человекъ 200. Въ ихъ наружности и обращеніи не было и тѣни сходства съ тѣми дика-

рями, о которыхъ писали путешественники начала столѣтія. Почти всѣ вели себя вполне прилично и товары свои не вымѣнивали, какъ прежде, на всякую дрянь, а прямо продавали. Монеты разныхъ національностей они принимали неохотно и предпочитали испанскіе доллары. Бывшіе дикари вполне уже освоились съ понятіемъ о собственности и любятъ деньгу; нѣкоторые изъ нихъ порядочно нажились.

Высадившись на берегъ, Дарвинъ отправился на ближайшую гору и провелъ въ этой экскурсіи цѣлый день. Съ вершины горы открывался видъ на весь архипелагъ. Особенно эффектнымъ показался путешественнику островъ Уэймю, похоловшій на грандіозную картину. Въ рамкѣ изъ коралловаго рифа, отдѣленной отъ суши блестящей полосой спокойной воды, зеленѣлъ островъ, ярко освѣщенный тропическимъ солнцемъ. Бурлившія за рифомъ темныя волны еще больше отгѣняли картину.

Наканунѣ, Дарвинъ подружился съ однимъ таитяниномъ, подаривъ ему какую то бездѣлушку. Теперь, по возвращеніи съ прогулки, Таитянинъ ждалъ его съ жареными бананами, кокосами и ананасами. Ананасы здѣсь не менѣ сочны, чѣмъ въ Бразиліи и воздѣлываются въ такомъ количествѣ, что ихъ ѣдятъ, какъ у насъ рѣпу. Они очень освѣжаютъ во время жары, но кокосовое молоко освѣжаетъ еще больше. Счастливые Таитяне никогда не знаютъ жажды; куда бы

они ни отправлялись, они вездѣ найдутъ кокосовую пальму, которая здѣсь также обыкновенна, какъ у насъ береза.

На слѣдующій день, рано утромъ, Дарвинъ съ своимъ новымъ пріятелемъ и еще однимъ таитяниномъ отправился осматривать островъ, взявши съ собой мѣшокъ провизіи и запасное платье. Все это, вадѣтое на палку, проводники несли по очереди. Этимъ людямъ нипочемъ носить, такимъ образомъ, грузы пудовъ по 50-ти, привѣшанные къ обоимъ концамъ палки. Дарвинъ рекомендовалъ и имъ взять запасъ пищи и одежды, но они отвѣчали, что пищу Богъ дастъ, а что до одежды, то своей шкуры достаточно.

Таити—это маленькая швейцарія съ тропическою растительностью. Лѣсистыя горы пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ долинами, большинство которыхъ выходитъ на берегъ моря. Обернешься въ одну сторону—видишь въ перспективѣ горы, словно запирающія выходъ; обернешься въ другую—блеститъ гладкая поверхность моря, освѣщенная солнцемъ. Дальше внутрь острова, долины суживаются и мѣстами переходятъ въ ущелья. Рѣчки, плавно катящія свои воды по долинамъ, въ ущельяхъ начинаютъ бурлить, обдавая брызгами отвѣсныя скалы. Но и здѣсь растительность не прекращается, до того могуча ея сила. Гдѣ мало-мальски вывѣтрилась и измельчилась горная порода, растения уже пускаютъ корни. На первый взглядъ кажется, что они растутъ на голыхъ камнѣхъ.

Любуясь природою, Дарвинъ съ своими проводниками медленно шелъ впередъ. Пока солнце косыми лучами освѣщало ущелье, въ немъ царилъ пріятная прохлада, но лишь оно достигло зенита, бросая свои лучи вертикально, воздухъ сдѣлался невыносимо удушливъ. Выйдя на болѣе открытое мѣсто, путники пріютились на берегу ручья подъ нависшей скалой и расположились пообѣдать. Таянне съ сачкомъ въ рукахъ очутились уже въ водѣ; они плавали и ныряли съ ловкостью амфибій, быстро выбрасывая на берегъ попавшуюся рыбу. Наловивъ порядочно рыбы и раковъ, они вышли на берегъ и приготовили обѣдъ. Любуясь на плавающихъ туземцевъ, Дарвинъ припоминалъ рассказы различныхъ путешественниковъ о непринужденности, съ которою таянне обращаются съ бурною стихіею.

Монеты, брошенныя съ корабля, они ловятъ на различной глубинѣ и рѣдко которая изъ нихъ дойдетъ до дна. Въ 1817 г. англійскій корабль привезъ для королевы Помаре лошадь. При выгрузкѣ, лошадь сорвалась и упала въ воду. Цѣлая толпа таянъ бросилась вслѣдъ за ней съ цѣлью ей помочь. Когда же лошадь благополучно выплыла на берегъ, туземцы отъ страха разбѣжались.

Пообѣдавъ и отдохнувъ, путники двинулись далѣе. Вскорѣ послышался шумъ падающей воды и немного погодя открылась великолѣпная картина. Цѣлыхъ три водопада

низвергались съ горы, прыгая по уступамъ и образуя, такимъ образомъ, многоярусный водопадъ. Отъ нихъ то и образовалась рѣчка, вдоль которой шли все время путешественники. Двигаться далѣе, казалось, было невозможно, но предприимчивость проводниковъ преодолѣла и невозможное. Бока долины были почти отвѣсны, но мѣстами изъ нихъ выдавались скалы, поросшія дикими бананами, за которые можно было уцѣпиться, что и облегчило значительно подъемъ. Таитяне, лазавшіе уже раньше по этимъ скаламъ, увѣряли, что тутъ есть тропинка, но въ дѣйствительности ея не было, и быть не могло. «Вспоминая это костоломкое путешествіе, — пишетъ Дарвинъ, — я положительно не понимаю, какъ можно было его совершить. Въ одномъ мѣстѣ водопадъ преградилъ намъ путь и пришлось слѣлать большой обходъ. Лазали, лазали и пришли къ отвѣсной стѣнѣ, которую обойти оказалось невозможнымъ. Назадъ возвращаться было скучно и опасно. Одинъ изъ проводниковъ, проворный малый, увидавъ стволъ вырваннаго бурею дерева, прислонилъ его къ стѣнѣ и съ ловкостью обезьяны взобрался наверхъ. Оттуда онъ спустилъ веревку, поднялъ сначала собаку и багажъ, а потомъ и насъ. При взглядѣ внизъ, у меня чуть не закружилась голова. Вся стѣна до выступа, на которомъ мы стояли раньше, и отъ выступа внизъ, равнялась болѣе чѣмъ 500 футъ. Если бы начало ея отъ уступа внизъ не было

прикрыто нависшими надъ пропастью папоротниками и лиліями, я ни зачто не рѣшился бы полѣзть наверхъ. Но это былъ еще не конецъ. Мы продолжали взбираться, то по выдающимся глыбамъ, то по острымъ гребнямъ, огибая безпрестанно пропасти, дна которыхъ не было видно. Въ Кордильерахъ, при ихъ странномъ строеніи уступами, почти безъ долинъ и ущелій, я ничего подобнаго не видалъ. Наконецъ, мы вышли на обширную горную равнину и я могъ свободно вздохнуть. Равнина поросла бананами, а въ тѣни деревьевъ журчалъ тотъ самый ручеекъ, который низвергался внизъ водопадами; по берегу росли сочныя растенія, изъ которыхъ многія съѣдобны, напр., дикий аройникъ, ямсъ, ава, ти и много другихъ плодовъ и овощей. Корень дикаго аройника испеченный, напоминаетъ земляную грушу, молодые листья — шпинатъ. Ти — лилейное растеніе; его корень ѣдятъ сырымъ; онъ очень сладокъ и приятенъ на вкусъ.

Мать природа, разсыпая свои дары щедрою рукою, словно нарочно, чтобы приучить человека къ осторожности и благоразумію, допустила и вредныя. Ава — чрезвычайно ядовитое растеніе, обладающее опьяняющими свойствами. Въ прежнія времена туземцы упивались приготовленнымъ изъ него питьемъ, но благодаря благодѣтельному воздѣйствію миссіонеровъ, они стали уничтожать это вредное растеніе и теперь оно растетъ только въ безлюдныхъ мѣстахъ.

Солнце склонялось уже къ вечеру и Дарвинъ рѣшился остановиться въ этомъ прелестномъ уголкѣ на ночлегъ. Съ помощью коры банана, его гигантскихъ листьевъ и стволовъ бамбука, проводники устроили шалашъ; изъ сухихъ листьевъ — постель. Потомъ наловивши угрей и раковъ принялись стряпать.

Таитяне оказались отличными кухмистерами. Живо, посредствомъ тренія, они добыли огня, наложили на него бамбука, въ видѣ рѣшетки, и на эту рѣшетку — камешки. Потомъ достали изъ консервовъ мяса, нарѣзали его, отдѣльно накрошили пойманной рыбы, все это перемѣшали съ дикимъ лукомъ и корнемъ аройника, разложили на кучки, завернули въ бамбуковые листья и положили на горячіе камни. Спустя полчаса получились вкуснѣйшія котлеты. Тутъ же, на мѣстѣ, сбитые кокосовые орѣхи доставили прохладительное питье, а коренья — десертъ.

Завидовать ли этимъ людямъ? Они, подобно птицамъ небеснымъ, не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы и Господь Богъ питаетъ ихъ. Но вѣдь за то и мозгъ ихъ недалеко ушелъ отъ птичьяго мозга. Ему не надъ чѣмъ задумываться, не на чемъ развиваться. Только борьба за существованіе развиваетъ человѣка, а трудъ облагораживаетъ, вырабатывая духовную мощь. Человѣку съ нравственными понятіями претитъ пользоваться тѣмъ, что не добыто личнымъ трудомъ; и потому у народовъ, вышедшихъ

изъ первобытнаго состоянія, рука объ руку съ развитіемъ цивилизаціи идетъ развитіе культуры растений. На островѣ Таити, какъ уже было говорено выше, воздѣлывается много растений, о которыхъ туземцы не имѣли прежде понятія.

Передъ сномъ Дарвинъ пошелъ прогуляться вдоль ручья и опять попалъ на водопадъ; дальше виднѣлся еще такой же, но изслѣдовать его не удалось за позднимъ временемъ, надо было возвратиться въ лагерь.

Вечеромъ и утромъ, проводники благоговѣнно молились, становясь на колѣни. Ни одинъ изъ нихъ не прикасался къ пищѣ, не помолившись.

Къ утру пошелъ сильный дождь, но шалашъ былъ прикрытъ такимъ толстымъ слоемъ листьевъ, что ни одна капля въ него не проникла.

Проводники приготовили завтракъ такой же вкусный, какъ ужинъ, а когда Дарвинъ сталъ угощать ихъ виномъ, они замѣтно смутились. Спросивъ о причинѣ такого смущенія, Дарвинъ услышалъ слѣдующій рассказъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда ава вышла уже изъ употребленія, ввезены были въ Таити спиртные напитки. Началось страшное пьянство. Миссіонеры уговорили нѣсколькихъ порядочныхъ людей, видѣвшихъ, что отечество идетъ къ гибели, составить общество трезвости. Мало-по-малу общество разрослось и королева издала указъ, воспрещавшій ввозъ спиртныхъ напитковъ и

подвергавшій штрафу каждаго, кто вздумалъ бы покупать или продавать эти напитки. Чтобы не ввести торговцевъ въ убытокъ, назначенъ былъ извѣстный срокъ, въ который дозволялось продавать имѣющійся на лицо товаръ. Когда срокъ истекъ и указъ вступилъ въ силу, сдѣланъ былъ повальный обыскъ и все найденное вино вылито вонъ. Такимъ образомъ люди, находящіеся еще въ колыбели цивилизаціи, подали блестящій примѣръ воздержности своимъ старшимъ братьямъ.

Дарвинъ съ своей бутылкой явился, неожиданно для самаго себя, демономъ искушителемъ наивныхъ таитянъ, которые тотчасъ-же и покаялись въ своемъ прегрѣшеніи.

Обратный путь былъ сдѣланъ обходомъ и путешественникъ могъ вдоволь налюбоваться таитянской Швейцаріей. Кое гдѣ по долинамъ, въ банановыхъ рощахъ встрѣчались поселенія съ ихъ полуобнаженными, татуированными жителями. У многихъ женщинъ, несмотря на первобытность костюма, были вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ на головахъ.

Сопоставляя все видѣнное съ тѣмъ, что было писано другими путешественниками о Таити, Дарвинъ пришелъ къ заключенію, что островъ сильно подвинулся на пути развитія. Христіанская религія, исповѣдуемая повсемѣстно, смягчила нравы и облагородила характеръ населенія. Изгнаніе спиртных напитковъ способствуетъ экономическому раз-

витию страны. И все это сдѣлали миссіонеры съ ихъ безкорыстною самоотверженною проповѣдью. За то и пользуются они среди народа вполне заслуженнымъ уваженіемъ.

Вернувшись въ Матаваи, Дарвинъ узналъ, что Бигль ушелъ въ бухту Папава, болѣе удобную для стоянки корабля. Бухта окружена рифами и въ ней спокойно какъ въ озерѣ. Отъ моря до подошвы горъ идетъ широкая обработанная полоса съ густымъ населеніемъ.

Гавань Папава есть въ то же время и резиденція королевы. Въ первое же воскресенье моряки, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, отправились въ церковь и прослушали обѣдню, сперва на таитянскомъ, потомъ на англійскомъ языкѣ. Простой деревянный срубъ, служившій церковью, былъ наполненъ молящимися. Островитяне, мужчины и женщины, чисто одѣтые, а послѣднія даже принаряженные, чинно и благоговѣнно пѣли псалмы и слушали проповѣдь. Остальное время дня англичане

ТАИТАНКА.

посвятили прогулкѣ и посѣщенію нѣкоторыхъ туземцевъ.

Два года передъ тѣмъ, жители маленькихъ острововъ, подвластныхъ таитянской королевѣ, ограбили англійское судно и Великобританское правительство потребовало 3,000 долларовъ въ уплату потерпѣвшему. Капитану Фицъ-Роя поручено было справиться, произведена ли уплата. По этому случаю собрался парламентъ подъ предсѣдательствомъ королевы Помаре. Англичане пошли посмотреть на этотъ парламентъ какъ на курьезъ, въ полной увѣренности, что имъ придется отъ души посмѣяться надъ этой карриатурой англійскихъ учреждений. И дѣйствительно, они посмѣялись, но только надъ самими собою. Таитяне выказали такъ много разсудительности и здраваго смысла, что англичане ушли совсѣмъ сконфуженные. Дѣло обсуждалось толково и рѣшеніе послѣдовало быстро. Деньги пострадавшимъ не были еще уплачены и парламентъ рѣшилъ собрать нужную сумму по подпискѣ со всей нации, а члены парламента тутъ же подписались. Фицъ-Рой возразилъ, что слишкомъ несправедливо было бы требовать отъ нации вознагражденія за беззаконіе, въ которомъ она невинна. Члены парламента вѣжливо поблагодарили капитана за участіе къ ихъ интересамъ и заявили, что острова принадлежатъ королевѣ и что всѣ Таитяне, какъ вѣрноподданные, обязаны ее поддержать. Теперь за Фицъ-Роемъ была очередь поблагодарить за урокъ,

что онъ и сдѣлать, только мысленно. Окончивъ обсужденіе вопроса, нѣкоторые старшины воспользовались случаемъ и предложили Фицъ-Рою нѣсколько вопросовъ по международному и торговому праву. Нѣкоторые пункты тутъ же обсуждались, рѣшались и тотчасъ изустно передавались народу, какъ законныя постановленія. Засѣданіе парламента продолжалось нѣсколько часовъ и англичане ушли вполне очарованные таитянами, предварительно пригласивъ королеву посѣтить Бигль.

Къ вечеру, четыре лодки были посланы за Ея Величествомъ. Корабль украсили флагами и на рей поставили людей. Королева явилась въ сопровожденіи свиты, какъ и подобаетъ коронованному лицу. Она не отличалась ни красотою, ни величіемъ, если не считать признакомъ послѣдняго полную неподвижность въ выраженіи лица, напоминавшаго картонную маску.

Королеву и ея сановниковъ приняли съ надлежащимъ почетомъ и угостили чѣмъ могли. Высокимъ гостямъ очень понравилось пѣніе матросовъ, а туземцамъ — ракеты. При всякомъ взрывѣ съ берега раздавались восторженные крики.

26-го ноября Бигль снялся съ якоря и распростившись съ очаровательнымъ Таити, пошелъ въ Новую Зеландію.

Кто не плавалъ по безбрежному океану, тотъ не можетъ себѣ представить разнородныхъ ощущеній, которыя испытываетъ смерт-

ный, доверяя ему свою жизнь. Въ первыя минуты человекъ утопаетъ въ безпредѣльности и представленіе о себѣ самомъ совершенно исчезаетъ. Когда же самосознаніе возвращается, оно не приноситъ улады. Собственная личность кажется до того ничтожною въ сравненіи съ могучею стихіею, что невольно является потребность опереться на что нибудь болѣе прочное, отдохнуть душою въ сферѣ не столь подавляющей. Желаніе вернуться на родину, ступить ногою на твердую почву овладѣваетъ всѣмъ существомъ человека съ такою силою, что онъ готовъ отдать полъ жизни, чтобы удовлетворить это желаніе. Но увы! Онъ прикованъ къ своему плавучему дому и долженъ покориться судьбѣ. Недѣли и мѣсяцы носится пловецъ на своей скорлупкѣ, то взлетая на горы, то низвергаясь въ бездну; и не видя ничего, кромѣ воды и моря, до того привыкаетъ къ безпредѣльности, что встрѣчающіеся острова кажутся ему, не болѣе какъ песчинками въ сравненіи съ океаномъ. Географическая карта, лежащая передъ его глазами, кажется ему каррикатурою; точки, краски, надписи на ней до того скучены, что по нимъ и представить себѣ нельзя, какъ ничтожно пространство, занимаемое сушею, сравнительно съ необъятнымъ воднымъ пространствомъ.

21 декабря, почти мѣсяцъ спустя послѣ ухода съ Таити, Бигль сталъ на якорь у береговъ Новой Зеландіи. Прибрежное про-

странство было сплошь покрыто папоротниками; вдали виднѣлись лѣсистые холмы; небольшіе чистенькіе домики оживляли картину.

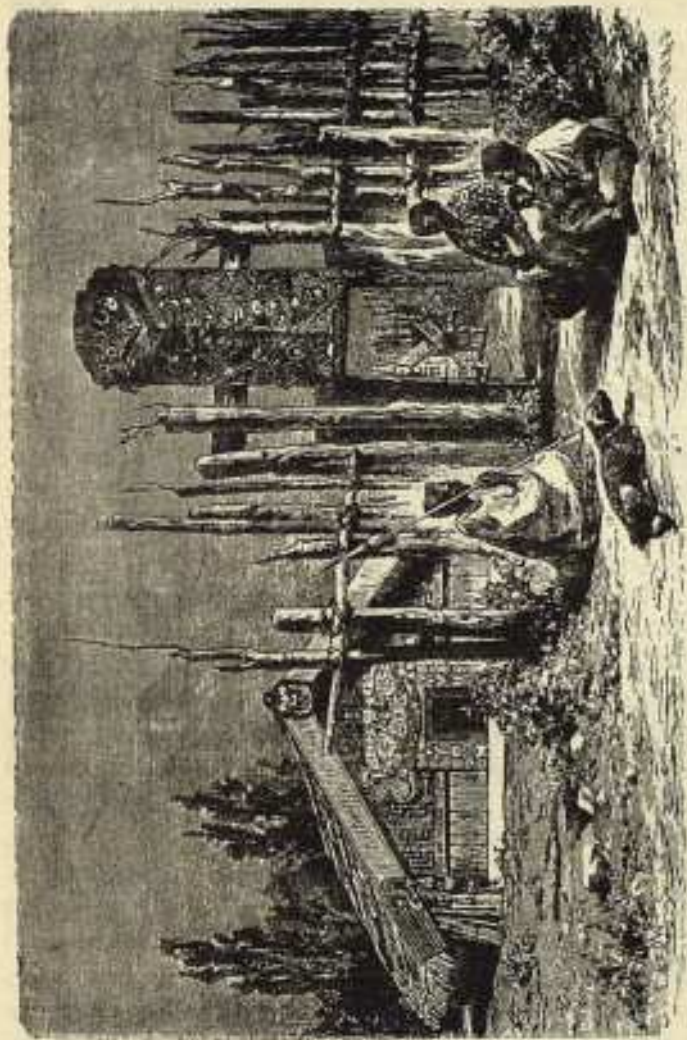
Высадившись въ мѣстечкѣ Пахія, мѣстопробываніи миссіонеровъ, Дарвинъ отправился гулять по острову. Благодаря густымъ зарослямъ папоротника ходьба оказалась очень затруднительною. Кромѣ того, глубоко врѣзавшіеся въ землю заливы и рѣчки безпрестанно преграждали путь. Дарвинъ взбирался на холмы и на всѣхъ почти нашелъ заброшенныя укрѣпленія. Въ настоящее время Новая Зеландія вполне спокойна, но во времена Кука населяющія ее племена безпрестанно враждовали между собою. Вершины холмовъ всѣ изрѣзаны уступами, которые ограждены земляными валами; изъ-за нихъ то осажденные и метали стрѣлы въ осаждающихъ. Съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, холмы, какъ пункты, представляющіе удобную мишень для выстрѣловъ, были заброшены и укрѣпленія стали строить на ровномъ мѣстѣ. Укрѣпленія эти состоятъ изъ землянаго вала, обнесеннаго частоколомъ и рвомъ. Изъ-за вала удобно стрѣлять и отстрѣливаться. Конечно, регулярному войску ничего бы не стоило, слѣлавъ дружный натискъ, изрубить частоколь и взять укрѣпленіе. Но дикая воляница воюетъ, какъ ей вздумается и бросится въ атаку въ одиночку, или въ маломъ числѣ—не рѣшается. Особенность этихъ укрѣпленій составляютъ углубленія въ земляныхъ валахъ

вродѣ тайниковъ, «Здѣсь прячутъ мертвыя тѣла, чтобы осажденные не упали духомъ»; такъ объяснили Дарвину значеніе этихъ тайниковъ.

Цивилизація значительно смягчила нравы, но и теперь ново-зеландца нельзя обидѣть безнаказанно. Получивъ ударъ нечаянно или въ шутку, онъ непременно отдастъ его, что и случилось съ однимъ изъ офицеровъ Бигля.

Миссіонеръ рассказывалъ случай, изъ котораго видно, по какому ничтожному поводу между ново-зеландцами возгорается война. Узнавъ, что одинъ старшина собирается на войну съ сосѣдями, миссіонеръ началъ уговаривать его отказаться отъ этого намѣренія. Дѣло было совсѣмъ улажено, когда вдругъ старшина вспомнилъ, что у него есть цѣлый боченокъ пороха, который портится. И этой причины было достаточно, чтобы всѣ добрыя намѣренія пошли прахомъ.—Зачѣмъ же пропадать пороху,—твердилъ старшина и повелъ на войну свою вольницу.

Гуляя по селенію и бесѣдуя съ жителями, Дарвинъ невольно дѣлалъ сравненія между ними и таитянами, и сравненіе было не въ пользу ново-зеландцевъ. Особенно поражала ученаго неподвижность ихъ лицъ. Дряхлый старшина Уталинэ поразительно походилъ на тѣ статуэткы изъ обожженной глины, которыя украшаютъ витрины учебныхъ заведеній. Неподвижность лицъ Дар-

Жилище Нивкхского воспродвизына.

винъ объясняетъ слишкомъ сложной и мелкой татуировкой. Издрѣзы и царапины стягиваютъ кожу и парализуютъ мускулы лица. Глаза же наоборотъ, слишкомъ подвижны; они безпрестанно бѣгаютъ, что производитъ очень непріятное впечатлѣніе.

Ново-зеландцы — народъ очень неопрятный. Тѣ, которые обзавелись рубашками, никогда ихъ не моютъ и носятъ, пока онѣ на плечахъ держатся. Большинство же довольствуются грубымъ одѣяломъ, накинутымъ на плечи. Нѣкоторые изъ старшинъ имѣютъ европейское платье, но носятъ его только въ торжественныхъ случаяхъ.

Верстахъ въ 15-ти отъ берега, миссіонеры купили землю, и одинъ изъ нихъ, познакомившись съ Дарвинымъ, пригласилъ его посмотрѣть ихъ ферму. Англійскій консулъ Бэшби предложилъ провезти путешественника часть дороги въ лодкѣ и, кстати, показать ему красивый водопадъ. Для дальнѣйшаго слѣдованія требовался проводникъ, и одинъ изъ старшинъ предложилъ свои услуги. Сначала онъ запросилъ нелѣпую цѣну, но потомъ вполне удовольствовался двумя долларами. Нести багажъ онъ наотрѣзъ отказался и пришлось нанять невольника, тогда какъ и багажъ то весь состоялъ изъ небольшого узелка. Вся суть заключалась въ самолюбіи, котораго у новозеландца непочатый край. Онъ согласится лучше умереть, чѣмъ переносить тяжести, считая этотъ трудъ для себя унижительнымъ.

Проводникъ старшина выглядѣлъ такимъ ловкимъ, молодцоватымъ малымъ, что ему охотно прощалась нѣкоторая заносчивость. По словамъ Бэшби, ново-зеландцы, вообще, заносчивы и ихъ необходимо иногда осадить. Проводникъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ консуломъ, но послѣдній, иногда, на него покрикивалъ, что, очевидно, дѣлалось ради поддержанія дисциплины. Впрочемъ, по лицу дикаря, покрытою мелкой татуировкой, нельзя было опредѣлить, что онъ чувствуетъ. Лицо оставалось неподвижнымъ какъ маска.

Жизнь европейца среди полудикихъ туземцевъ полна тревогъ и опасностей. Недавно шайка вооруженныхъ дикарей напала ночью на домъ г. Бэшби и, встрѣтивъ сопротивленіе, начала стрѣлять. Бэшби былъ слегка раненъ, но успѣлъ отразить нападеніе. Когда зачинщикъ былъ найденъ, всѣ старшины собрались судить его и очень строго осудили, конфисковавъ его земли въ пользу англійской короны. Кромѣ того, виновный потерялъ уваженіе своихъ согражданъ, что, по мнѣнію англичанъ, повліяло на него сильнѣе, чѣмъ конфискація земель. Замѣчательно, что сильнѣйшимъ поводомъ къ осужденію послужило то обстоятельство, что жена г. Бэшби лежала больная. Этого было достаточно, по мнѣнію судей, чтобы оградить домъ консула отъ всякихъ покушеній.

Когда лодка стала отчаливать, въ нсе

прыгнувъ другой старшина съ такимъ свирѣпымъ лицомъ, что, глядя на него, становилось жутко. Объявивъ съ безцеремонностью дикаря, что онъ желаетъ прокатиться, этотъ франтъ держалъ себя все время крайне нахально. Когда лодка причалила—и г. Бэшби вышелъ, чтобы немного проводить Дарвина, дикарь крикнулъ: «Эй, вы, не замѣшкивайтесь, а то мнѣ надоѣстъ васъ здѣсь ждать!»

Путники пошли по гладкой тропинкѣ, окаймленной папоротникомъ. Этотъ папоротникъ, — въ изобиліи растущій на островѣ — истинное благодѣяніе для туземцевъ. Его корни, которые очень питательны, доставляютъ ново-зеландцамъ всегда готовую пищу. Съ водвореніемъ европейцевъ, на островѣ стали разводить картофель въ большомъ количествѣ.

«Изъ зарослей папоротника, — пишетъ Дарвинъ, — мы вышли на обширное поле засѣянное картофелемъ и увидали селеніе. И тамъ увидали насъ. Только что мы приблизились,

Новозеландскій старшина.

женщины начали вопить громкимъ голосомъ и потомъ вдругъ умолкли и съежились. Старшина — проводникъ подходилъ къ нѣ-которымъ изъ нихъ и здоровался потира-ніемъ носа. Я наблюдалъ эту процедуру и пришелъ къ убѣжденію, что у туземцевъ потирание носа о носъ имѣетъ такое же значеніе, какъ у насъ пожатіе руки. Продолжительность потирания и больший или меньшій нажимъ зависятъ отъ свойства отношеній между здоровающимися. Невольникъ здоровался такъ же какъ и его господинъ, не соблюдая въ отношеніи послѣдняго никакого этикета, и приступая къ тренію носовъ и прежде и послѣ него».

Хижины туземцевъ всѣ почти на одинъ ладъ: тѣсны и грязны. Спереди онѣ открыты, внутри — раздѣлены перегородкою. Возлѣ хижины устраивается клѣтушка на подпоркахъ, гдѣ хранятся припасы.

Отдохнувъ здѣсь немного, путники отправились далѣе. Мѣстность была холмиста, но крайне однообразна; папоротникъ и больше никакихъ злаковъ. Только по берегамъ рѣчекъ росли деревья, которые, въ иныхъ мѣстахъ, образовывали небольшія рощи. Старики туземцы утверждали, что встарину страна была покрыта лѣсами, часть которыхъ нарочно выжгли, чтобы росло побольше папоротниковъ, составляющихъ главную пищу туземцевъ.

«Этому легко повѣрить, — пишетъ Дарвинъ, — такъ какъ папоротникъ дѣйствительно

любить расти на выжженныхъ мѣстахъ. Онъ вообще любитъ хорошо удобренную почву и глядя на сливающіяся съ горизонтомъ заросли, невольно приходитъ въ голову сожалѣніе, что эта богатая, плодородная почва не воздѣлана настоящимъ образомъ.

«Пока я размышлялъ о благахъ цивилизации, мой спутникъ безъ умолку говорилъ, и такъ какъ я по привычкѣ быть учтивымъ повторялъ изрѣдка: да, хорошо, единственные слова, которыя я зналъ по ново-зеландски, онъ, вѣроятно, остался очень мною доволенъ. Вѣдь внимательные слушатели также рѣдки, какъ искусные говоруны.

«Когда мы пришли въ селеніе Уэйменгъ, мнѣ представилось, что я, словно по мановенію волшебнаго жезла, перенесенъ въ благоустроенный уголокъ Англіи, заброшенный на знойный югъ. Передо мной раскинулись поля ячменя, пшеницы, клевера, картофеля, и сады, съ тѣми чудными плодами и овощами, которые способны вызрѣвать только на южномъ солнцѣ. Здѣсь росли персики, оливки, груши, абрикосы, фиги и т. д. На сосѣднемъ ручьѣ стояла мельница. Но самое отрадное впечатлѣніе производили разбросанные по холму хижины туземцевъ, которые увлеклись благимъ примѣромъ и начали воздѣлывать землю. И какъ подумаешь, что всѣ эти чудеса сдѣланы англійскими миссіонерами въ какіе нибудь пять лѣтъ, то поневолѣ преисполнишься умиленіемъ.

Такой блистательный успѣхъ объясняетъ

ся тѣмъ, что миссіонеры, наряду съ проповѣдью слова Божія, облагораживаютъ характеръ туземцевъ, приучая ихъ къ труду, причемъ собственный примѣръ ихъ служитъ сильнѣе словъ. На образцовой фермѣ миссіонеровъ туземцы наглядно могутъ видѣть примѣненіе различныхъ способовъ культуры и ихъ результаты.

Нѣсколько молодыхъ людей, выкупленныхъ изъ рабства миссіонерами, работали около фермы. На нихъ были надѣты рубашки, панталоны и куртки, и они имѣли очень приличный видъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ пастору Дэвису и подавая ему буравчикъ и ножъ сказалъ, что онъ нашелъ эти предметы и не знаетъ, кому они принадлежатъ. Дарвина очень порадовало такое проявленіе честности. Вечеромъ молодые работники играли въ шары, и сынъ миссіонера игралъ вмѣстѣ съ ними.

Женщины, работавшія на фермѣ производили еще болѣе пріятное впечатлѣніе. Въ манерѣ себя держать и въ выраженіи лица онѣ такъ мало походили на женщинъ остальной части острова, что, казалось, будто онѣ изъ другой расы. Къ сожалѣнію, миссіонерамъ до сихъ поръ не удалось отъучить женщинъ отъ татуировки. Нѣкоторыя почти уже слались, но когда, осенью, прибылъ извѣстный художникъ по этой части, онѣ не выдержали:

«Надо хоть немножко потатуироваться, — оправдывались онѣ, — а то какъ состарѣмся

Ново-вешинский ферми.

THE GREAT BRITISH STEELWORKS, SHEFFIELD, 1890

и кожа у насъ сморщится, будемъ казаться очень ужъ безобразными.

«Великое дѣло привычка! — восклицаетъ Дарвинъ. — Сами миссіонеры признавались, что они такъ привыкли къ татуированнымъ лицамъ туземцевъ, что на гладкія лица неловко какъ будто смотрѣть».

Если принять во вниманіе, что татуировка у туземцевъ служитъ отличительнымъ признакомъ извѣстнаго общественнаго положенія, то станетъ понятнымъ, почему этимъ людямъ такъ же трудно разстаться съ пестрою лица, какъ нашимъ предкамъ петровскихъ временъ съ бородами.

Вечеромъ, въ домѣ начальника миссіи туземныя дѣти справляли канунъ Рождества. Глядя на ихъ открытыя оживленныя лица, трудно было повѣрить, что отцы ихъ такъ еще недавно поѣдали, а можетъ быть и теперь поѣдаютъ себѣ подобныхъ.

На слѣдующій день утромъ, англійскій пасторъ читалъ народу молитвы на ихъ языкѣ, послѣ чего всѣ отправились на площадь, куда жители разныхъ частей острова принесли различные продукты для обмѣна на одежду и предметы домашняго обихода. Это былъ рыночный день и площадь пестрѣла народомъ; иностранцу было на что поглядѣть.

Отъ миссіонеровъ Дарвинъ узналъ, что хищническое истребленіе лѣса коснулось только небольшой береговой полосы, а внутри страны сохранилось еще довольно много

дѣвственнаго лѣса. Передъ обѣдомъ миссіонеры предложили путешественнику прогуляться по ближайшему лѣсу, гдѣ онъ могъ полюбоваться ново-зеландскими соснами необычайныхъ размѣровъ. Ново-зеландская сосна имѣетъ форму пальмы съ кроной на вершинѣ; отростковъ отъ корня не даетъ и ее не любятъ ліаны, а потому лѣсъ, состоящій изъ этихъ сосенъ имѣетъ видъ подчищеннаго лѣса. Сквозь стволы просвѣчиваетъ солнце, а вверху, въ густой листвѣ, царствуетъ вѣчный мракъ. Лѣса смѣшанныхъ породъ перепутаны ліанами и положительно непроходимы. Чтобы проложить дорогу сквозь одинъ такой лѣсъ, длиною въ 34 мили, пришлось, по словамъ миссіонера, употребить двѣ недѣли труда при сотнѣ рабочихъ рукъ.

Въ лѣсу Дарвинъ видѣлъ очень мало птицъ и слышалъ о полномъ почти отсутствіи звѣрей, если не считать крысъ. Эти милыя животныя завезены сюда европейцами, также какъ и сѣмена конкаго шавеля, которая какой то обманщикъ англичанинъ продалъ вмѣсто табачныхъ.

Распростившись съ миссіонерами, Дарвинъ отправился обратно верхомъ, на лошади, которую ссудили ему на фермѣ. Сопровождавшій его работникъ, тоже верхомъ, долженъ былъ отвести лошадей обратно. Прежняго проводника отпустили раньше.

«Меня очень занималъ вопросъ, — пишетъ Дарвинъ, — насколько искрення новоиспечен-

ная вѣра туземцевъ. Миссіонерамъ, какъ людямъ увлеченнымъ своимъ подвигомъ, я изъ деликатности этого вопроса не предложилъ; но съ консуломъ Бэшби, я могъ говорить не стѣняясь и узналъ много утѣшительнаго. По мнѣнію г. Бэшби, большинство новозеландскихъ христіанъ совершенно искренно исповѣдуютъ новую религію. Онъ самъ видалъ туземцевъ съ библіей въ рукахъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ едва умѣли читать. Одинъ разъ онъ видѣлъ группу туземцевъ, слушавшихъ со вниманіемъ библію, которую имъ читалъ молодой малый изъ ихъ же среды. Послѣ чтенія всѣ встали на колѣни и молились, упоминая имена миссіонеровъ и самого г. Бэшби, присутствія котораго они не замѣтили».

Ново-Зеландскій индеецъ.

Прежде чѣмъ проститься съ островомъ, Дарвинъ принялъ приглашеніе г. Бэшби прокатиться съ нимъ въ лодкѣ по рѣкѣ Кава-Кава съ живописными берегами. Плыли до тѣхъ поръ, пока можно было плыть, любуясь красивыми видами; потомъ вышли изъ лодки и пошли черезъ лѣсъ въ туземное селеніе. Немного не доходя до селенія, путники услышали какой то странный вой и пискъ. — Вѣрно оплакиваютъ покойника, — замѣтилъ

г. Бэшби. Онъ не ошибся. Вскорѣ между деревьями замелькало что то красное; это была могила только что умершей дочери старшины. Тѣло, заключенное между двумя челноками (прообразъ нашего гроба) поставлено было стоймя посреди деревянной ограды, выкрашенной ярко-красною краскою. За оградой, родные умершей были, царапая себѣ лицо и все тѣло, кровь сочилась изъ ранъ и перепачканные ею туземцы казались отвратительными. На слѣдующій день офицеры ѣздили въ эту мѣстность и видѣли ту же самую сцену.

Продолжая прогулку, путники пришли къ цѣли своего путешествія, деревушку, возлѣ которой находились известковые скалы, чрезвычайно похожія на развалины замка. Эти развалины внушали туземцамъ суетворный страхъ, и они старательно обходили ихъ. Одинъ молодой малый, желая щегольнуть удалю передъ европейцами, крикнулъ:—а ну-ка расхрабримся и побѣжимъ. Онъ дѣйствительно побѣжалъ, но не добѣжавъ нѣсколько саженой до страшнаго мѣста, остановился и не пошелъ далѣе.

Въ этой же деревнѣ путники видѣли нѣсколько женщинъ, занятыхъ стряпнею, въ обществѣ одного мужчины. Такое необычайное явленіе поразило Дарвина. Извѣстно, что у дикарей и вообще у людей стоящихъ на низкой ступени развитія, женщина не пользуется должнымъ ей уваженіемъ и на нее взваливается самая тяжелая работа въ то

время, когда мужчина воюетъ, или просто ничего не дѣлаетъ. Заняться домашними работами дикарь ни за что не согласится. Но рабовъ, взятыхъ въ плѣнъ, если не съѣдаютъ, то заставляютъ иногда помогать женщинамъ. Подобнаго униженія многіе не выносятъ, и сбѣгаютъ. Одинъ изъ такихъ бѣглецовъ попался однажды въ руки двумъ дикарямъ враждебнаго племени, которые заспорили, кому долженъ принадлежать невольникъ. Не желая уступить его живымъ, они взмахнули своими томагавками, но прежде чѣмъ они успѣли покончить съ невольникомъ, несчастный умеръ отъ страха.

30-го Декабря Бигль ушелъ съ Новой Зеландіи и взялъ курсъ на Сидней въ Австраліи. Истекала четвертая годовщина по отъѣздѣ изъ Англіи. Четыре Рождественскихъ праздника проведены были англичанами въ пустынныхъ мѣстахъ, или среди дикарей; слѣдующій праздникъ имъ предстояло встрѣтить у себя дома. Какъ радостно билось сердце у каждого при этой мысли.

ГЛАВА XIX.

Австралія.

Въ январѣ 12-го, рано утромъ, моряки увидѣли берега Австраліи. Первое впечатлѣніе не было особенно благоприятно: бурныя известковыя скалы, отвѣсно опускающіяся въ море успѣли уже надоѣсть у береговъ Перу и видѣть ихъ вновь не доставляло никакого удовольствія. Но по мѣрѣ вступленія судна въ заливъ, виды стали измѣняться и соотвѣтственно этому измѣнилось и настроеніе. Стала появляться обильная растительность, роскошныя виллы и, наконецъ, великолѣпная столица Австраліи, Сидней, открылась во всей своей красѣ. Колонизація сдѣлала здѣсь положительно чудеса; въ короткое время, на мѣстѣ пустынь и дѣвствен-

Роща эльфовъ, у которой обитаетъ король.

ныхъ лѣсовъ возникъ городъ, который можетъ соперничать съ любой европейской столицей.

Отдохнувъ и полюбовавшись городомъ, Дарвинъ нанялъ двухъ лошадей съ проводникомъ и отправился внутрь страны. Отъ Сиднея до Параматы, хорошенькаго городка среди живописной мѣстности, шло прекрасное шоссе. Маленькіе коттеджи и воздѣланные поля сильно напоминали сельскіе виды Великобританіи и радовали бы сердце англійскаго путешественника, еслибъ впечатлѣніе не отравляли безпрестанно встрѣчавшіеся каторжники, которые, гремя цѣпами, производили земляныя работы подъ присмотромъ вооруженныхъ солдатъ.

Въ Параматѣ Дарвинъ осмотрѣлъ фабрику, въ которой женщины ткуть сукна и училище для дѣтей туземцевъ. Все находилось въ большомъ порядкѣ. Нарѣкѣ Параматѣ устроена плотина, препятствующая, при приливѣ рѣчной воды, которую пьютъ туземцы, смѣшиваться съ морской.

Губернаторская дача у подножія лѣсистаго холма утопала въ роскошномъ саду съ разнообразнѣйшими породами деревьевъ. Тутъ была цѣлая апельсиновая роща, которая распространяла кругомъ одуряющее благоуханіе *).

Листья здѣшнихъ деревьевъ не опадаютъ сразу какъ въ Европѣ, а постепенно замѣ-

*) Подробное описаніе этой мѣстности въ путешествіи Крузенштернъ. Сиб. Мореплаватели. Лхилиной.

няются новыми; эта черта, свойственная всему южному полушарію. Жители этого полушарія не видятъ обнаженныхъ деревьевъ, не видятъ замиранія природы; но за то они лишены наслажденія видѣть ея оживленіе. Они не могутъ такъ какъ мы, слѣдить радостнымъ взоромъ сперва за образованіемъ почекъ, потомъ за постепеннымъ развитіемъ листьевъ; видя постоянно передъ собою зелень, они не способны, подобно намъ, цѣнить это благо.

Но если съ Австралійскихъ деревьевъ не опадаютъ листья, то съ нѣкоторыхъ породъ опадаетъ кора и виситъ на подобіе грязныхъ тряпокъ, что очень некрасиво.

По дорогѣ, путники встрѣтили толпу туземцевъ, которые несли, каждый, по нѣскольку копій. Дарвинъ далъ имъ денегъ и они тотчасъ же отблагодарили его, показавъ свое искусство метать копья. Искусство это было изумительно. На довольно большомъ разстояніи эти люди попадали въ повѣшенную шляпу и пробивали ее насквозь, причемъ копье слетало съ древка съ такой же стремительностью, какъ стрѣла съ лука.

Природные австралійцы роста средняго, худощавы; особенно сухи у нихъ руки и ноги; голова несоразмѣрно велика; цвѣтъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у негровъ, волосы курчавые, носы широкіе, книзу загнутые, ротъ большой и губы толстыя. Тѣло ихъ татуировано красной краской, но не такъ пестро, какъ у ново-зеландцевъ; по лицу

проходятъ бѣлыя полосы, въ носовой хрящъ продѣта палочка. Это народъ смѣтливый и не лишенный остроумія; притомъ довольно безобидный.

Европейцы не притѣсняютъ туземцевъ; напротивъ того, они оказываютъ имъ посильную помощь и стараются улучшить ихъ

Мальчикъ изъ Южной Австраліи.

быть. Тѣмъ не менѣе европейская колонизація, завладѣвъ береговою полосой, и отѣснивъ туземцевъ внутрь страны, обрекла ихъ на погибель. Лишенные главной своей пищи—рыбы и ракушекъ, австралійцы изнуряются и быстро вымираютъ. Не мало способствуютъ ихъ гибели болѣзни, завезенныя

европейцами, и спиртные напитки о которых туземцы не имѣли прежде понятія.

Одинъ миссіонеръ сообщилъ Дарвину, что путемъ многолѣтнихъ наблюденій онъ пришелъ къ заключенію, что людскія испаренія чрезвычайно ядовиты, въ особенности для людей иной расы. Этимъ объясняется, тотъ странный фактъ, что послѣ прибытія чужестранныхъ кораблей туземцы массами умираютъ, заболѣвая такими болѣзнями, какихъ на кораблѣ и въ поминѣ не было.

На слѣдующій день путники достигли Голубыхъ горъ. Дарвинъ, ожидавшій увидѣть Кордильеры или нѣчто въ этомъ родѣ, очутился просто на горной возвышенности, поднимающейся очень пологимъ скатомъ и незамѣтно достигающей значительной вышины. На самой вершинѣ открылось обширное горное плато, и съ нѣкоторыхъ пунктовъ видъ былъ дѣйствительно замѣчательнъ. Въ одномъ мѣстѣ скалы, расположенныя полукружіемъ, вертикально опускались на дно полукруглой долины поросшей лѣсомъ. Чтобы спуститься въ эту долину надо было сдѣлать обходъ въ 16 миль. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта долина была въ давнія времена заливомъ. Настоящій заливъ начинается вслѣдъ за долиной. Онъ изрѣзанъ фіордами и также очень красивъ.

Подобныхъ долинъ Дарвинъ видѣлъ потомъ нѣсколько. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли совсѣмъ круглую форму въ видѣ чашки и были недоступны. Въ иныя вела узкая

Лѣсъ въ Австраліи.

трещина, черезъ которую едва могъ ползкомъ пробраться человѣкъ. Иныя изображали цифру 8 и пересѣкающая ихъ рѣка, врываясь въ соединительную трещину, совсѣмъ заграждала входъ.

Странная форма Австралійскихъ долинъ и была, вѣроятно, причиною, почему колонизація не распространилась, внутрь страны. Будь эти долины, доступнѣе, онѣ служили-бы прекраснымъ мѣстомъ для пастбищъ. Загнанный въ нихъ скотъ не имѣлъ-бы возможности выйти и никакой звѣрь не проникъ-бы туда.

«На краю одной изъ такихъ долинъ стоялъ я утромъ 17-го Января, — пишетъ Дарвинъ. — Ручеекъ, струившійся по плоскогорью, съ шумомъ низвергался внизъ, а на днѣ долины клубился голубоватый туманъ. Тамъ и сямъ верхушки деревьевъ плавали въ этомъ туманѣ точно острова. Мало-по-малу туманъ сталъ осѣдать и сверху казалось, будто долину залило водою».

Какимъ путемъ образовались подобныя долины? Дѣйствіемъ воды или подземнаго огня? На этотъ вопросъ ученый натуралистъ не даетъ положительнаго отвѣта. Онъ болѣе склоняется на сторону перваго предположенія, но не отрицаетъ и втораго. Всѣ берега Австраліи изрѣзаны причудливыми заливами и бухтами; нѣкоторыя изъ нихъ образуютъ совершенно правильное внутреннее озеро, соединенное съ моремъ посредствомъ узкаго пролива. Пролитъ этотъ можетъ съ тече-

ніемъ времени занести иломъ, вода внутренн-го озера испарится и образуется такая-же круглая долина. Хотя нѣкоторыя изъ долинъ уже существующихъ расположены довольно далеко отъ морского берега, но это ничего не значитъ; въ прежнее время море врѣзывалось, вѣроятно, въ материкъ гораздо глубже, и позднѣе вслѣдствіе землетрясенія отступило; такое отступленіе моря — явленіе довольно обычное.

Переночевавъ въ небольшомъ трактирчикѣ, путники спустились съ плоскогорья черезъ проходъ, пробитый въ горной породѣ съ большимъ трудомъ. Здѣсь находилась ферма г. Брауна, къ которому Дарвинъ имѣлъ рекомендательное письмо. Браунъ принялъ путешественника очень радушно и предложилъ ему погостить съ денекъ, чтобъ поохотиться на кенгуру. Весь слѣдующій день охотники провели на лошадяхъ, но кенгуру не видали. Борзые выслѣдили и выгнали изъ дупла потору, маленькое животное, величиною съ кролика; это были единственные трофеи на текущій день.

Съ водвореніемъ европейцевъ истребленіе дикихъ животныхъ идетъ довольно быстро. Не мало содѣйствуютъ этому истребленію и туземцы, получающіе отъ колонистовъ порохъ и ружья, иногда и борзыхъ собакъ. Такія поблажки со стороны поселенцевъ необходимы для поддержанія добрыхъ отношеній. Этимъ они обезпечиваютъ собственную свою безопасность.

Для возвратнаго пути Дарвинъ выбралъ другую дорогу по берегу рѣки Маквари, названной именемъ весьма популярнаго губернатора Нового Валлиса. Рѣка Маквари, показанная на картѣ довольно значительной рѣкой, оказалась просто скопленіемъ ямъ, раздѣленныхъ сухимъ пространствомъ. Весною здѣсь течетъ ручеекъ, который въ зимнее время превращается въ настоящую рѣку.

Въ ямахъ ныряли и играли утконосы, которыхъ Дарвину въ первый разъ довелось видѣть. На поляхъ, около фермъ, виднѣлись стаи бѣлыхъ какадѹ, а въ лѣсу встрѣчались чрезвычайно красивые попугаи.

Ночь путники провели на фермѣ двухъ молодыхъ поселенцевъ, только что начинавшихъ устраиваться. Въ жилищѣ комфорта не было, но за то у хозяевъ былъ большой запасъ энергіи и надежды на быстрое обогащеніе.

На слѣдующій день пришлось ѣхать черезъ горѣвшій лѣсъ. Дымъ застилалъ дорогу и немилосердно ѣлъ глаза; наконецъ, пут-

Женщина изъ Нового
Южнаго Валлиса.

ники выѣхали на старую дорогу и вернулись въ Сидней.

Условія жизни европейскихъ переселенцевъ показали Дарвину далеко непривлекательными. Рѣзкое раздѣленіе классовъ, кичливость высшихъ передъ низшими, общая страсть къ наживѣ и, вслѣдствіе этого, преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ умственными рѣзко бросались въ глаза. Все это вмѣстѣ взятое не обозначало высокаго уровня нравственности поселенцевъ и свѣжему человѣку казалось не симпатичнымъ. При этомъ, привычка постоянно видѣть каторжниковъ и необходимость пользоваться услугами этихъ несчастныхъ, въ качествѣ домашней прислуги, должны поневолѣ притуплять чувствительность поселенцевъ и содѣйствовать огрубѣнію ихъ натуры.

За то капиталъ здѣсь приноситъ втрое больше дохода чѣмъ въ Европѣ; климатъ здоровъ, предметы потребленія дешевы. Дѣти съ раннихъ лѣтъ приучаются къ дѣлу, и не рѣдко юноша 16—20 лѣтъ уже управляетъ, по довѣренности родителей, отдѣльными фермами. Однимъ словомъ, человѣку съ небольшимъ капиталомъ, но энергичному и трудолюбивому разбогатѣть здѣсь не трудно.

Источникъ богатства страны заключается въ овцеводствѣ и каменноугольныхъ копяхъ; земледѣліе здѣсь на второмъ планѣ и едва ли оно разовьется до значительныхъ размѣровъ. Развитіе Австраліи, вообще, по мнѣнію Дарвина, ограничено и онъ сильно сом-

нѣвается, чтобы эта страна когда нибудь достигла благосостоянія, равнаго благосостоянію Сѣверной Америки.

30-го Января Бигль ушелъ изъ Сиднея и направился къ Вандименовой землѣ.

Первые три дня плаванія погода стояла пріятная, но въ послѣдніе три начались дожди и туманы. 5-го Февраля Бигль бросилъ якорь въ заливѣ бурь. Судя по погодѣ, стоявшей въ это время, заливѣ бурь вполнѣ оправдывалъ свое названіе. Когда небо прояснилось и туманъ разсѣялся, моряки увидали довольно привлекательную картину. Базальтовые наслоенія, обнимающія заливъ полукружіемъ, или терассами, въ видѣ амфитеатра, внизу тщательно воздѣланными вверху — покрытыми лѣсами. Свѣтлая, мѣстами желтоватая зелень злаковъ, перемежаясь съ темною ботвою картофеля, раскинулась пестрымъ ковромъ у подножія лѣса.

Изъ залива бурь Бигль перешелъ въ другую бухту болѣе спокойную и бросилъ якорь противъ Тасманіи, столицы острова.

Тасманія расположена у подошвы горы Веллингтонъ, снабжающей ее водою въ изобиліи. Столица Вандименовой земли не такъ роскошна, какъ Сидней, но въ торговомъ отношеніи она имѣетъ большое значеніе. Вандименова земля производитъ много хлѣба и по справедливости можетъ назваться житницею Англійскихъ колоній.

Новая Голландія или Австралія открыта извѣстнымъ голландскимъ мореплавателемъ

Тасманомъ въ 1642 г. Островъ, лежащій къ югу, названъ Тасманомъ Вандименовой землей въ честь губернатора голландскихъ колоній въ Остъ-Индіи. Послѣ Тасмана капитанъ Кукъ въ 1772 году изслѣдовалъ и описалъ восточный берегъ Австраліи, назвавъ его Новымъ Южнымъ Валлисомъ. Съ него началась колонизація англичанъ. Главный городъ Вандименовой земли былъ названъ въ честь Тасмана—Тасманіей.

Укрѣпившись въ Ю. Н. Валлисѣ, англичане забрали въ руки Вандименову землю и жестоко расправились съ туземцами. Не имѣя терпѣнія дожидаться пока туземцы вымрутъ естественнымъ путемъ, что случилось бы не ранѣе какъ въ 30—50 лѣтъ, англичане рѣшили отдѣлаться отъ нихъ сразу, выселивъ ихъ всѣхъ на небольшой островокъ въ Бассовомъ проливѣ. Нѣкто Робинзонъ, съ большою отвагою развѣзжавшій по поселеніямъ дикарей, попробовалъ, было, путемъ переговоровъ убѣдить туземцевъ выселиться, но всѣ его попытки не имѣли успѣха. Туземцы естественно не хотѣли уступить пришельцамъ родную землю. Тогда началась настоящая травля. Англійская милиція составила цѣпь, съ цѣлью не допускать туземцевъ внутрь страны; но дикари, надѣвъ намордники на своихъ собакъ, ночью, ползкомъ, перебрались черезъ цѣпь. Но это была только временная побѣда. Англичане продолжали жестокимъ образомъ преслѣдовать дикарей; много народу было убито и взято

въ плѣтъ; наконецъ, несчастные поняли, что имъ не подъ силу бороться съ бѣлыми и покорились, принявъ предложенныя имъ условія.

Искусство подкрадываться ползкомъ, выработанное въ погонѣ за дикимъ звѣремъ, доведено у туземцевъ до совершенства. Англичане устраиваютъ между дикарями по этому поводу нѣчто, похожее на спортъ. Туземецъ, у всѣхъ на глазахъ стоитъ на ровномъ мѣстѣ въ разстояніи нѣсколькихъ сажень. Англичанинъ крикнетъ: пли! и не успѣетъ онъ моргнуть, какъ туземецъ словно провалится сквозь землю. Онъ распластается такъ, что за неровностями почвы его совсемъ не видно.

Бигль простоялъ у Тасмани десять дней, которые для естествоиспытателя не пропали даромъ. Онъ изучалъ страну, главнымъ образомъ геологическое ея строеніе. Въ наносныхъ пластахъ нашлось много окаменѣлостей, раковинъ, и отпечатковъ различныхъ листьевъ и растений уже не существующихъ. Такимъ образомъ небольшая Вандименова земля, сверхъ

Житель Викторіи въ полнѣмъ вооруженіи.

чаянія, обогатила коллекцію ученаго многими рѣдкими экземплярами.

Видъ острова съ вершины Валлингтоновой горы напоминаетъ Австралію по причудливымъ изрѣзамъ вѣшнихъ береговъ. Внутренняя же часть острова гораздо богаче равнинами, что и способствуетъ развитію земледѣлія. Страна, въ сѣверной ея части, довольно гориста, но горы не такъ высоки и имѣютъ болѣе мягкія очертанія. Онѣ почти сплошь покрыты лѣсомъ, а въ нѣкоторыхъ оврагахъ роскошно разрослись древовидные папоротники. Иные экземпляры доходятъ до 30 футовъ вышины, при толщинѣ 6 футъ. Ихъ прямой стволъ и шатрообразная крона чрезвычайно напоминаютъ пальму.

7-го Февраля, Бигль отплылъ отъ Тасмани и 6-го Марта прибылъ въ проливъ Короля Георга на юго-западномъ берегу Австраліи. Въ теченіи семидневнаго здѣсь пребыванія офицеры и Дарвинъ нѣсколько разъ съѣзжали на берегъ, но интереснаго видѣли мало, исключая Бальдъ-Хэдъ, горы, въ которой будто бы находятся окаменѣлыя деревья въ томъ видѣ, какъ они росли. Посѣтивъ эту гору Дарвинъ нашелъ вовсе не то, о чемъ ему говорили. Тутъ когда то дѣйствительно былъ лѣсъ; этотъ лѣсъ занесло пескомъ, который впоследствии скипѣлся и облѣпилъ деревья! Когда стволы сгнили, ихъ замѣнила известковая масса, налившаяся въ оставшіяся пустоши. Масса эта приняла отпечатки окружавшей ее оболочки и затвер-

дѣла. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта оболочка облупилась, видно дѣйствительно подобіе деревьевъ, которые могутъ ввести въ заблужденіе неопытный глазъ.

Пока пріѣзжіе странствовали по острову, ближайшее къ берегу племя «бѣлыхъ какаду» провѣдавъ о прибытіи европейскаго корабля, явилось въ большомъ количествѣ съ женами и дѣтьми. Дѣло было подъ вечеръ. Желая доставить себѣ какое нибудь развлеченіе, моряки предложили туземцамъ поплясать, обѣщая имъ за это рису и сахару. Какъ только стемнѣло, дикари зажгли нѣсколько маленькихъ костровъ и занялись своимъ туалетомъ, т. е. принялись раскрашивать себя бѣлой краской. Преобразившись въ страшныхъ чудовищъ, они зажгли большіе костры, около которыхъ усѣлись женщины и дѣти, а мужчины начали мимическій танецъ. Сначала это было какъ будто подражаніе войнѣ: одни подскакивали, другіе отступали, сопровождая свои движенія какимъ то хрюканьемъ и постукиваніемъ копій. Потомъ началось подобіе охоты: одинъ подражалъ кенгуру, прыгающему по лѣсу, другой подползалъ къ нему и прицѣливался. Была еще пляска эму. Рядъ дикарей выгибалъ руку на подобіе шеи эму и двигался плавно въ тактъ. Самою неистовою была, конечно, военная пляска. Въ увлеченіи дикари кричали, визжали и изгибались во всѣ стороны, а ихъ жены и дѣти выказывали неописанный восторгъ. По окончаніи пляски всѣ усѣлись вокругъ костровъ, получили обѣ-

шанную порцію рису и сахару и остались очень довольны.

Туманная погода задержала моряковъ въ проливѣ Георга долѣе, чѣмъ они предполагали. Наконецъ, 14 Марта, небо прояснилось и Бигль, поднявъ паруса, распростился съ Австраліей.

Глава XX.

Коралловые острова

Впрѣля 11-го показался на горизонтѣ островъ Киллингъ. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ коралловыхъ острововъ съ замкнутою внутри лагуною, имѣющею совершенно круглую форму. Кольцеобразные рифы, окружающіе лагуну, имѣютъ въ сѣверной сторонѣ природный каналъ, черезъ который суда проходятъ внутрь лагуны. Видъ этого острова чрезвычайно оригиналенъ. Вертикальные лучи южнаго солнца, падающіе на спокойныя прозрачныя воды лагуны, освѣщаютъ на днѣ ея чистый, словно просѣянный, бѣлый песокъ. Окружающая лагуну растительность придаетъ ея водѣ изумрудный цвѣтъ; и вся эта картина выигрываетъ еще больше отъ окружающей ея рамки изъ пѣнящихся

морскихъ волнъ, бушующихъ съ внѣшней стороны рифовъ.

Какъ только Бигль показался у входа въ каналъ, на встрѣчу ему выѣхалъ г. Лискъ, англійскій колонистъ. Исторія здѣшнихъ поселенцевъ довольно интересна. Лѣтъ за девять до прибытія сюда Дарвина, одинъ любитель приключеній, нѣкто Геръ, привезъ съ собой нѣсколько невольниковъ малайцевъ и поселился съ ними на одномъ изъ маленькихъ островковъ окружающихъ Киллингъ. Вскорѣ прибылъ изъ Англіи капитанъ Россъ со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ съ намѣреніемъ поселиться на Киллингъ. Съ нимъ остался и Лискъ, бывший у него на кораблѣ лейтенантомъ.

Спустя короткое время малайцы-невольники всѣ передались къ Россу и Геръ долженъ былъ покинуть островъ.

Малайцы быстро размножились и теперь считаются свободными людьми; но поселенцы все-таки смотрятъ на нихъ какъ на низшую расу.

Строители Киллинга, полины, продолжаютъ свою работу, созидая вокругъ острова множество маленькихъ островковъ, которые издали совсѣмъ не замѣтны. Только съ возвышеннаго пункта, напр. съ палубы корабля видно, что Киллингъ окруженъ мелкими островами, какъ насѣдка цыплятами; и всѣ эти острова, большіе и малые, покрыты роскошной растительностью, отдѣленной отъ моря, словно рамкой, прибрежьемъ изъ бѣ-

лаго песку. Вся почва острова состоитъ изъ измелченныхъ кусковъ коралла съ примѣсю песку и на этой то жесткой почвѣ, подѣ влияніемъ тропическаго солнца, развилась могучая растительность.

Главнымъ воздѣльвателемъ острововъ является океанъ. Сѣмена всѣхъ растений, исключая нѣсколькихъ экземпляровъ, завезенныхъ переселенцами, занесены волнами океана. Нѣкто Китингъ, прожившій на этихъ островахъ цѣлый годъ, прослѣдилъ культурную работу океана съ большимъ интересомъ. «Къ подвѣтреннымъ берегамъ, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — прибило вмѣстѣ съ морскою пѣной сѣмена кимири, растущее на Суматрѣ и на Малакскомъ полуостровѣ; особый сортъ кокосовыхъ орѣховъ; дерево далдасть, которое малайцы сажаютъ вмѣстѣ съ вьющимся перцемъ; квилагу — мыльное дерево; ришинусъ или клещевину; и вмѣстѣ съ сѣменами приплыли обломки различныхъ деревьевъ и даже цѣлые стволы. Сѣмена мягкія, напр. сѣмя мангустановаго дерева, отъ продолжительнаго пребыванія въ водѣ портятся. Но сѣмена жесткія почти всѣ оказываются всхожими. Такимъ образомъ мы узнаемъ любопытный фактъ, что огромное количество различныхъ сѣмянъ со всѣхъ концовъ свѣта разносится волнами океана. По мнѣнію одного извѣстнаго ботаника всѣ растенія, привезенныя Дарвиномъ съ этихъ острововъ, произошли отъ дико растущихъ въ Остѣ-Индскомъ архипелагѣ. Однако, судя

по направленію вѣтровъ и теченій нельзя предположить, чтобы онѣ сразу попали сюда изъ Остѣ-Индіи. Если-же принять весьма вѣроятное мнѣніе Китинга, что онѣ сначала прибиты были къ берегамъ Новой Голландіи и уже вмѣстѣ съ тамошними сѣменами дошли сюда, то выходитъ, что прежде, чѣмъ пустить ростки, сѣмена эти совершили путешествіе въ 1800 и даже въ 2400 миль.

Растеніе наиболѣе распространившееся на Киллингѣ и его островахъ, это кокосовая пальма. Она составляетъ главный источникъ благосостоянія жителей и единственный предметъ вывоза, въ видѣ кокосоваго масла и орѣховъ. Тѣми же орѣхами откармливаются свиньи, которыя чуть-ли не единственные здѣсь домашнія животныя.

Дикихъ животныхъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, если не считать крысъ, завезенныхъ на англійскомъ кораблѣ. Изъ сухопутныхъ птицъ водятся только бекасъ и болотная курочка, но водяныхъ здѣсь вполне достаточно. Есть, между прочимъ, бѣлоснѣжная морская ласточка съ большими черными глазами. Она подлетаетъ довольно близко къ человѣку и внимательно въ него всматривается. Глаза ея такъ выразительны, что невольно кажется, будто это не птица, а какой-то блуждающій таинственный духъ.

Повсюду встрѣчается ракъ-отшельникъ, замѣчательный тѣмъ, что если отогнуть его большіе клешни, они образуютъ створку вродѣ раковины, отгибающейся ему на

спину. Вѣроятно ракъ пользуется этими створками для самозащиты. Есть еще краббъ биргосъ, который питается кокосовыми орѣхами, очень ловко добираясь до ихъ внутренности. Сначала краббъ шелушитъ волокнистую скорлупу, отрывая и сдирая фибру за фиброю непримѣтно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся три впадины. Когда это сдѣлано, онъ начинаетъ колотить передними клешнями по впадинѣ орѣха, пока не пробуравитъ ее. Тогда онъ повертывается заломъ напередъ и съ помощью заднихъ узкихъ и длинныхъ клешней, достаетъ изъ орѣха его внутренность. Днемъ биргосъ живетъ на сушѣ, а по ночамъ отправляется къ морю. Онъ подкапывается подъ большія деревья и въ этихъ ямахъ устраиваетъ себѣ нору, обильно устилая ее кокосовыми волокнами. Малайцы пользуются этимъ и воруютъ у краббовъ волокна для выдѣлки веревокъ. Эти раки очень вкусны и до того жирны, что изъ одного экземпляра натапливается четвертая стеклянка масла. Крѣпость клешней биргоса замѣчательна. Нѣкто, капитанъ Морсби, заперъ одного такого рака въ жестянку изъ — подъ сухарей, прикрѣпивъ крышку проволокой. Ракъ отогнулъ проволоку и ушелъ, просверливъ сперва жестянку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, очевидно, отыскивая выходъ. Нѣкоторые изъ кораллиновъ, если ихъ приложить къ лицу или рукѣ, обжигаютъ какъ крапива, оставляя маленькія красныя пятнышки, которыя скоро исчезаютъ,

также какъ и боль. Такимъ-же свойствомъ обладаютъ нѣкоторые зоофиты и водоросли.

Два вида рыбъ, изъ породы «*Seerius*», водящихся здѣсь, исключительно питаются полипами. Одинъ видъ живетъ въ лагунѣ, другой—въ морѣ у внѣшнихъ береговъ. Оба они прекраснаго зеленовато-синяго (*bleu électrique*) цвѣта. Цѣлыми стаями скопляются эти рыбы у коралловыхъ рифовъ и грызутъ ихъ. Слизистая голотурія, которою любятъ лакомиться китайскіе гастрономы тоже питается полипами. Всѣ эти голотуріи, зеленныя рыбы, сверлящія раковины и водяные черви не мало способствуютъ измельченію коралловъ, превращая ихъ въ мягкій бѣлый илъ, устилающій берега и дно лагуны. Этотъ илъ, высушенный, похожъ на толченый мѣлъ и чрезвычайно богатъ известковыми частями.

Чтобы покончить съ фауною острововъ—аттолей *), слѣдуетъ упомянуть о черепахахъ. Черепахи здѣсь водятся такихъ размѣровъ, что двумъ человѣкамъ не совладать съ однимъ экземпляромъ, и туземцы охотятся на нихъ вдвоемъ. Въѣхавъ въ лагуну на лодкѣ, и намѣтивъ въ прозрачной водѣ черепаху, одинъ изъ охотниковъ бросается въ воду и садится на животное, ухватившись за панцирь около шеи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ отстаётъ. Животное таскаетъ человѣка пока не выбьется изъ силъ; тогда его убиваютъ.

*) Коралловые острова.

Иногда охотники устраиваютъ на лодкахъ состязаніе, перегоняя другъ друга и стараясь отбить другъ у друга добычу. Они безпрестанно кидаются въ воду, но зачастую даромъ, такъ какъ черепаха также проворна въ водѣ, какъ неповоротлива на сушѣ.

Жители архипелага Чагосъ, лежащаго въ этомъ же океанѣ охотятся на черепаху варварскимъ образомъ. Поймавъ черепаху, они ее живую, обкладываютъ горячими угольями. Отъ жару панцырь коробится; онъ отстаетъ съ боковъ, а со спины его сдираютъ и тотчасъ-же кладутъ въ прессъ. Животное, отпущенное на свободу послѣ такой жестокой операціи, постепенно обростаетъ новымъ панцыремъ, но онъ уже никогда не достигаетъ прежней толщины, а животное остается на всю жизнь слабымъ и болѣзненнымъ.

Въ Воскресенье 3-го Апрѣля, Дарвинъ отправился съ капитаномъ Фицъ-Роемъ въ селеніе, выстроенное на небольшомъ мысѣ, густо поросшемъ кокосовыми пальмами. Домъ Росса и Лиска, попросту сарай обшитый циновками, стоялъ немного въ сторонѣ, отъ хижинъ малайцевъ, разбросанныхъ по берегу лагуны. Малайцы здѣсь собраны съ различныхъ острововъ Остъ-Индскаго архипелага: Борнео, Целебеса, Явы, Суматры, но всѣ имѣютъ одинъ общій типъ и говорятъ однимъ нарѣчіемъ. Судя по толстымъ здоровымъ ребятишкамъ, можно заключить, что кокосовые орѣхи и черепашиё мясо очень здоровая пища.

На Киллингъ находится много ключей и источниковъ, изъ которыхъ корабли наливаются водой. Всѣ они образованы атмосферными осадками, иначе говоря, — дождями. Отъ прилива и отлива зависитъ ихъ повышение и понижение. На берегахъ такихъ источниковъ растительность особенно обильна.

Вечеромъ пріѣзжіе были свидѣтелями одного языческаго обряда, совершаемаго во время полнолунія. Только что луна показала свой ликъ сквозь стволы кокосовыхъ пальмъ, и отбросила серебряный столбъ на лагуну, всѣ малайцы, отъ мала до велика, отправились на могилу недавно умершаго земляка и принесли большую деревянную ложку. По ихъ словамъ эта ложка, во время полнолунія, оживаетъ и пляшетъ. Двѣ женщины положили ложку на концы пальцевъ и спустя нѣсколько минутъ, отъ нервнаго движенія ихъ мускуловъ, вродѣ того, какъ бываетъ у насъ при верченіи столовъ, ложка задрожала, потомъ начала подпрыгивать подъ звуки пѣсни массы женщинъ и дѣтей. А луна безмятежно сіяла, освѣщая проявленія людской глупости, проявленія, которыя не рѣдко приходится освѣщать и въ другомъ полушаріи.

6-го Апрѣля Дарвинъ съ Фицъ-Роемъ ѣздили на наружный берегъ посмотрѣть, какъ мощные валы бьются о берегъ. Валы эти никогда не имѣютъ покоя. Слабый, но постоянный пассатъ, вѣчно дующій на громадномъ протяженіи все по одному и тому же

направленію, разводить почти такое-же сильное волненіе, какое поднимають бури, и это волненіе никогда не улегается.

Между тѣмъ эти мощныя волны ничего не могутъ подѣлать съ міриадами маленькихъ строителей, которые работая день и ночь въ теченіи долгихъ лѣтъ, выводятъ такія сооруженія, которыхъ никакая человѣческая сила воздвигнуть не въ состояніи.

Осматривая лагуну, Дарвинъ замѣтилъ, что посреди нея довольно большое пространство покрыто порослью развѣтвляющихся коралловъ уже вымершихъ. Это было ничто иное, какъ недоконченный островъ. Извѣстно, что кораллы не могутъ, даже самое короткое время, жить на открытомъ воздухѣ; подъ солнечными лучами они погибають. Изъ старыхъ картъ видно, что Киллингъ, прежде чѣмъ сомкнуться, раздѣленъ былъ многими каналами, черезъ которые морской приливъ наполнялъ лагуну. Мѣста этихъ каналовъ и до сихъ поръ замѣтны; на нихъ деревья гораздо моложе. Когда остался всего одинъ каналъ, лагуна обѣлиѣла водою, кораллы оголились и вымерли. Весьма возможно, что и послѣдній каналъ затянется; тогда лагуна превратится въ внутреннее озеро, или изсякнувъ—въ долину. Пройдутъ вѣка и натуралисты будутъ задавать себѣ вопросъ: отчего образовалась такая котловинообразная долина?

На одномъ изъ острововъ Россъ нашелъ камень и сохраняетъ его какъ предметъ за-

гадочнаго происхожденія. Дарвинъ сообщилъ ему, что зналъ о происхожденіи подобныхъ камней. Извѣстный натуралистъ Шамиссо пишетъ, что на коралловые острова Родокскаго архипелага, на Тихомъ Океанѣ, часто заноситъ волнами деревья съ запутавшимися въ ихъ корняхъ камнями, которые и употребляются жителями для оттачиванія инструментовъ. Это явленіе тамъ настолько обыкновенно, что даже выработался законъ, въ силу котораго, каждый найденный камень доставляется старшинѣ и тотъ, кто утаитъ его, считается воромъ.

12-го Апрѣля Бигль вышелъ изъ лагуны и направился къ Иль-де-Франсу. Еще въ виду Киллинга бросили лотъ на глубину 7,200 футь и не нашли дна. Какова же должна быть высота этого удивительнаго острова! Мы еще удивляемся пирамидамъ, колоссальному созданію рукъ человѣческихъ; но какъ ничтожны кажутся онѣ въ сравненіи съ этими каменными горами, нагроможденными посредствомъ неустанной работы мельчайшихъ созданій. И какъ ничтоженъ ты, человѣкъ, такъ много мнящій о своемъ величій!

Утромъ 29-го Апрѣля Бигль обогнулъ сѣверную оконечность острова Св. Маврікія, или Иль-де-Франса. «Много писано было о красотахъ этого острова, — говоритъ Дарвинъ, — но дѣйствительность превзошла мысль ожиданія. На первомъ планѣ раскинулась ярко-зеленая покатая равнина, Памплемусъ, съ раз-

бросанными по ней домиками. Кое-гдѣ пестрѣла разноцвѣтная зелень полей и плантацій. На заднемъ планѣ поднимались лѣсистыя горы, а изъ-за лѣса выглядывали зубчатыя вершины горъ, точно стѣны крѣпости. Вокругъ нѣкоторыхъ зубцовъ цѣплялись бѣлыя облака, расположившіяся тутъ словно нарочно для того, чтобы наполнить картину. Весь островъ съ своими покатыми берегами и центральной массою горъ производилъ удивительно изящное, гармоничное впечатлѣніе».

На слѣдующій день Дарвинъ гулялъ по столицѣ острова Портъ-Луи и дѣлалъ визиты разнымъ лицамъ. Городъ, какъ всѣ города новѣйшаго происхожденія, построенъ правильно и имѣетъ опрятный видъ. Несмотря на то, что островъ давно уже состоитъ подъ англійскимъ управленіемъ, онъ носитъ чисто французскій характеръ. Англичане говорятъ со своими слугами по французски и магазины всѣ французскіе. Кафе, театры, библіотеки имѣютъ уже обще-европейскій отпечатокъ.

По улицамъ Портъ-Луи гуляютъ представители различныхъ расъ, доставляя богатый матеріалъ этнографу. Особенно много индусовъ, сосланныхъ сюда за политическія преступленія. Они очень красивы, а старики съ бѣлыми усами и длинными бѣлыми бородами просто величественны. Индусы держатъ себя съ большимъ достоинствомъ, строго соблюдаютъ свои религіозныя об-

ряды, чѣмъ внушаютъ къ себѣ всеобщее уваженіе.

3-го Мая генераль-интендантъ Лойдъ пригласилъ Дарвина и Фишъ-Роя къ себѣ на дачу и прислалъ за ними слона. Сидя на спинѣ четвероногаго великана и мѣрно двигаясь между садами и плантаціями сахарнаго тростника, путешественники любовались прекрасными видами и безпрестанно восклицали:— «Ахъ, какъ здѣсь хорошо! Какъ пріятно было бы провести жизнь въ этомъ чудномъ уголкѣ!»

Дарвинъ взбирался на гору «Le pousse» — большой палецъ, — чтобы ознакомиться съ строеніемъ острова. Лѣсистыя горы въ центрѣ острова образовали кольцо съ большимъ горнымъ плато въ центрѣ. Такое строеніе горъ вулканическаго происхожденія довольно обыкновенно. Съ высотъ открывался прекрасный видъ на равнины, превосходно воздѣланныя. Ни одинъ клочекъ земли не пропадалъ здѣсь даромъ. Каждый уголокъ свидѣтельствовалъ о трудолюбіи мѣстныхъ жителей. Изгороди изъ мимозъ окаймляли прекрасныя дороги; къ помѣстьямъ и сельскимъ домикамъ вели манговыя аллеи. Главный предметъ культуры и источникъ благосостоянія жителей, это сахарный тростникъ.

Отплывъ изъ Портъ-Луи, 9-го мая, Бигль прибылъ 8-го іюля къ острову Св. Елены. Мрачный видъ этого острова вполне соответствуетъ его печальной извѣстности. Высокіе черные утесы, круто поднимаясь надъ

водою, имѣютъ видъ укрѣпленнаго замка. Изъ каждой впадины утеса торчатъ пушки. Естественными условіями воспользовались люди, чтобы создать укрѣпленіе дѣйствительно неприступное. У подножія утеса въ узкой долинѣ расположенъ городъ. Полное почти отсутствіе деревьевъ и зелени придаютъ ему унылый видъ. Съ моря кажется, что весь островъ—одна голая безплодная глыба камня, но на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Только береговая полоса состоитъ изъ обнаженныхъ утесовъ, беспорядочно нагроможденныхъ другъ на друга. Дальше, внутрь острова, появляются прекрасныя пастбища и лѣсистые холмы. Замѣчательно, что изъ 746 видовъ растеній, мѣстныхъ только 52; большая часть привезена изъ Англіи. На холмахъ красуются шотландскія сосны, прибрежныя низменности покрыты дрокомъ; поля окаймляются живыми изгородями изъ боярышника и ежевики; словомъ—растительность и пейзажъ до того напоминали Англію, что Дарвину казалось, будто онъ уже на родинѣ. Разбросанныя тамъ и сямъ хорошенькіе коттеджи, частью въ долинахъ, частью на холмахъ среди зелени, довершали иллюзію.

Дарвинъ посѣтилъ горныя равнины Лонгвудъ и Дедвудъ, превратившіяся, въ настоящее время, въ отличныя пастбища. А менѣе ста лѣтъ тому назадъ эти равнины покрыты были дремучимъ лѣсомъ. Лѣсу не вырубали, пней не выжигали; однимъ словомъ люди не приложили сюда труда рукъ своихъ, а лѣсъ

исчезъ безслѣдно. Оказывается, что весь этотъ переворотъ совершили козы и свиньи, привезенныя сюда въ XVIII столѣтіи. Старыя деревья подкопали свиньи, а молодую поросль обглодали козы и она погибла. Въ настоящее время трудно даже повѣрить, что на этой равнинѣ росъ когда то лѣсъ.

Островъ Св. Елены, лежащій такъ далеко отъ всякаго материка, невольно привлекаетъ вниманіе естествоиспытателя. Дарвинъ полагаетъ, что этотъ островъ существуетъ уже давно и что его береговыя горы ничто иное какъ подмытый моремъ кольцеобразный кратеръ. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовыя скалы и засѣвшія въ почвѣ раковины вымершихъ уже видовъ.

Историческая достопримѣчательность Св. Елены, это гробница Наполеона, трупъ котораго, какъ извѣстно, увезенъ отсюда и погребенъ въ Пантеонѣ. Въ Парижѣ эта пустая гробница невольно наводитъ на размышленія о тщетѣ мірской славы.

22-го Іюля Бигль пришелъ къ острову Вознесенія. Кто не видалъ острововъ вулканическаго происхожденія, тотъ пусть представитъ себѣ громадный фундаментъ черной лавы, изъ которой поднимаются стройные коническіе холмы ярко-краснаго цвѣта, большею частью усѣченные сверху, и стоящіе другъ отъ друга отдѣльно. Въ центрѣ помѣщается самый крупный конусъ, словно отецъ многочисленнаго семейства. Онъ называется Зеленымъ Холмомъ, потому что

кой-гдѣ одѣтъ зеленью; но издали этой зелени совсѣмъ не видно. Для довершенія картины черныя береговыя скалы омываются бѣшенымъ прибоемъ сердитаго Океана.

И здѣсь живутъ люди и островокъ свой содержать въ большомъ порядкѣ. Въ центральной части есть пастбища, дающія возможность держать значительныя стада.

Отсюда Бигль пошелъ въ Багіа Бланка, чтобы дополнить кругосвѣтныя хронометрическія наблюденія.

«Съ какимъ наслажденіемъ, — пишетъ Дарвинъ, — я снова очутился среди этой райской природы. Языкъ смертнаго безсиленъ, чтобы описать ея красоты. Кто можетъ, взглянувъ на сухое растеніе въ гербаріумѣ ботаника, получить правильное понятіе о томъ, какой оно имѣетъ видъ, когда растетъ на родной почвѣ; или глядя на отборные экземпляры оранжерейныхъ растений, создать въ своемъ воображеніи лѣса, въ которыхъ они росли; или увидавъ на булавкѣ тропическую бабочку и странную шкаду представить себѣ граціозный полетъ первой и мелодичное жужжаніе последней. Когда солнце стоитъ въ зенитѣ и густой шатеръ мангустана освѣняетъ землю почти черной тѣнью, между тѣмъ какъ его вѣтви, освѣщенные солнцемъ отливаютъ самыми разнообразными оттѣнками, кто можетъ, не видавъ этой картины, воссоздать ее въ своемъ воображеніи? Безсильны слова, безсильны и кисти. Надо придти и увидеть. И я былъ и видѣлъ, и

чудныя картины эти запечатлѣлись въ моемъ воображеніи. Со временемъ можетъ быть поблѣднѣютъ онѣ, стусуются формы, поблѣкнутъ цвѣта; но никогда не изгладится то сладкое отрадное чувство, которое возбудили эти картины и въ душѣ останется прекрасное воспоминаніе, похожее на то, которое мы сохраняемъ о сказкахъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ отъ любимой няни».

6-го Августа Бигль вышелъ въ море и взялъ курсъ на острова Зеленаго Мыса; но противный вѣтеръ задержалъ его и онъ долженъ былъ остановиться у Бразильскаго города Пернамбуко.

Самую любопытную черту Пернамбуко составляетъ рифъ, образующій гавань. Рифъ тянется на нѣсколько миль вдоль берега, параллельно ему и совершенно прямо. Ширина его колеблется отъ 50—80 сажень и гладкая поверхность состоитъ изъ наслоеній песчаника. Во время прилива волны заливаютъ рифъ, а во время отлива верхушка остается открытою, точно громадная плотина. Хотя день и ночь бурныя волны хлещутъ о наружную стѣну рифа, но онъ остается непоколебимъ и самые старые лоцмана не помнятъ, чтобы онъ хоть сколько нибудь измѣнился. Этотъ рифъ составляетъ естественную ограду города Пернамбуко, построеннаго на песчаной косѣ. Не будь рифа, волны океана давно размыли бы косу и смыли городъ.

31-го августа Бигль вторично бросилъ

якорь въ Порто-Прая, откуда отправился къ Азорскимъ островамъ и 2-го октября достигъ береговъ Англіи. Въ Фальмутѣ Дарвинъ покинулъ бригъ, на которомъ прожилъ около пяти лѣтъ.

«Путешествіе наше кончено, — пишетъ Дарвинъ — и можетъ быть многіе позавидуютъ счастливцу, который совершилъ его. На это я могу сказать слѣдующее: какъ ни заманчива идея посѣтить новыя страны, посмотреть на новыхъ людей, полюбоваться красотами природы, но человѣкъ, увлекающійся подобными идеями стоитъ на зыбкой почвѣ. Чтобы вынести безропотно всё неудобства и лишенія, неизбѣжныя при такомъ путешествіи, нужно нѣчто болѣе возвышенное, чѣмъ простое любопытство, — нужна любовь къ наукѣ. Она одна способна вдохновить человѣка и слѣлатъ его нечувствительнымъ къ физическимъ лишеніямъ. Пускай же тотъ, кто мечтаетъ о далекомъ странствованіи сперва спроситъ себя, имѣетъ ли онъ склонность къ какой либо отрасли знанія. Если нѣтъ, то пусть онъ выработаетъ въ себѣ эту склонность и тогда, во всеоружіи, пускается въ путь; иначе — совѣтуемъ ему ограничиться небольшими экскурсіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы.	Стр
I. Кругосвѣтное путешествіе Дарвина на кораблѣ Бигль	5
II. Рио-Жанейро	18
III. Лаплатъ	41
IV. Аргентинская республика	59
V. Багіа-Бланка и ея окрестности	74
VI. Отъ Багіа-Бланка до Буэнос-Айреса	82
VII. Отъ Буэнос-Айреса до Санта-фе	97
VIII. Отъ Буэнос-Айреса до Патагоніи	118
IX. Санта-Круцъ, Патагонія и Фолклендскіе острова	145
X. Огненная Земля	166
XI. Магелланова проливъ	200
XII. Центральное Чили	210
XIII. Чилоэ и острова Чаносъ	235
XIV. Чилоэ и Консепсьонъ.—Сильное землетрясеніе	254
XV. Переходъ черезъ Кордильеры	277
XVI. Сѣверное Чили и Перу	303
XVII. Архипелагъ Галапагосъ	339
XVIII. Тонги и Новая Зеландія	353
XIX. Австралія	386
XX. Коралловые острова	405

Крупная печать

Стр. 254 гл. XIV

НАПЕЧАТАНО

Консенсусъ

СЛЕДУЕТЪ ЧИТАТЬ

Консенсусъ